

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный технический университет»
(ТвГТУ)

ВЕСТНИК
ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки»

Научный рецензируемый журнал

№ 2, 2019

Тверь 2019

Вестник Тверского государственного технического университета: научный журнал. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». Тверь: Тверской государственный технический университет, 2019. № 2. 120 с.

Включает научные статьи, подготовленные на основе результатов исследований по группам научных специальностей «Философия», «Психология» и «Экономика», выполненных научно-педагогическими работниками Тверского государственного технического университета и учеными других научных и образовательных учреждений.

Содержание журнала представляет интерес для преподавателей социально-гуманитарных дисциплин, научных работников, аспирантов, магистрантов и студентов.

ТЕМАТИКА ЖУРНАЛА

- *Философская мысль*
- *Психологическое знание*
- *Проблемы экономики и управления*

Информацию о журнале можно найти в сети Интернет по адресу:
http://www.tstu.tver.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2831:2019-01-21-07-26-34&catid=41:seriyatechnauki&Itemid=292

Журнал включен в систему Российского индекса цитирования (адрес: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=52841).

Содержание

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ.....	5
Михайлова Е.Е. Книжная культура и типы русской интеллигенции в воззрениях В.О. Ключевского.....	5
Потамская В.П. Травма и возвышенное в прочтениях Д. Лакапры и Ф.Р. Анкерсмита.....	12
Буланов В.В. Роль Л.Н. Толстого в становлении философского мировоззрения Льва Шестова.....	19
Занегина Н.В. К истории заключения брака: трансформация «сговора»	25
Торгованова О.Н., Шевченко Г.С., Шабанова А.Е. Теоретико-методологические основания изучения концепта «социальный субъект»	31
Федоров В.В., Федоров М.В., Черемных С.В. Институт образования в системе стратегических целей развития российского социума.....	37
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ	43
Лавриков С.В. Ментально-психологический детерминант кросскультурной коммуникации	43
Гефеле О.Ф., Долгова Т.В., Новожилова И.В. Особенности применения инновационных технологий при преподавании гуманитарных дисциплин в техническом вузе	53
Чечурова Ю.Ю. Психологическая структура профессионального здоровья фармацевтов с разным стажем работы	59
Гефеле О.Ф., Долгова Т.В., Новожилова И.В. Формирование навыков при планировании самостоятельной когнитивной деятельности студентов при дистанционном обучении.....	70
ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ	75
Артемьев А.А., Кохно П.А. Факторы, показатели и модели инновационной экономики и экономическая безопасность страны	75
Розов Д.В., Комаров И.С. Общеметодические принципы по согласованию отдельных показателей качества при формировании комплексного критерия качества ресурсного обеспечения предприятия.....	85
Хохлова Т.С., Розова С.В. Проблемы делегирования полномочий в современных компаниях	89
Блохина М.В., Григорьев Л.Г. Некоммерческие организации в сфере ЖКХ в структуре гражданского общества Тверского региона	94
Хохлова Т.С., Розова С.В. Управление качеством программного продукта	102
Непомнящих И.Ф. Моделирование системы оценки контроллинга в корпоративной среде	107
Шапкина Д.Д., Липатникова В.А., Розова С.В. Управление качеством высшего образования	112
Правила представления статей для публикации в журнале.....	117

Contents

PHILOSOPHICAL THOUGHT.....	5
Mikhailova E.E. Book culture and types of russian intelligentsia in views of Vasily Klyuchevsky.....	5
Potamskaya V.P. Trauma and sublime in the interpretations of D. LaCapra and F.R. Ankersmit.....	12
Bulanov V.V. Role of I.N. Tolstoj in development of philosophical world of Lev Shestov.....	19
Zanegina N.V. To the history of marriage: the transformation of the “engagement”.....	25
Torgovanova O.N., Shevchenko G.S., Shabanova A.E. Theoretical and methodological basis of studying of the concept “social subject”.....	31
Fedorov V.V., Fedorov M.V., Cheremnykh S.V. The institute of education in the system of strategic development goals russian society.....	37
PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE.....	43
Lavrikov S.V. Mental and psychological determinant krosskulturny communication.....	43
Gefelev O.F., Dolgova T.V., Novozhilova I.V. Features of the application of innovative technologies in teaching humanitarian disciplines in the technical university.....	53
Chechurova Yu.Yu. Psychological structure of professional health of pharmacists with different experience of work.....	59
Gefelev O.F., Dolgova T.V., Novozhilova I.V. Formation of skills when planning independent cognitive activity of students during remote training.....	70
PROBLEMS OF ECONOMICS AND MANAGEMENT.....	75
Artemyev A.A., Kokhno P.A. Factors, indicators and models of innovative economy and economic security of the country.....	75
Rozov D.V., Komarov I.S. General methodological principles for the approval of selected quality indicators when forming a complex criterion of quality resource entrepreneurs of an enterprise.....	85
Khokhlova T.S., Rozova S.V. Problems of delegation of authority in modern companies.....	89
Blokhina M.V., Grigoryev L.G. Non-Profit Organizations in Housing and Utilities Infrastructure Sphere in the Structure of Civil Society in Tver Region.....	94
Khokhlova T.S., Rozova S.V. Software quality management.....	102
Nepomnyashchikh F.I. Modeling system assessment controlling in the corporate environment.....	107
Shapkina D.D., Lipatnikova V.A., Rozova S.V. Quality management of higher education.....	112
Rules for submitting articles for publication in the journal.....	117

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

УДК 1(091)

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА И ТИПЫ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ВОЗЗРЕНИЯХ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО

Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Михайлова Е.Е., 2019

Вопросы, связанные с зарождением и развитием книжной культуры и ее главного носителя – русской интеллигенции, рассматриваются в свете воззрений В.О. Ключевского. Статья выстроена в ракурсе интерпретации рукописного наследия В.О. Ключевского, в частности, цикла его литературно-исторических набросков, сгруппированных по объединяющей теме «кто такой образованный русский человек». Показаны типы русской интеллигенции, высеченные Ключевским в исторической панораме России. Первый тип – древнерусский книжник, живущий плодами «чужого ума». Второй – московский книжник, живущий с девизом «веруй, но не умствуй». Третий – западники и славянофилы, ведущие поиск оснований национального самосознания. Четвертый – нигилисты в их вариативном ракурсе: например, человек грамотный, но без бессистемного мирозерцания; человек верующий, но без способности к самостоятельному мышлению; человек, живущий и без верований, и без мыслей, но желающий отречься от прошлого. Сделан вывод о том, что типология русской интеллигенции, предложенная Ключевским, отражает степень освоения книжной культуры и понимания ее значения в общественной мысли России.

Ключевые слова: культура, общество, история, книжная мудрость, образованный человек, интеллигенция, нигилист.

Книжная культура и общественная мысль у дореволюционных мыслителей виделись сопряженными с уровнем образованности русского человека. Традиционно носителем образованности выступает интеллигенция. Этимологически понятие «интеллигенция» восходит к лат. *intelligentia* – «понимание». Введение этого термина в дискурсивное поле русской общественной мысли приписывается прозаику шестидесятых годов XIX в. П.Д. Боборыкину. Он принял за основу западноевропейское толкование термина «интеллигенция» – образованный, культурный и передовой слой общества. Однако П.Д. Боборыкин перегрузил это понятие, приписав русской интеллигенции целый ряд характеристик, среди которых – общественная солидарность, чувство долга, гарантии личности, религиозная терпимость, уважение к труду, высокая оценка прикладных наук и др. [2, с. 28; 8, с. 51].

В воззрениях В.О. Ключевского природа и назначение интеллигенции высвечивается не столь пафосно. Он критикует Боборыкина за популизм и использование газетного жаргона, называя его «торопливым писателем»,

попытавшимся обозначить этим термином такое сложное явление, как «человек, имеющий научно-литературное образование» [5, с. 299]. Интеллигент, по Ключевскому, – это прежде всего образованный человек, в силу исторических обстоятельств ставший носителем книжной культуры и общественной мысли в России. «Назначение интеллигенции – понимать окружающее, действительность, свое положение и положение своего народа», – такими словами начинает Ключевский свои записки «Об интеллигенции» (1897) [5, с. 298]. Он предлагает перестать разбрасываться словом «интеллигент», а употреблять удобное и привычное словосочетание «образованный человек».

Образованность, по убеждению Ключевского, – это наличие научного образования и способности к осмыслению освоенного знания. Употребление слова «интеллигент» резко подчеркивает только следствие (образование), не захватывая его причины (системное и осмысленное знание). Ключевский объясняет такую алогичность общим состоянием общественной мысли России конца XIX в. На его глазах в русском обществе разворачивается дискуссия о степени востребованности мышления и веры, в котором обе стороны «отрывают» последствия от причины. Одни (западники) доказывают необходимость восприятия общеевропейского научного образования, не учитывая при этом национальных особенностей постижения истины. Другие (неославянофилы) справедливо ратуют за использование духовного потенциала народа, необоснованно утверждая, что русский человек способен хорошо понимать вещи и без научного образования.

Пытаясь вскрыть природу подобных разногласий общественной мысли современной ему России, В.О. Ключевский замечает, что в них не только отражаются причины нарушения логики, но и видны следы исторической традиции, а именно стремление мыслить в духе противопоставления мышления и веры. На его взгляд, неправы и те и другие. Новоиспеченных последователей западников Ключевский критикует за то, что они не учитывают тот факт, что восприятию форм чужой культуры должна предшествовать долгая и трудная работа по формированию умения самостоятельно осваивать знания. Их противников, считающих себя хранителями национальных традиций, Ключевский подвергает критике за то, что они безосновательно отстаивают девиз «можно все понять без всякого образования» [6, с. 300]. Ключевский, в определенном смысле, показывает бессмысленность подобных споров в своих коротких записях «Верование и мышление» (1898). Критически оценивая одних за чрезмерное и бездумное увлечение новомодными науками, а других – за нерефлексивное отношение к христианским догматам, выраженное в форме «веруй, но не умствуй», он пишет: «Под византийским влиянием мы были холопами чужой веры, под западноевропейским стали холопами чужой мысли» [3, с. 309]. По убеждению Ключевского, мысль без морали чревата недомыслием, а мораль без мысли – фанатизмом.

Негативно оценивая слово «интеллигенция», смешивающее образованность со способностью мыслить самостоятельно, Ключевский предлагает использовать емкое, на его взгляд, и привычное уху понятие «образованный человек». Разумеется, Ключевский признает, что и не обученный грамоте

человек может быть понимающим и что в русском обществе, как и в любом другом, понимающие люди были и до наступления книжной культуры. Однако он отмечает, что потребность переименовать [«перезвуковать», в его оригинальной терминологии. – *Е.М.*] образованного русского человека в интеллигентного связана в современном ему обществе с поиском нового миропонимания, с неосознанным желанием найти людей, способных к обновлению жизни страны.

Между тем вопрос, кто такой образованный русский человек – просто ли книжник или книжник с собственным умом – явно волнует Ключевского. По его наблюдениям, первые рефлексивные попытки понять, что такое образованный человек, зародились в средневековой мысли Московского государства середины XV в. До этого времени русская мысль жила тем, что впитывала идеалы, привнесенные «извне» христианством, с трудом согласовывая их со своими. В процессе культурного заимствования историк обнаруживает особенность формирования русской самостоятельной мысли: размышления о действительности и о собственном положении у русских книжников были вызваны не столько ростом общественного самосознания и внутренней потребностью к размышлению, сколько внешними обстоятельствами. По мнению Ключевского, внешних вызовов, постепенно пробуждавших русскую общественную мысль, было четыре – падение Византии, борьба московского государя со своими боярами, пресечение династии Рюриковичей и церковная реформа патриарха Никона. Эти события прорезали «четыре первых зуба у новорожденной русской интеллигенции», – образно пишет Ключевский [5, с. 299].

Восприятие Русью искусства чтения и письма Ключевский справедливо связывает с появлением книг: «Вместе с книгами пришла к нам книжная мудрость» [5, с. 300]. Однако поскольку первые книги были переводными, то эта книжная мудрость стала для нас «подарком добрых, но сторонних людей, отблеском чужого ума» [5, с. 301]. Взгляд на действительность сквозь «привозные книги» оставался на Руси долгое время нерелексивным. Это привело к двум противоречивым последствиям: с одной стороны, пробуждало любознательность, жажду все новых и новых знаний; с другой – смирение перед византийско-христианскими авторитетами. Казалось бы, человек «книжный» стал почитаться как разумный и понимающий, т. е. обладающий мудростью и литературным даром. Однако в характере такого «книжника» стало вызревать «смиреномудрие личное и национальное». В условиях нерелексивного освоения переводной литературы, согласно рассуждениям Ключевского, нарождается первый тип русского интеллигента – средневековый книжник X–XII вв.: грамотный, но «нищий духом» человек, побиравшийся плодами «чужого ума» [там же].

Второй тип русского интеллигента – московский книжник – формируется в XV–XVI вв. Зарождающиеся попытки самостоятельного осознания действительности и своего места в ней были прерваны татарским нашествием. Ключевский негативно оценивает роль образованного человека в это время, считая, что он обособился от народа, занимался скорее собой, оставался в стороне от борьбы. Народ, пишет историк, «собрался с силами, построил

крепкое национальное государство и сбросил с себя азиатское иго», в то время как образованный русский человек «обзаводился книгами и книжными понятиями», «занимался своим умственным и нравственным домостроительством» [5, с. 302]. Политические успехи, связанные с идеей «Москва – третий Рим», вскружили голову образованному русскому человеку: бывшее смирение перед византийскими авторитетами обернулось необоснованной гордыней. Преобразившись из «ученика» в «учителя», средневековый московский книжник довольно быстро превратился в «грамотей мастера» [5, с. 304]. Он приобрел уверенность в том, что образованному человеку достаточно искать знаний на стороне, что надо осваивать христианский «завет отцов и дедов», способный дать ответ на все вопросы [5, с. 302]. В итоге, по наблюдениям Ключевского, произошла даже некая деградация образования. Если во времена Мономаха и его преемников на Руси были училища, в которых преподавали греческий и латинский языки, то во время правления Иоаннов не хватало школ, дающих простую грамотность.

В сравнительном контексте Ключевский выразительно рисует образы носителей книжной культуры – древнерусского и московского книжника.

Древнерусский книжник призывал к чтению: «Доброе дело – читать книги, особенно всякому христианину: чтение книги для праведника то же, что оружие для воина, что парус для корабля».

Московский книжник XVI в. советовал не читать много книг: «Смотрите, ... вот один от книг ума исступил, другой в книгах “зашелся”, третий в ересь впал».

Древнерусский книжник XI в. любил читать переведенные с греческого книги по разным отраслям знания; высшей похвалой для него было сказать «муж книжен и философ».

Московский книжник XVI в. похвалялся: «Не учен я словом, но не разумом, не обучался диалектике, риторике и философии, но разум Христов в себе имею» [5, с. 303].

У Ключевского вызывает явный интерес природа такой самонадеянности представителя второго типа русской интеллигенции, его уверенность в том, что можно все понимать, ничего не зная. Историк начинает искать причины зарождения такой личной и национальной гордости. Если прежний мыслитель много читал, но при этом не считал себя все знающим и все понимающим, то новый книжник перестал воспринимать книжную ученость в качестве главного источника понимания. «Что значило такое странное культурное явление?» – задается вопросом Ключевский. И находит ответ в силе и глубине воздействия на ум образованного человека общественно-политической формулы «Москва – третий Рим». Зародившаяся на фоне внешних политических успехов (освобождение от татарской зависимости и создание единого централизованного государства) личная и национальная гордость московского книжника в скором времени превратилась в гордыню.

Рассуждения Ключевского по этому поводу выглядят следующим образом. Миросозерцание книжников Киевской Руси складывалось постепенно, испытав на себе трудный и долгий переход от языческих [«туземных», в

терминологии Ключевского. – *Е.М.*] представлений о действительности к христианскому миропониманию. Спустя пять веков московский книжник получил новое религиозное сознание уже в готовом виде. И здесь, по мнению Ключевского, произошел перелом в сознании образованного человека. Когда «в пораженных внешними событиями глазах русского книжника весь мир пал и погрузился в неисходный мрак, а Русская земля осталась единственно светлой точкой во всей поднебесной», главным источником истинного знания и понимания стала считаться «христианская старина». «Образованный русский человек XVI в. решил, что впредь русское общество должно довольствоваться умственным и нравственным запасом, накопленным в эти пять веков...», – пишет Ключевский. Постепенно пришло искаженное осознание того, что чтение привозных книг и освоение прикладных знаний является праздным и ненужным занятием [5, с. 305].

«Веруй, но не умствуй» – такое мирозерцание русской интеллигенции, по мнению В.О. Ключевского, сохранялось вплоть до преобразований Петра I. Образованный русский человек воспринимал окружающую его действительность сквозь призму христианских догматов, был далек от житейских и общественно-политических проблем в стране. Кризис такого мирозерцания пришелся на время Великой французской революции и проявился в спорах о ее последствиях. «Тогда впервые почувствовал русский интеллигент, что можно знать родную жизнь, не понимая ее, и что для понимания нужно знать еще нечто кроме нее; но *как* нужно знать, чтобы понимать, и *что* еще нужно знать – этого он не мог себе уяснить», – очерчивает Ключевский суть внутренних противоречий [«недоразумений», в его терминологии. – *Е.М.*], свойственных русской интеллигенции XVIII – начала XIX в. [5, с. 308].

Третий тип русской интеллигенции, выделенный Ключевским на основе изучения ее книжной культуры и отношения к образованию, – западники и славянофилы. В споре западников и славянофилов Ключевский видит оформление идеи необходимости роста личностного и национального самосознания. В русской общественной мысли начала XIX в., замечает историк, стала закрепляться мысль о важности культурного взаимовлияния народов. Критически оценивает он сложившиеся ранее две позиции образованного русского человека: жить чужим умом, т. е. быть смиренным учеником византийской книжной культуры (средневековый книжник), или ощущать себя учителем всего православного мира (московский книжник). Русская интеллигенция, по его убеждению, должна была встать на позицию признания важности культурного взаимовлияния, где нет ни учителей, ни учеников, а есть исторически обусловленный диалог народов.

Четвертый тип русской интеллигенции, в воззрениях Ключевского, – это образованный, но нигилистически настроенный человек, зараженный общим пессимизмом и сомнениями. В русском обществе – утомление и разочарование, фиксирует состояние общественной мысли Ключевский в 1891 г. [6, с. 295]. В записках «Об интеллигенции» он выводит известную классификацию современной интеллигенции: «1) Люди с лоскутным мирозерцанием, сшитым из обрезков газетных и журнальных. 2) Сектанты с затверженными заповедями,

но без образа мыслей и даже без способности к мышлению. 3) Щепки, плывущие по течению, оппортунисты либеральные или консервативные, и без верований, и без мыслей, с одними словами и аппетитами» [5, с. 299].

Как видим, нигилизм образованного человека представлен у Ключевского в довольно широком вариативном ракурсе: например, человек грамотный, но без бессистемного мирозерцания; человек верующий, но без способности к самостоятельному мышлению; человек, живущий и без верований, и без мыслей, но желающий отречься от прежнего мирозерцания. В этом же ряду стоит и русский дворянин. «Дворянство – “верноподданные бунтари”. Оно привыкло окружать престол с вечно протянутой рукой попрошайки и трясти его за неподатливость», – фиксирует свою мысль Ключевский в «Записной книжке» 1890-х гг. [4, с. 443].

По мысли Ключевского, интеллигенция играет особую роль в русском обществе. Образованный человек не может напрямую воздействовать на общественное устройство страны. Но он должен наблюдать и изучать жизнь, накапливая знания. «Это знание, добытое соединенными усилиями и опытами разных народов, есть общее достояние человечества. Оно хранится в литературе, переходит в сознание лиц и народов с помощью образования» [4, с. 419]. Таким образом, образованный русский человек – это прежде всего носитель книжной культуры, стремящийся не копировать или отчуждать культурное наследие, а умело его интерпретировать и использовать. Задача интеллигенции – предвидеть направление развития и его возможные последствия [4, с. 420]. Чтобы справиться с такой задачей, говорит Ключевский, русская интеллигенция должна стать носителем не «лоскутных», а систематических знаний, искать не отвлеченные истины, а те, которые могут помочь в реальной жизни своему народу. В ином случае «русская интеллигенция скоро почувствует себя в положении продавщицы конфет голодным людям», – тонко прогнозирует Ключевский [4, с. 378].

Что касается вышеизложенных суждений Ключевского о книжной культуре и предложенной им классификации русской интеллигенции, то следует отметить, что культурно-историческая типологизация, свойственная русской философской мысли конца XIX в., представляла собой не только методологическую стратегию, помогающую выявить общность черт и отличительные характеристики явлений. По мнению исследователей, таким способом мыслители выражали потребность понять глубокие политические и экономические изменения в стране [1, с. 164; 7, с. 106–116]. Как одаренный историк с острым чувством гражданственности, В.О. Ключевский оказался в числе мыслителей, воспринимавших эти изменения как всеобщий нравственный и интеллектуальный кризис. Констатируя, что русская интеллигенция разочарована и утомлена, что она исторически теряет «вчерашние дни», утрачивает свой культурный потенциал, он пытается выяснить причину интеллектуального кризиса. Этим во многом объясняется интерес Ключевского к истокам образованности русского человека и к формам культурной книжности русской интеллигенции. Изучая особенности складывания книжной культуры и общественной мысли, он выводит типы русской интеллигенции. В исторической панораме России они выглядят следующим образом: X–XV вв. – человек

грамотный, но преклоняющийся перед авторитетом греческих мыслителей; XVI–XVIII вв. – грамотный, но не способный к рефлексии христианских догматов; со второй половины XIX в.: 1) человек грамотный, но без системного образования, с «лоскутным» мирозерцанием; 2) верующий, но без способности к самостоятельному мышлению; 3) нигилистически настроенный человек, желающий обрести новое мирозерцание, отвергая культурное наследие прошлого.

Библиографический список

1. Бельчевичен С.П., Рыбачук В.Б. Проблема культурно-исторической типологии в историософии Д. Мережковского и Г. Федотова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 2. С. 164–170.
2. Варпетян А.Э. Русская интеллигенция и историческая традиция: П.Б. Струве и П.Н. Миллюков // Вече: СПб. Философское общество; Ин-т философии СПбГУ; кафедра истории русской философии. Вып. 28. СПб.: СПбГУ, 2016. С. 28–35.
3. Ключевский В.О. Верование и мышление // В.О. Ключевский. Неопубликованные произведения / сост. А.А. Зимин, Р.А. Киреева. М.: Наука, 1983. С. 308–309.
4. Ключевский В.О. Записная книжка [1890-е годы] // В.О. Ключевский. Соч.: в 9 т. Т. 9. Материалы разных лет / под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1990. С. 375–446.
5. Ключевский В.О. Об интеллигенции // В.О. Ключевский. Неопубликованные произведения / сост. А.А. Зимин, Р.А. Киреева. М.: Наука, 1983. С. 298–308.
6. Ключевский В.О. Характеристики общественных типов // В.О. Ключевский. Неопубликованные произведения / сост. А.А. Зимин, Р.А. Киреева. М.: Наука, 1983. С. 292–296.
7. Косарская Е.С. Проблема типологии социокультурного развития в философии истории русского позитивизма конца XIX – начала XX века: дис. ... к. филос. н.: 09.00.03. М.: МГОУ, 2016. 189 с.
8. Бондарева Я.В., Семаева И.И., Моисейкина Т.А. Онтологические искания в русской религиозной философии XIX – первой половины XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». 2018. № 4. С. 49–58.

BOOK CULTURE AND TYPES OF RUSSIAN INTELLIGENTSIA IN VIEWS OF VASILY KLYUCHEVSKY

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

In light of the views of Vasily Klyuchevsky we raise the issues related to the origin and development of literary culture and Russian intelligentsia as its main ambassador. The article has been built in the perspective of the interpretation of the handwritten heritage of Klyuchevsky, in particular, the cycle of his literary-historical essays, grouped by the unifying theme of «who is an educated Russian person». The types of Russian intelligentsia highlighted by Klyuchevsky in the historical panorama of Russia are shown. The first type is a medieval scribe living by the fruits of an «another's mind». The second type is a Moscow scribe who lives

with the motto «Believe, do not philosophize». The third type is Westerners and Slavophiles, searching for the foundations of national identity. The fourth type is nihilists in their variable perspective: for example, a person is literate, but has no haphazard outlook; a believer without the ability to think independently; a person who lives with no beliefs or thoughts, but who wants to deny the past. It is concluded that the types of Russian intelligentsia, revealed by Klyuchevsky, reflect the degree of development of book culture and understanding of its significance in the public thought of Russia.

Keywords: *culture, society, history, book wisdom, educated person, intelligentsia, nihilist.*

Об авторе:

Михайлова Елена Евгеньевна – д. ф. н., профессор, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Mikhailova Elena Evgenyevna – PhD, Prof., Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

УДК 101.9

ТРАВМА И ВОЗВЫШЕННОЕ В ПРОЧТЕНИЯХ Д. ЛАКАПРЫ И Ф.Р. АНКЕРСМИТА*

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Потамская В.П., 2019

Д. ЛаКапра обращается к возможностям привлечения возвышенного в исследовании травмы, являясь скорее противником приписывания возвышенному чрезмерной степени значимости в области исторических исследований. Не идентифицируя травму с возвышенным, ЛаКапра утверждает, что в контексте trauma studies возможно говорить о негативном возвышенном. Ф.Р. Анкерсмит, отождествляя травму и возвышенное, отмечает скорее онтологический характер возвышенного исторического опыта, более близкого эмоциональным и психическим переживаниям, нежели когнитивному аспекту. При этом любая попытка устранить травму из исторического опыта представляется ему невозможной, поскольку вся западная история детерминирована утратами и травмами.

Ключевые слова: *лингвистический поворот, возвышенное, травма, исторический опыт.*

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Лингвистический поворот и историческое познание как проблема западной философии второй половины XX – начала XXI века» № 17-33-00047.

Переосмысление интеллектуальной истории осуществляется известным американским историком Д. ЛаКапрой посредством рефлексии относительно взаимоотношений текст–контекст. Это подразумевает под собой исследование проблем используемого языка, что снижает дихотомию между текстом и контекстом и подчеркивает их, по большей части, амбивалентную взаимосвязь. В его творчестве можно выделить три этапа, первый из которых (1970-е гг.) связан с дерридианской деконструкцией, второй (1980-е гг.) – с культурной и социальной историей, третий (1990–2000 гг.) – с *trauma studies*. В рамках последнего этапа ЛаКапра сосредотачивает свое внимание на анализе феномена травмы, позволяющего радикально переосмыслить контексты интеллектуальной истории: травма ведет к реконфигурации исторического опыта и разрушает фундаментальную историческую взаимосвязь между прошлым, настоящим и будущим [5, с. 194].

Значительное влияние на ЛаКапру оказал лингвистический поворот, хотя постановка проблемы повествования как центральной для понимания природы постижения истории [2, с. 146] представляется ему достаточно спорной. При выстраивании диалогических отношений с прошлым следует привлекать различные исследовательские стратегии и теоретические модели, в том числе идеи лингвистического поворота, достижения психоанализа, эстетическую теорию, поскольку нельзя говорить о наличии фундаментальных и универсальных способов познания прошлого. Исторический дискурс в этом смысле подразумевает под собой взаимосвязь теоретического вопрошания и эмпирических, в том числе и исторических, измерений.

ЛаКапра констатирует превалирование идеи трансформации травмы в сакрализованное или возвышенное в современном дискурсе (например, в работах С. Фридландера, Дж. Агамбена, Ф. Анкерсмита, К. Кэрат). Он убежден в неоправданности замещения травмы и способов ее переживания понятиями возвышенного и сакрального, поскольку подобное следует скорее логике бинарной оппозиции и игнорирует промежуточные проявления исторического опыта. «С моей позиции, к возвышенному лучше обращаться в критической и само-критической манере, исследующей его многообразные вариации, употребления и злоупотребления, включая те способы, посредством которых возвышенное обнаруживает себя <...> и может время от времени препятствовать историческому или критическому исследованию жестоких и травматических событий Шоа» [6, р. 23]. ЛаКапра в трактовке возвышенного обращается главным образом к кантианским характеристикам и рассматривает возвышенное как один из элементов эстетической теории в целом [8, р. 36]. И. Кант, характеризуя возвышенное, мыслит его в терминах обратной симметрии с прекрасным. Для возвышенного характерен своего рода чувственный шок, эмоциональное воздействие и дисгармония, которые побуждают к размышлению о величии. Возвышенное указывает на безграничность и масштабность, субъективность восприятия. Кантианское возвышенное, по ЛаКапре, основывается на его связи с моралью как решающим критерием, отличающим человеческое существо от остальной живой природы: «Возвышенное покоится не в природных вещах, но только в нашем сознании постольку, поскольку

мы можем осознавать наше превосходство над природой внутри нас и тем, что находится за пределами нас» [9, p. 156].

Навязывание возвышенного как модели восприятия предельных событий в работах ЛаКапры вызывает последовательную критику, так как применение подобной категории коррелирует с обоснованием своих действий нацистами. Он обращается к Познанской речи Гимmlера 1943 г. перед офицерами СС, которая рассматривается им как некое парадигматическое утверждение «негативного возвышенного». Гимmlер в своем выступлении утверждает, что, несмотря на осознание всей тяжести уничтожения евреев, которую и он сам, и все офицеры СС ощущают и молча несут, оно необходимо как возвышенное подчинение воле фюрера, как своеобразная жертва Рейху [4, с. 125]. По ЛаКапре, наиболее заметным в нацистском феномене является имманентное или негативное возвышенного, соотносящееся с определенным типом карнавализации, так же как и сакрализации, виктимизации, поисков козлов отпущения [8, p. 33].

В исследовании возвышенного ЛаКапра уделяет значительное внимание религиозному измерению данного явления. Он отмечает, что возвышенное обладает модальностями, варьирующимися от имманентного к трансцендентному. И в этом смысле возвышенное связано с сакрализованным, поэтому «возвышенное сакральное зрелище» может носить травматический характер, примером чего служит принесение в жертву. Не рассматривая секуляризованный ритуал или дезориентирующие жертвенные реакции как уникальную черту Шоа (синоним Холокоста в западных trauma studies), ЛаКапра полагает, что они важны для попыток понять определенные аспекты мотивации и действия преступника [7, p. 184].

ЛаКапра соотносит секуляризованное сакральное с жертвенностью. Само по себе жертвоприношение, в его трактовке, включает в себя функции обязательства или дарения. Дар является принесенной жертвой и предлагается богу или богоподобному существу, поэтому представляется необходимым дифференцировать дар и жертву и предполагать, что принесение даров является типом возможной экстатической или возвышенной перформативности, могущей нейтрализовать или заменить виктимизацию, в отношении которой репрессирование может рассматриваться как форма деградации [12, p. 204]. В ходе жертвоприношения ни человеку, ни животному как сакральной жертве не дается права голоса или не отводится значительной роли при фокусировании внимания на чрезмерности дара. Анализируя жертвоприношение и виктимизацию, ЛаКапра обращается к работе Ж. Деррида «Дар Смерти». И для него является очевидным, что Деррида игнорирует важные проблемы. В первую очередь, это статус и положение Исаака как сакральной жертвы, которую Авраам намеревался предложить Богу. Вопрос о жертве не является ключевой проблемой Деррида, хотя в жертвоприношении типичным даром выступает жертва. По крайней мере, в «Даре Смерти» участниками диалога являются Авраам, Бог и Деррида. Более того, Деррида понимает жертвоприношение так, «как если бы Авраам уже убил Исаака» в мгновение решения Авраама, и рассматривает Авраама как религиозную фигуру, противостоящую апориям

между абсолютизированной обязанностью (продиктованной радикально трансцендентным, сокрытым Богом) и этической обязанностью по отношению к его сыну Исааку. Деррида маргинализирует проблему виктимизации в жертвоприношении, акцентуализирует одновременно дар и уникальность объекта жертвоприношения, а также абсолютную обязанность, объединенную с радикальной трансцендентностью. И, по мнению ЛаКапры, это представляет собой пострелигиозную и эстетическую перспективу, конструирующую Авраама как мучительную (но не трагическую) фигуру возвышенного, для которого даже скорбь является недоступной [9, p. 184].

Сакрализация травмы может быть ассоциируема с ее фигурацией как возвышенного, поскольку травма является устрашающей, искупительной, находящейся вне области обыденного. Травма также может быть репрезентируема как сопровождаемая возвышенным или экстатическим восторгом либо обладать амбивалентным или отрицательным характером. И в этой связи сакрализация может быть ассоциирована с противостоянием любой форме возвышения, воплощаться как пустота, которая свидетельствует о глубинном спуске в бесконечную меланхолию [11, p. 70–71]. Однако, по мнению ЛаКапры, утверждение о том, что жертва травматического опыта воспринимает его как возвышенный или сакрализированный, является сомнительным. Подобная фигурация или испытываемый травматический опыт становится скорее смятением, онемением, жутким или чем-либо сверхъестественным. Жертва живет, но остается жертвой, существуя в меланхолическом переживании травмы, которое подразумевает под собой возрождаемый травматический опыт [ibid, p. 75–76].

Рассматривая взаимоотношения между возвышенным и жутким, ЛаКапра обращается к воззрениям З. Фрейда. При анализе жуткого Фрейд не затрагивает возвышенного, однако некоторые из его утверждений позволяют говорить о диалектическом характере их взаимоотношений. Возвышенное и жуткое может быть рассмотрено как постсекулярный опыт, и ЛаКапра проводит их дифференциацию в контексте травмотропизма. Возвышенное тяготеет к трансцендентности, а жуткое включает в себя имманентное, близкое к сублимации. Возвышенное может быть рассмотрено как жуткое или обладающее эффектами жуткого. В то же время жуткое может стимулировать поиск трансцендентного или освобождение от принудительно повторяющихся затруднительных положений, в том числе путем решительного насилия, которое может быть воплощено как возвышенное [11, p. 88]. Тотальность Другого может быть сконструирована как возвышенное, но не как жуткое, по крайней мере, первоначально.

В контексте травмы можно говорить о негативном возвышенном, характеризующемся спадом эйфории и ростом ужаса, в отличие от кантiansкой трактовки возвышенного. Вместе с тем, если травма не может быть полностью преодолена, она может быть нейтрализована попыткой проработать проблемы, скорбью о жертвах прошлого, включающей в себя стремление обрести более глубокое понимание запутанных взаимоотношений,

соединяющей травму, жуткое, возвышенное, секуляризованное, сакральное, виктимизацию [8, р. 40].

Обратимся к иной концепции возвышенного, предлагаемой Ф.Р. Анкерсмитом. В его философии можно выделить два этапа, первый из которых связан с нарративной лингвистической философией, а второй характеризуется обращением к такой категории исторического исследования, как возвышенный исторический опыт, получаемый в непосредственном контакте с прошлым. Анкерсмит, следуя за кантианскими характеристиками, определяет возвышенное как ощущения, психические состояния или эмоциональные переживания, возникающие, когда человек сталкивается с чем-либо впечатляющим или пугающим. Возвышенный исторический опыт не предполагает наличия дистанции между прошлым и настоящим и не является переживанием подобного дистанцирования. Он субъективен и соотносится исключительно с сознанием воспринимающего его: «Ситуация тут скорее обратная, так как прошлое обретает бытие лишь благодаря историческому опыту и через его посредство. Прошлое рождается из травматического опыта историка, вступающего в новый мир и сознающего бесповоротную утрату прежнего мира. В такие моменты историки ощущают себя частью того, что описывают – иначе говоря, разлад между настоящим и прошлым, – и испытываемое ими отчаяние, вызванное утратой привычного мира, становится движущей силой для написания истории и внушает им глубочайшие мысли» [1, с. 368–369]. Причина интереса к исследованию возвышенного заключается в следующем: опыт переживания реальности субъектом в возвышенном не может быть репрезентирован в рамках лингвистического и нарративного поворота. В данном случае опыт будет предшествовать языку, находясь за пределами лингвистических средств выражения. Возвышенный опыт ближе чувствам и настроениям, чем знанию, он скорее онтологичен, нежели эпистемологичен, пессимистичен и меланхоличен по своему характеру и «потому должен определяться скорее через то, что вы суть, чем через то, что вы знаете, каким знанием обладаете» [там же, с. 314]. Возвышенный и исторический опыты не обладают когнитивными функциями и не служат никакой цели, хотя их проявления могут иметь значение для обладающего опытом: «В подобные моменты мы переживаем частичную смерть, потому что от всего, что мы есть, остается лишь чувство или опыт» [там же, с. 314–316].

По Анкерсмицу, трагические события предопределяет весь исторический дискурс европейской культуры: «Коллективный опыт ужаса и страха, пережитый Европой в эпоху гибели Римской империи, эпидемии чумы 1348 года, Столетней войны, Французской революции и пр., наделил прошлое Запада непреходящей болью. Тень этих страданий отразилась на народах Европы гораздо сильнее, чем периоды счастья и радости» [1]. Вследствие этого травма присуща западному сознанию из-за его неспособности абсорбировать опыт внутри истории: «Для западной цивилизации исторический дискурс стал, с одной стороны, медиатором между травмой и страдающими от нее, а с другой – объективацией того и другого» [3].

Отождествляя возвышенный исторический опыт с травмой, Анкерсмит рассуждает в рамках фрейдистского подхода и рассматривает травму как неспособность пережить или ассимилировать травматический опыт, включив его в историю. Вместе с травмой возникает не столько открытость к страданию, сколько определенная нечувствительность, «как будто вместилище страдания перестало отвечать истинной природе и размерам этого страдания» [1, с. 482–483]. Анкерсмит выделяет два вида травмы: это травма-1, не затрагивающая идентичность подверженного ей, и травма-2, подразумевающая под собой конструирование новой идентичности. Примером травмы-2 служит Великая Французская революция, коренным образом изменившая идентичность французов. Травма-2 никогда не прекратит оказывать свое воздействие, так как любое повествование о прошлом будет переживаться как усиливающее утрату [там же, с. 448–456]. ЛаКапра, обращаясь к иному исследовательскому материалу, оппонирует идеям Анкерсмита. ЛаКапра проводит дифференциацию двух видов травмы: структурной и исторической. Структурная (трансо- историческая) травма является скорее условиями возможности, которые генерирует потенциал для травмы и эмпирические формы исторической травмы [10, р. 722]. Историческая травма соотносится с конкретными историческими событиями, значительными утратами и потерями. Примерами подобного могут служить Холокост, апартеид, атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки [ibid, р. 724]. Задача историка заключается в объяснении того, каким образом частицы травматического опыта человечества вписаны в конкретный индивидуальный исторический опыт [3].

Итак, ЛаКапра обращается к возможностям привлечения возвышенного в исследовании травмы, без отождествления травмы и возвышенного. Он выступает скорее противником приписывания возвышенному чрезмерной степени значимости в области исторических исследований и эстетизации свидетельств жертв Холокоста в целях демонстрации нерепрезентируемости и несравнимости данного явления с другими. В контексте травмы, по ЛаКапре, можно говорить, скорее о негативном, чем о возвышенном. Анкерсмит в своей трактовке возвышенного следует кантовским характеристикам. Психологическим эквивалентом возвышенного является травма. Для Анкерсмита попытка устранить травму из исторического опыта невозможна, поскольку вся западная история детерминирована утратами и травмами. ЛаКапра, в свою очередь, говорит о возможности проработки, осознания и смягчения травмы, подчеркивая вероятность примирения с прошлым.

Библиографический список

1. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 612 с.
2. Губман Б.Л. А.К. Данто и П. Рикёр: повествование как способ познания истории // Философские науки. 2018. № 10. С. 143–159.
3. Кукарцева М.А. Край возможного, или размышления о новой книге Д. ЛаКапры. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/02/27/1251427393/4.pdf> (дата обращения: 12.01.2019).
4. Николай В.Ф. «Негативное возвышенное» vs «проработка прошлого» в интеллектуальной истории Д. ЛаКапры // Вестник Нижегородского универ-

- ситета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2011. № 3 (23). С. 124–128.
5. Потамская В.П. Интеллектуальная история Д. ЛаКапры: история, память, травма // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2018. № 3. С. 191–198.
 6. LaCapra D. Articulating intellectual history, cultural history and critical theory // *History and Its Limits: Human, Animal, Violence*. Ithaca: Cornell University Press, 2009. P. 13–37.
 7. LaCapra D. Conclusion: psychoanalysis, memory and the ethical turn // *History and Its Limits: Human, Animal, Violence*. Ithaca: Cornell University Press, 2009. P. 180–210.
 8. LaCapra D. History and memory: in the shadow of the Holocaust // *History and memory after Auschwitz*. Ithaca: Cornell University Press, 1998. P. 8–42.
 9. LaCapra D. Reopening the question of the human and the animal // *History and Its Limits: Human, Animal, Violence*. Ithaca: Cornell University Press, 2009. P. 149–189.
 10. LaCapra D. Trauma, Absence, Loss // *Critical Inquiry*. Vol. 25. № 4. P. 696–727.
 11. LaCapra D. Traumatropisms: From Trauma via Witnessing to the Sublime? // *History and Its Limits: Human, Animal, Violence*. Ithaca: Cornell University Press, 2009. P. 59–89.
 12. LaCapra D. Tropisms of Intellectual History // *History and Its Limits: Human, Animal, Violence*. Ithaca: Cornell University Press, 2009. P. 190–224.

TRAUMA AND SUBLIME IN THE INTERPRETATIONS OF D. LACAPRA AND F.R. ANKERSMIT

V.P. Potamskaya

Tver State Technical University, Tver

D. LaCapra addresses to the possibilities of applying to sublime in trauma studies, being rather an opponent of attributing excessive degree of importance in the field of historical research to sublime. Without identifying trauma with the sublime, LaCapra argues that in the context of trauma studies it is possible to speak of negative sublime. F.R. Ankersmit notes the ontological character of a sublime historical experience and identifies trauma and sublime. From Ankersmit's point of view sublime is close to emotional and mental experiences rather than the cognitive aspect. Any attempt to eliminate trauma from historical experience seems to him impossible, since the entire western history is determined by losses.

Keywords: *linguistic turn, exalted, trauma, historical experience.*

Об авторе:

Потамская Вера Павловна – к. ф. н., старший преподаватель кафедры медиа-технологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru

Potamskaya Vera Pavlovna – PhD, Senior Lecturer of the Department of Media Technologies and Public Relations, Tver State Technical University, Tver. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru.

УДК 1(091)

РОЛЬ Л.Н. ТОЛСТОГО В СТАНОВЛЕНИИ ФИЛОСОФСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЛЬВА ШЕСТОВА

В.В. Буланов

ФГБОУ ВО «Тверской государственной медицинский университет», г. Тверь

В статье доказывается, что становление философского мировоззрения Льва Шестова происходило в контексте ценностного конфликта. Этот процесс шел на протяжении второй половины 1890-х гг. Делается вывод, что изменение отношения Льва Шестова к Л.Н. Толстому влияло на этот процесс.

Ключевые слова: идеал, норма, противоречие, ценность, ценностный конфликт, философское мировоззрение.

© Буланов В.В., 2019

Становление философского мировоззрения Льва Шестова шло во второй половине 1890-х гг. Этот процесс можно проследить по текстам трех работ: «Шекспир и его критик Брандес», «Добро в учении гр. Толстого и Фр. Ницше (Философия и проповедь)» и «Достоевский и Ницше (Философия трагедии)». Он исполнен драматизма, поэтому сложно согласиться с тем, что Шестов был «однодумом» (Н.А. Бердяев). Вряд ли философствование сводимо к рефлексии над беспочвенностью человеческого существования [2, с. 102] или критике рационализма [4, с. 37]. Шестов-мыслитель сформировался в результате снятия ряда ценностных конфликтов, и каждый из них, так или иначе, был связан с изменением отношения ко Л.Н. Толстому.

Лев Толстой до начала 1880-х гг. был писателем-реалистом, а затем пережил мировоззренческий кризис, связанный с формированием у него неортодоксального религиозного мировоззрения на базе рациональной интерпретации Евангелия. Он превратился в проповедника, обличавшего русское православие за лицемерие и погруженность в мирские дела [5, с. 142–145, 290–292], критиковавшего светское общество России за праздность и эксплуатацию простого народа [8, с. 377]. Поздний Толстой утверждал: чем искусство и жизнь людей религиознее, тем она нравственнее [7, с. 40, 50–52, 54]. Придя к выводу об ошибочности «разумного знания», Толстой решил, что познание истины связано лишь с «исканием Бога» [6, с. 149]. Для него добро стало сущностью Бога, и он начал поучать и осуждать других людей, исходя из своего понимания добра. Толстой в 1890-х гг. сожалел о том, что ранее писал повести и романы. Критикуя литературу за культ земной красоты, он теперь считал ее пагубным соблазном [9, с. 41–42, 93, 208–209].

Сначала Шестов положительно относился к творчеству Толстого, недаром в 1896 г. он включил его в число писателей и литературных критиков, чьи труды обязательно нужно прочитать [1, с. 24]. Однако особого влияния

этот писатель на его мировоззрение не оказывал до знакомства Шестова с биографией и философией Ф. Ницше.

По мнению Шестова, «читая Ницше, не удивишься тому напряжению, до которого может дойти человек, если ему нужно оправдать и осмыслить свою жизнь» [14, с. 113]. В таком напряжении каждый человек пребывает в состоянии ценностного конфликта. В нем он периодически оказывается, потому что всегда «расщеплен в своем существовании» и не способен смириться с тем, чем он является [15, с. 378]. Тогда экзистенциальная раздвоенность заставляет его искать новые ценности для собственной деятельности [11, с. 288, 292]. Шестов, несомненно, ощущал в себе такое расщепление, обнаруживал его и в Ницше, считал раздвоенность причиной ницшевского внимания к проблеме переоценки ценностей и потому заинтересовался феноменом ценностного конфликта.

В связи с этим обратимся к теоретическим основаниям ценностного конфликта. Под ценностным конфликтом следует понимать такое противоречие между ценностями субъектов коммуникации, которое дает им «стимул к выбору и принятию решений» [10, с. 26], признанным снять это противоречие. Он происходит в человеческом сознании, так как ценность является социально значимым эталоном должного поведения, пребывающим в определенном поле и взаимосвязанным со смыслами этого поля [3, с. 337]. Ценности в зависимости от своей основной функции делятся на ценности-средства, ценности-регулятивы (нормы), ценности-цели (идеалы) и фундаментальные ценности истины, добра и красоты. Ценностный конфликт бывает внутриличностным, межличностным и межгрупповым. Внутриличностный ценностный конфликт в первую очередь связан с противоречием между ценностями-средствами. В данном случае субъект, ориентируясь на ту или иную ценность-регулятив, затрудняется при выборе между ценностями, ориентация на которые содействует следованию этой ценности-регулятиву. Межличностный ценностный конфликт чаще всего связан с тем, что ценности-регулятивы у двух или нескольких личностей совпадают, тогда как соответствующие им идеалы понимаются ими по-разному. Для межгруппового ценностного конфликта характерно противоречие между интерпретацией фундаментальных ценностей при одинаковом понимании идеалов.

О том, что молодой Шестов увлекся исследованием биографии и творчества писателей и философов через призму ценностного конфликта, свидетельствуют три его первые работы. Причем анализ текста его первого произведения («Шекспир и его критик Брандес») дает основания выделить три ценностных конфликта, снятие которых было необходимо для формирования его философского мировоззрения.

Во-первых, это внутриличностный ценностный конфликт, связанный с защитой достоинства человеческой личности. Для Шестова тогда ценностью-регулятивом являлась защита достоинства человеческой личности [14, с. 11–12]. В то же время с выбором ценности-средства он затруднялся, пытаясь выбрать между двумя ценностями-средствами – верой в Бога как Творца человека и убежденностью в том, что даже самому закоренелому преступнику можно и должно посочувствовать. При этом философ не был согласен с катафатическим

богословием из-за присущего последнему рационализма и потому не хотел наделять Бога какими-либо однозначными свойствами [14, с. 7–10] и выводить достоинство человека из того, что он – творение Бога. Это затруднение проявляется в том, что Шестов, хотя обличает категорический императив за жестокость к убийце Макбету, но не может не признать, что защищать в Макбете человеческое достоинство могут лишь выдающиеся люди, в частности У. Шекспир [14, с. 116–117, 202–204]. Шестову помогла бы в этом традиционная апелляция к милосердию Бога-судьи, но ведь он отказывается наделять Бога земными чертами.

Во-вторых, это межличностный ценностный конфликт, касающийся противоречия между гуманностью и жестокостью при оценке Л. Шестовым личности и философского мировоззрения Фридриха Ницше. Конечно, этот конфликт можно выявить лишь в его опосредованной форме (Шестов не имел возможности беседовать или переписываться с Ницше). Он заключался в том, что Шестов, как и Ницше, симпатизировал такой ценности-регулятиву, как стойкость перед ударами судьбы [14, с. 113], но ориентировался на идеал гуманности [14, с. 111, 117] и потому мучительно пытался оправдать Ницше за его апологию жестокости [1, с. 32; 14, с. 113].

В-третьих, это межгрупповой ценностный конфликт между Л. Шестовым как одним из религиозных новаторов и сторонниками рационализма (этот конфликт также является опосредованным: ни с одним из философов-рационалистов Шестов не полемизировал как с живым и рядом присутствующим собеседником). С философским рационализмом, как и с мировоззрением Шестова, совместимо приятие ницшевского тезиса о «смерти Бога», вместо которого нужно выбрать новый идеал. Однако рационалисты должны приветствовать «смерть Бога» как важное прогрессивное событие. А для Шестова это пагубное следствие скептицизма ученых, философов – просветителей (Вольтера) и идеалистов (Канта) [14, с. 8]. По мнению мыслителя, на «смерть Бога» нужно реагировать защитой Бога от всякой рационализации, создавая новый идеал Бога как источника нравственности, защитника человеческой личности от обезличивающего влияния науки и ударов судьбы [14, с. 8, 11, 17–18]. Таким образом, можно сделать вывод, что Шестов снял для себя данный ценностный конфликт.

Создавая произведение «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше (Философия и проповедь)», Шестов стремился разрешить существующие ценностные конфликты. Его отношение к Толстому в те годы значительно изменилось. Эта перемена связана с мировоззренческими исканиями философа.

Анализ текста «Добра в учении...» позволяет прийти к выводу, что его автор сумел снять свой внутриличностный ценностный конфликт, связанный с защитой достоинства человеческой личности. Это произошло благодаря использованию мыслителем такой ценности-средства, как противопоставление «философия – проповедь». В интерпретации Шестова философия – это мышление, ориентированное на честное отношение к миру, на приоритет понимания над вынесением оценки, а проповедь – это согласие

на ложь во имя комфортного ощущения своего благочестия и связанного с ним права судить других людей [12, с. 303–304].

Выбор в пользу философии и, соответственно, приоритет понимания над оценкой приводит к уяснению того, что залог человеческого достоинства – в приятии иррациональности и внеморальности бытия в целом и Бога в частности, так как Он не есть добро и перед Ним грешники равны с праведниками [12, с. 202–203, 207]. Шестов заявляет, что имморализм – это выстрадавшая Ницше «евангельская истина» [12, с. 257]. Если учесть, что Л. Толстой ассоциировал Бога с добром и называл наглостью высказывания Ницше о христианской морали [9, с. 49], становится очевидным, что Шестов солидарен в этом вопросе с Ницше и уже не симпатизирует Толстому как мыслителю-моралисту. Об этом изменении отношения Шестова к писателю свидетельствует новое понимание философом мировоззренческой эволюции Толстого: когда последний был реалистом, длился философский ее этап, а когда он стал пропагандировать свои религиозные воззрения, начался этап проповеди. Проповедь Толстого вызвала у Шестова лишь сожаление и осуждение как предательство автором «Войны и мира» самого себя [12, с. 303–307]. Такое новое отношение Шестова к Толстому, несомненно, связано с ценностью-средством «противопоставление “философия – проповедь”». Ориентация на нее помогла Шестову разрешить свой внутриличностный ценностный конфликт.

Стратегия снятия Шестовым опосредованного межличностного ценностного конфликта Шестова с Ницше как со сторонником жестокости в работе «Добро в учении...» не претерпевает существенных изменений. По Шестову, ницшевский апофеоз жестокости, несовместимый с гуманностью Толстого, достоин не осуждения, а сострадательного понимания и приятия [12, с. 297–299]. Шестов считал, что гуманность лицемерна и что об этом свидетельствуют проповеди Толстого [12, с. 281, 283].

Во время работы над «Добром в учении...» философ придерживался ранее принятой им стратегии снятия межгруппового ценностного конфликта между теми, кто признал «смерть Бога» как данность, т. е. рационалистами, и религиозными людьми с неортодоксальными убеждениями. Мыслитель по-прежнему убежден в том, что Бога нельзя постичь рационально. Но теперь он добавляет, что истинного Бога еще нужно найти и что этот Бог выше толстовского добра [12, с. 307]. К этому заключению он пришел не без помощи размышлений о неприемлемой для него «исключительной требовательности добра, желавшего, чтобы вопреки <...> разнообразию действительной жизни люди признавали его “началом и концом всего”, как говорит гр. Толстой» [12, с. 307].

Содержание следующей работы Шестова, «Достоевский и Ницше (Философия трагедии)», свидетельствует о том, что ее автор сумел снять все те ценностные конфликты, которые тревожили его в самом начале его философствования. Этому во многом способствовало его пристальное внимание к творчеству Л. Толстого.

Внутриличностный ценностный конфликт Л. Шестова ранее был снят через противопоставление философии проповеди. Теперь он еще более

утвердился в избранной позиции, противопоставляя философию трагедии философии обыденности. Мировоззрение Толстого, по убеждению философа, не обеспечивает защиту достоинства человеческой личности. Толстой предпочел честности «твердые принципы, по которым можно жить человеку», пока еще не оказавшемуся в «области трагедии» [13, с. 316, 351].

Как и ранее, Шестов заявляет, что от гуманности милосерднее перейти к жестокости. Он полагает, что сострадание «добрых», в частности на основе толстовской морали, выносит приговор человеку, попавшему в «область трагедии»: этому «человеку больше ничем нельзя помочь» [13, с. 439]. Мыслитель утверждает, что Толстой, прикрываясь волей Бога и благими пожеланиями, в действительности заботится не благе своих ближних, а о том, чтобы все «мы исполняли его собственную волю» [13, с. 449]. По Шестову, удел приверженцев гуманности – «опустошенная <...> действительность» лжи другим и себе, а после отказа от гуманности начинается «новая жизнь <...> обещающая, но пугающая» любителей здравого смысла [13, с. 430, 449, 451].

Межгрупповой ценностный конфликт, рассматриваемый Шестовым, также не проявляется в тексте «Достоевского и Ницше...». Мыслитель в этом произведении придерживается ранее избранной стратегии критики рационализма, критики его этических основ как неэффективных и неубедительных. Их Шестов теперь называет проявлениями лживой и поверхностной «философии обыденности», которой противостоят «философы трагедии» – одинокие, но неутомимые искатели иррационального, подлинного Бога «среди вечной тьмы и хаоса», изгой из мира праведных обывателей [13, с. 448–451]. К философам обыденности Шестов относит и Толстого. По его мнению, этот писатель, превратившись в моралиста и проповедника, предал самого себя, решив игнорировать все проблематическое и вернуться к «положительным идеалам» [13, с. 316, 351] обывателей, в том числе к гуманности.

Учитывая, что для Шестова вышеназванные ценностные конфликты в «Достоевском и Ницше...» уже были сняты, можно утверждать, что у него к концу 1890-х гг. сложилось однозначное отношение к важнейшим мировоззренческим проблемам, которое не претерпело изменений в дальнейшем. Тогда и завершилось становление Л. Шестова как философа. И немаловажную роль в этом становлении сыграли его размышления над биографией и идейной эволюцией Толстого.

Библиографический список

1. Баранова-Шестова Н.Н. Жизнь Льва Шестова. По переписке и воспоминаниям современников: в 2 т. Paris: YMCA-Press, 1983. Т. 1. 360 с.
2. Визгин В.П. Экзистенциальный философ под микроскопом филолога // Вопросы философии. 2011. № 12. С. 97–106.
3. Губман Б.Л. Введение в философию культуры // Губман Б.Л. Современная философия культуры. М.: РОССПЭН, 2005. С. 289–523.
4. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Камю А. Миф о Сизифе; Бунтарь. Минск: ООО «Попурри», 1998. С. 13–142.

5. Толстой Л.Н. Воскресение // Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 13. С. 7–458.
6. Толстой Л.Н. Исповедь // Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Художественная литература, 1984. Т. 16. С. 106–165.
7. Толстой Л.Н. Религия и нравственность // Л.Н. Толстой: pro et contra. Личность и творчество Л.Н. Толстого в оценке современников: Антология. СПб.: РХГИ, 2000. С. 40–54.
8. Толстой Л.Н. Так что же нам делать? // Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Художественная литература, 1984. Т. 16. С. 166–398.
9. Толстой Л.Н. Что такое искусство? // Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 15. С. 41–221.
10. Тращенко Е.В. Ценностный конфликт в коммуникативных ситуациях различного типа: влияние ценностных ментальных репрезентаций на стратегии общения // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 2. С. 24–34.
11. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Минск: ООО «Попурри», 1999. 624 с.
12. Шестов Л. Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше (Философия и проповедь) // Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. М.: АСТ, 2000. С. 207–306.
13. Шестов Л. Достоевский и Ницше (Философия трагедии) // Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. М.: АСТ, 2000. С. 307–451.
14. Шестов Л. Шекспир и его критик Брандес // Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. М.: АСТ, 2000. С. 7–206.
15. Ясперс К. Духовная ситуация времени // К. Ясперс. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. С. 288–418.

ROLE OF L.N. TOLSTOJ IN DEVELOPMENT OF PHILOSOPHICAL WORLD OF LEV SHESTOW

V.V. Bulanov

Tver State Medical University, Tver

The author of article wants to prove the development of philosophical world outlook of Lev Shestov occurred in context of value conflict. The author thinks this process was being during second half of 1890th years. The author comes to conclusion change of attention of Lev Shestov to L.N. Tolstoj influenced on this process.

Keywords: *ideal, norm, contradiction, value, value conflict, philosophical world outlook.*

Об авторе:

Буланов Владимир Владимирович – д. ф. н., доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества ГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет», г. Тверь. E-mail: althotas3111978@mail.ru

Bulanov Vladimir Vladimirovich – PhD, Assos. prof. of Tver State Medical University, Tver. E-mail: althotas3111978@mail.ru

К ИСТОРИИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА: ТРАНСФОРМАЦИЯ «СГОВОРА»

Н.В. Занегина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Занегина Н.В., 2019

Статья продолжает исследование, посвященное истории традиции заключения брака. Среди свадебных обычаев наших предков большое значение имел так называемый «сговор» («помолвка»). Как удалось установить, в прошлом многие народы мира допускали вступление жениха и невесты в интимные отношения непосредственно после «помолвки». Распространение этой традиции связывается с тем, что первоначально «сговор» представлял собой не обычай, предшествующий заключению брачного союза, а первый этап длительного процесса бракосочетания. В представленной работе выявляются мотивы, заставлявшие «растягивать» процесс заключения брака на многие месяцы, и сделана попытка определить причины, со временем нивелировавшие значение «сговора» в процессе заключения супружеского альянса.

Ключевые слова: брак, семья, заключение брака, обычай, помолвка, сговор.

Известна большая разница, существующая между современным представлением о браке и взглядами на брачный союз, характерными для наших предков. Например, большинство наших современников и соотечественников воспринимают брак как добровольный союз мужчины и женщины, который является их личным делом; сегодня в результате заключения брака обязательства возникают только у супругов. В «доиндустриальном» обществе отношение к формирующимся брачным связям во многом было иным. В частности, брачный альянс воспринимался окружающими как новообразование, способное оказать самое непосредственное влияние на множество других родственников молодоженов. В недавнем прошлом брак являлся не столько союзом индивидуумов, сколько альянсом семейно-родственных коллективов, к которым принадлежали жених и невеста [1, с. 68, 86; 2, с. 63, 114; 3, с. 209; 5, с. 47–48; 7, с. 502; 8, с. 256; 9, с. 309, 413; 12, с. 16; 13, с. 246, 249, 451; 19, с. 155; 26, с. 149; 28, с. 147; 29, с. 72; 30, с. 213; 31, с. 69; 32, с. 19; 33, с. 249; 34, с. 40–46, 51, 64, 99; 38, с. 90, 98–99; 42, с. 107; 43, с. 121; 46, с. 205]. Брачный союз представлялся главным образом как «отношение между социальными сообществами в целях долгосрочного воспроизводства хозяйственных, социальных и политических структур» [22, с. 339].

Немаловажно, что институт брака обеспечивал взаимозависимость двух семейно-родственных коллективов путем рождения совместных детей у представителей этих групп. Отсутствие совместных детей автоматически «сводило к нулю» социальную значимость заключенного брачного альянса. Следовательно, в прошлом общество с готовностью признавало сожитительство

молодых людей состоявшимся «законным» супружеским союзом вслед за обретением уверенности в способности данной пары к деторождению. При отсутствии детей «легитимность» брака нередко ставилась под сомнение [4, с. 224; 6, с. 65; 10, с. 187–190; 11, с. 76–77; 16, с. 81–82; 17, с. 132–133; 23, с. 54; 24, с. 92; 25, с. 14; 27, с. 82, 92; 36, с. 206; 35, с. 66; 40, с. 49–50, 90].

Данный вывод подтверждают многочисленные примеры, которые можно обнаружить в самых различных регионах мира. Эти примеры свидетельствуют о большой значимости наличия или отсутствия детородной способности не только в общественном признании сожителства молодых людей полноценным брачным союзом, но и в определении статуса женщины, вступившей в брак. В частности, А.Н. Максимов указывает на важное значение, придававшееся рождению первого ребенка у юкагиров, менявших в связи с этим событием свои имена [21, с. 47–48]. И.В. Стасевич отмечает огромную роль, которую играло в жизни казашки «рождение ею первого здорового ребенка», а также зависимость положения женщины в обществе от количества рожденных ею детей [37, с. 55–61]. Финны одним и тем же словом называли как невесту, так и молодую женщину, вступившую в брак, «вплоть до рождения ею первого ребенка» [45, с. 12]. «Одинаковые обозначения невесты и молодой» существовали у итальянцев, норвежцев, датчан, румын, англичан, словаков [14, с. 159]. У венгров «до рождения первого ребенка молодая обычно еще не была полноправным членом семьи и занимала в деревенском обществе как бы промежуточное положение между девушками и замужними женщинами» [31, с. 72]. Представители части эвенков Забайкалья обычно «играли» свадьбу после рождения ребенка. Причем последнее событие воспринималось как необходимое доказательство способности молодой женщины к браку, т. е. к деторождению [32, с. 55]. У каталонцев молодые только с рождением ребенка «исключались из числа молодежи» [15, с. 206]. А среди американских эскимосов «в большинстве случаев» лишь «рождение ребенка означало окончательное формирование семьи, ее укрепление и даже общественное признание <...> у некоторых групп эскимосов брак окончательно признавался только после рождения ребенка» [20, с. 84, 86]. Чрезвычайный интерес представляет обычай немцев, который был распространен в Обергессене: молодые устраивались в собственном доме только после рождения у них первенца, до сего знаменательного события каждый из них жил со своими родителями, причем молодой муж навещал свою «вторую половину» ночами [39, с. 38] – так сказать, в лучших традициях «помолвленных» центральноазиатского региона. Пожалуй, еще более любопытны обычаи сельских жителей севера Ирландии, Уэльса и Западных Гебридских островов, среди которых вплоть до XIX в. существовала практика так называемого временного «пробного брака» продолжительностью в один год как раз «для проверки способностей партнеров к деторождению перед официальным супружеством» [26, с. 151].

Часто обретение молодой всех прав, соответствующих статусу замужней женщины, старались фиксировать визуально. Например, ольхонские буряты проводили обряд убранства волос молодой в женскую прическу, символизировавший ее переход в разряд замужних женщин, только после

рождения первенца [32, с. 11]. А «у нижнелужского смешанного водско-ижорского населения» в XVIII в. «женщине стригли волосы при выходе замуж и регулярно брили их до рождения у нее первого ребенка, после чего волосы отращивались снова» [44, с. 277]. Представляется, что последний ритуал не являлся нововведением – во всяком случае, его корни обнаруживаются в сведениях о распространенной в «Чудской земле» традиции, в соответствии с которой «замужние жены и вдовы, старые и молодые, головы бреют». В 1547 г. об увлечении женского населения процессом бритья собственных волос на голове стало известно новгородскому архиепископу Феодосию, отправившему в Водскую пятину грамоту с требованием искоренить «сей злый безчинный обычай» [18, с. 405].

Хорошо известно о том, что наши непосредственные предки также придавали особое значение рождению у супружеской четы первенца. Известно, что в русских крестьянских семьях способность к деторождению «ценилась очень высоко». «В течение года после свадьбы молодые находились в переходном состоянии», причем «конец статуса молодых связывался с рождением ребенка» [6, с. 51, 59, 66]. Молодуха у восточных славян «после свадьбы и до рождения первого ребенка носила кокошник, имевший явно магические и символические функции» [41, с. 403].

Таким образом, до нашего времени сохранилось немало сведений, позволяющих полагать, что первоначально время между «помолвкой» и заключительным свадебным обрядом представляло собой что-то вроде «испытательного срока» для молодых, который должен был подтвердить «плодовитость» невесты, способность юной пары к деторождению. Похоже, в далеком прошлом, во всяком случае в глазах представителей социальных групп с патрилокальным типом брачного поселения, без проверки данной способности женщина не представляла ценности для тех, кто готов был потратиться на ее обретение, в частности, выплачивать «выкуп», «играть» свадьбу.

Со временем положение стало меняться. Наиболее вероятной причиной изменений представляется рост социального неравенства. Несложно представить себе возможную схему подобных перемен. В обществе, которое культивировало эгалитарные взаимоотношения, условия жизни ребенка, равно как и его шансы на обретение высокого статуса в будущей взрослой жизни, мало зависели от того, в какой семье проходит его детство. Иначе складывалась ситуация в стратифицированном социуме. Элитарные слои общества, укреплявшие свое положение с помощью развития имущественной дифференциации, обрели заинтересованность не только в том, чтобы дети, рожденные супругой, формально причислялись к семейно-родственной группе мужа, но и в том, чтобы последний действительно являлся их биологическим отцом [33, с. 251]. Добиться этого можно было исключительно при условии бдительного контроля за поведением замужней женщины. Обеспечение такого контроля представляется реалистичным только в домохозяйстве супруга. В результате старая традиция, предписывавшая жениху и невесте начинать половую жизнь до переезда молодой в дом родителей первого, осталась в прошлом. Следовательно, велика вероятность того, что рост социальной дифференциации стал отправной точкой

трансформации «сговора» из первого и чрезвычайно важного этапа заключения брака, вслед за которым начиналась половая жизнь молодых, в один из обычаев, предшествующих свадьбе.

Изменения в традициях заключения брака, неминуемо сопровождавшие трансформацию «сговора» из начального этапа бракосочетания, обязывавшего молодых людей к вступлению в интимные отношения, в обычай, предшествующий заключению супружеского альянса, представляют собой еще один чрезвычайно интересный вопрос данной темы, изучение которого заслуживает самого пристального внимания и самостоятельного исследования.

Библиографический список

1. Анохин Г.И. Датчане // Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1990. С. 66–88.
2. Антонетти П. Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте. М.: Молодая гвардия, 2004. 287 с.
3. Анфертьев А.Н. Греки // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1988. С. 206–228.
4. Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М.; Тамбов: Тамбовский гос. техн. ун-т, 2004. 304 с.
5. Березина Т.А., Морозова М.Н. Шведы // Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1990. С. 44–56.
6. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Л.: Наука, 1988. 274 с.
7. Борисов Н.С. Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света: Россия в 1492 году от Рождества Христова, или в 7000 году от Сотворения мира. М.: Молодая гвардия, 2004. 544 с.
8. Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 1: Пространство и история. М.: Издательство Сабашниковых, 1994. 406 с.
9. Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 2: Люди и вещи. Ч. 2: «Крестьянская экономика» до начала XX века. М.: Издательство Сабашниковых, 1997. 512 с.
10. Вардиман Е. Женщина в древнем мире. М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1990. 335 с.
11. Викторова Л.Л. Система социализации детей и подростков у монголов, пути и причины трансформации ее элементов // Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии / отв. ред. И.С. Кон. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы. 1983. С. 51–71.
12. Гис Ф., Гис Дж. Брак и семья в Средние века. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 384 с.
13. Елисеева О.И. Повседневная жизнь благородного сословия в золотой век Екатерины. М.: Молодая гвардия, 2008. 638 с.
14. Иванова Ю.В., Красновская Н.А. Некоторые итоги изучения брака и свадебной обрядности у народов зарубежной Европы // Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1990. С. 156–167.

15. Иванова Ю.В., Покровская Л.В. Народы Франции // Брак у народов Западной и Южной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1989. С. 177–209.
16. Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. 188 с.
17. Косиков И.Г. Традиционные институты воспитания в кхмерском обществе // Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии / отв. ред. И.С. Кон. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1983. С. 128–171.
18. Лещенко В.Ю. Русская семья (XI–XIX вв.). СПб.: СПГУТД, 2004. 608 с.
19. Литаврин Г.Г. Как жили византийцы. М.: Наука, 1974. 233 с.
20. Лопуленко Н.А. Американские эскимосы // Семья у народов Америки / отв. ред. Ш.А. Богина. М.: Наука, 1991. С. 80–96.
21. Максимов А.Н. Из истории семьи у русских инородцев // Этнографическое обозрение. 1902. № 1. С. 41–76.
22. Маслов А.А., Попов В.А. Социально-коммуникативные сети как фактор вторичного политогенеза (к проблеме стадийного и цивилизационного развития доколониальной Тропической Африки) // Ранние формы политических систем / отв. ред. В.А. Попов. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 330–349.
23. Миттерауер М., Каган А. Структуры семьи в России и в Центральной Европе: сравнительный анализ // Семья, дом и узы родства в истории / общ. ред. Т. Зоколл, О. Кошелева, Ю. Шлюмбом. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, Алетейя, 2004. С. 35–80.
24. Михайлова Ю.Д. Традиционная система социализации детей в Японии // Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии / отв. ред. И.С. Кон. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1983. С. 89–110.
25. Омельяничук С.В. Брак и семья в Древней Руси IX – XIII веков: морально-нравственный и правовой аспекты: автореф. дис. ... к. ист. н. Тамбов. 2009. С. 14.
26. Павленко А.П. Ирландцы // Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1990. С. 146–155.
27. Периханян А.Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1983. 384 с.
28. Поло де Болье М.-А. Средневековая Франция. М.: Вече, 2006. 384 с.
29. Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.
30. Решина М.И. Народы Бельгии и Нидерландов // Брак у народов Западной и Южной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1989. С. 210–238.
31. Руденский Н.Е. Венгры // Брак у народов Западной и Южной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1989. С. 66–88.
32. Семейная обрядность народов Сибири: опыт сравнительного изучения. М.: Наука, 1980. 240 с.
33. Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М.: Мысль, 1974. 309 с.
34. Сеницына И.Е. Человек и семья в Африке (по материалам обычного права). М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1989. 311 с.
35. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX – XX в.). М.: Наука, 1983. 264 с.

36. Станюкович М.В. Социализация детей и подростков у ифугао (Филиппины) // Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии / отв. ред. И.С. Кон. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы. 1983. С. 205–231.
37. Стасевич И.В. Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. СПб.: Наука, 2011. 202 с.
38. Токарев С.А., Шервуд Е.А. Народы Швейцарии // Брак у народов Западной и Южной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1989. С. 89–106.
39. Филимонова Т.Д. Немцы // Брак у народов Западной и Южной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1989. С. 5–43.
40. Куланж де Фюстель Н.-Д. Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима. М.: Центрполиграф, 2010. 414 с.
41. Чистов К.В. Семейные обряды и обрядовый фольклор // Этнография восточных славян / отв. ред. К.В. Чистов. М.: Наука, 1987. С. 396–416.
42. Шервуд Е.А. Англичане // Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1990. С. 97–119.
43. Шервуд Е.А. Валлийцы и корнуольцы // Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1990. С. 120–128.
44. Шлыгина Н.В. Водская свадьба (традиции и русское влияние) // Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы / ред. К.В. Чистов, Т.А. Бернштам. Л.: Наука, 1978. С. 260–278.
45. Шлыгина Н.В. Финны // Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы // отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1990. С. 3–34.
46. Юрлова Е.С. Женщины Индии. Традиции и современность. М.: Институт востоковедения РАН, 2014. 520 с.

TO THE HISTORY OF MARRIAGE: THE TRANSFORMATION OF THE «ENGAGEMENT»

N.V. Zanegina

Tver State Technical University, Tver

This article continues the study of the history of the «engagement». As it was possible to establish, in the past, many peoples of the world allowed the bride and groom to enter into intimate relations immediately after the «engagement», which was the first stage of a long marriage process. The study attempted to identify the motives that forced our ancestors to carry out the procedure of marriage for many months, as well as to determine the reasons for refusal to observe this tradition.

Keywords: *marriage, family, marriage, custom, engagement.*

Об авторе:

Занегина Наталья Витальевна – к. и. н., доцент, доцент кафедры общенаучных дисциплин факультета международного академического сотрудничества Тверского государственного технического университета. E-mail: nzanegina@rambler.ru

Zanegina Natalia Vitalievna – PhD (Historical sciences), Ass. prof., Ass. prof. of department of scientific disciplines of the Faculty of International Academic Cooperation Tver State Technical University. E-mail: nzanegina@rambler.ru

УДК [101.1:316.27]:32.019/5

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТА «СОЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ»

О.Н. Торгованова, Г.С. Шевченко, А.Е. Шабанова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Торгованова О.Н., Шевченко Г.С., Шабанова А.Е., 2019

В статье проводится разбор понятия «социальный субъект», начиная с античной философии и заканчивая современными течениями. Дается пояснение, как он взаимодействует с окружающим его миром с философской, экономической и психосоциальной точек зрения. Авторы рассматривают различные уровни теоретико-методологического (философского, общенаучного, специального и конкретного) основания исследования социального субъекта.

Ключевые слова: субъект, социальный субъект, теоретический подход социальности, методология изучения субъекта, группа как субъект.

Прежде чем говорить о концепте «социальный субъект», нужно разобраться с каждым понятием в отдельности. Итак, «социальный», т. е. общественный, связан с мнением общества, его жизнью, участием в некотором общественном деянии и т. д. Субъект в философии – это человек (коллектив людей), который познает мир и противостоит внешним факторам, воздействующим на него, как объекту некоего познания. Соединив эти понятия, получим, что социальный субъект – это некий обладатель конкретизированной деятельности, имеющий собственное представление о Мире, как целом, так и отдельных его составляющих, с развитыми сознанием и волей, которая позволяет ему, т. е. субъекту, действовать на объект. Это можно отнести как к одной персоне, так и к определенным социальным общностям.

В античной философии социальный субъект имел скорее онтологическое содержание, т. е. он изучался со стороны сущего, фундаментальных принципов бытия. В свою очередь, схоластический спор номинализма и реализма в Средние века дал этому термину новый оборот и, в свою очередь, гносеологическое представление этого термина. Содержание гносеологического субъекта становится измененной конфигурацией представлений о социальном субъекте.

В XVIII в. созерцательный материализм дает представление об органах чувств человека как о рычагах, которыми управляет природа. Способности познания мира предопределены биологической природой. Классический рационализм показывает представление об усвоении знаний активности субъекта, который существует в онтологическом явлении, т. е. учении о первичных (относящихся к «самой природе») и вторичных (опирающихся на органы чувств человека) качествах. Активность субъекта познания переходила в представление о социальном субъекте. Человек познает природу и в то же время является социальным конструктором, более подходящим к идеологии техногенной цивилизации. Кантовский критический анализ исследовательских представлений гносеологического субъекта, т. е. представление главных составляющих человеческого разума в общественно-философском плане, описывает первую постановку философской проблемы сущности человеческого взаимопонимания.

Развитие проблемы социального субъекта в рамках идеалистической онтологии осуществлено Георгом Вильгельмом Фридрихом Гегелем. В основе его системы лежит представление о социальном субъекте как об абсолютном духе. Орудием абсолютного духа выступает народ, который испытывает сам себя. В гегелевской философии народ определен культурно-географической средой. Гегель не считает неисторические народы субъектами всемирной истории. (Неисторическими называются народы, которые заходят в тупик развития общества.)

Идея изучения мира с Востока на Запад обоснована представлениями Гегеля о степени развития «человеческой свободы». Мыслитель накладывает конкретные ограничения на образ исторических обстоятельств. Другими словами, эпохальное совершенствование заканчивается с реальным олицетворением идеи государства.

Макс Вебер отождествляет социальный субъект с субъектом социального действия, т. е. анализирует поведение отдельной личности и его осмысленное действие, ориентированное на другую личность. Чтобы понимать суть таких социальных явлений, нужно заново воспроизвести субъективные мотивы всех участников ранее происходившего действия, однако по Веберу субъективная мотивация социологически бессмысленна. Последователи Вебера предполагали существование достижения субъектной мотивации общества на основе системы индивидуальных идеальных типов.

В XX в. происходит бурное развитие экономики, политики, культуры, идеологии, техники, медицины, обусловленное процессами индустриализации, т. е. быстрым социально-экономическим переходом от традиционного общества к индустриальному.

В это же время в философии проходит антропологический поворот, что означает перефокусировку интересов познания с теоретико-познавательной на социально-философскую проблематику. Появляется новое представление о социальном субъекте. Стабилизация имущественного и научного уровня среднего класса приводит к использованию современных технологий в общественной жизни. Такие социальные изменения роли социального субъекта

осуществляются не только в рабочем классе, но и на всех уровнях классового общества. Исследования социологов тех лет показывают противостояние коллективистского и индивидуального развития субъекта.

В контексте изучения общества представителями постмодерной философии (М. Фуко, Ж. Лакана, Ж. Деррида) разрабатывалась тема «смерти субъекта» как творческой индивидуальности. Субъект постмодерна лишается личных духовных очертаний и приобретает более расфокусированный характер [1].

Современные попытки теоретического анализа социальности в практиках повседневности, т. е. анализ практик в истории культуры, приводят к выводу, что содержание понятия «социальный субъект» развивается, претерпевая некоторые изменения.

Социальный субъект может быть рассмотрен с разных сторон.

Для начала рассмотрим социальный субъект с точки зрения экономики и управления. В этом контексте социальный субъект предстает как социально-экономический субъект.

Управление – процесс воздействия субъекта на предполагаемый объект управления для достижения поставленных целей и бесконтрольного выполнения повторяющихся действий в дальнейшем.

Регулирование – процесс воздействия субъекта на объект для поддержания баланса и стабильности выполняемых управляемым объектом действий. Необходимость в регулировании возникает тогда, когда объект по тем или иным причинам не справляется с поставленными задачами. Субъект, в свою очередь, должен выявить эти причины и помочь добиться желаемого результата с обеих сторон. Субъектом управления может служить физическое или юридическое лицо, организация, предприятие, государство, которое принимает решение и регулирует движение к поставленной цели.

Социальный субъект как личность представляет собой соединение психологического и социального начал. На личность как субъект влияют детерминанты того исторического этапа развития общества, в котором он живет, отношение личности к тому или иному социальному слою, его жизненная деятельность, принадлежность к группам и т. п. Нельзя забывать и о государстве. В первую очередь, на современном этапе оно влияет на формирование общества, и уже общество меняет личность.

Для лучшего понимания влияния на индивида можно разделить внешнее влияние на микро- и макроуровень. Микроуровень – близкое окружение социального субъекта (семья, коллеги, друзья и т. п.). Макроуровень – это вышеупомянутое государство и социум в целом.

Говоря о личности как о симбиозе социального и психологического, нельзя не рассмотреть социальный субъект с психологической точки зрения. Человек как субъект деятельности в психологии представляет собой открытую систему, постоянно изменяющуюся вместе с окружающим миром, частью которого он является, и его связями, в которых он непосредственно участвует.

Человек – это живое существо, биологический организм, т. е. часть природного мира. С другой стороны, это существо социальное, которое состоит

в отношениях с другими людьми, осваивает необходимый опыт проживания в обществе. Для исследования психических и психологических особенностей конкретной личности применяется понятие «индивидуальность». Изучение индивидуального развития субъекта помогает лучше понять свойства и качества отдельной личности.

Рассмотрим социальный субъект как малую группу и перейдем к теоретико-методологическому изучению социального субъекта.

На сегодняшний день вопросы методологии весьма значимы для многих социологов. Без определенных методов сложно совершать какие-либо действия в постоянно изменяющемся обществе. В социальной психологии принято различать четыре уровня методологии исследования социального субъекта: философский, общенаучный, специальный и конкретный.

Подробно о философском подходе к исследованию социального субъекта можно узнать из работы Н.И. Яблоковой, которая, в свою очередь, выделила три методологических принципа: радикальной плюрантности, отказа от конфликта бинарных позиций и когнитивного релятивизма [4].

Принцип радикальной плюрантности предполагает исследование разных теоретико-методологических моделей. При исследовании субъекта продуктивной оказывается опора на противоположные подходы – детерминизм и индетерминизм.

Принцип отказа от конфликта бинарных оппозиций означает, что субъект не рассматривается с какой-то одной стороны; он предполагает панорамное изучение, которое создаст базу для нескольких научных категорий.

И наконец, принцип когнитивного релятивизма позволяет построить новую научную концепцию с помощью существующих теоретических моделей. Это поможет взглянуть на социальный субъект с неожиданной стороны, добавить новые перспективы социологического дискурса для выявления новых проблем и расширения понимания имеющихся.

Следующий уровень методологии – общенаучный. Он представлен социологическими подходами и принципами. Эта методология раскрывает систему с метатеоретического подхода. Первичная система распознается как целое, а ее составляющие выбираются в процессе разделения ее на части.

Малая группа общества как субъект является частью социальной системы, ее элементами выступают индивиды со своими отличительными чертами. Между личностями складываются взаимоотношения, которые помогают совместно функционировать и развиваться. Взаимодействие людей в такой группе развивает комплексные качества, которые изначально были присущи не всем ее представителям. Эти качества называются системными. В системе внутренние отношения более важны, нежели отношения с частью системы или внешней средой. Такая система всегда представляется единой [4]. Тем самым субъект можно исследовать с позиции системного подхода. Только он позволяет более точно изучить особенности субъекта.

Специальный уровень методологии опирается на исследование принципов социальной психологии, которая образует определенный подход к изучению проблемы субъекта, или субъектный подход. Его задача – применить принципы

изучения субъекта, как индивидуального, так и группового. В центре этого подхода – особенность субъекта как источника саморазвития. В настоящее время этот метод изучения субъекта становится приоритетным, так как он позволяет изучить человека в различных проявлениях, на уровне социальной организации и проследить развитие личности на разных этапах жизни субъекта.

Метод, разработанный на основе субъектного подхода, позволяет выявлять нераскрывшиеся свойства группы; изучать изменения субъекта до того, как начнется это изменение, а также предсказывать дальнейшее действие субъекта. Этот метод анализирует все социальные общности и проходящие в них процессы. Субъектный подход обеспечивает условия для работы с социальными группами. Работа психологов значительно упрощается, и именно психологи, а не социологи в силу этого имеют более точные результаты.

Психология изучения социального субъекта базируется во многом на постнеклассической методологии. Групповой субъект является формой общегрупповых систем. Отсюда следует, что методология этого подхода должна быть психосоциальной. Отличительная черта этого подхода – изучение связей психических представлений об общественной жизни личности. Психосоциальный подход представляет собой изучение реальных малых групп. Примером такой малой социальной группы может стать рабочий коллектив, школьный класс или студенческая группа [2].

Серьезные изменения, проходящие в глобальном масштабе, касаются всех сфер жизни человека. Общественное развитие ставит под угрозу развитие самой личности [5, с. 63]. Человеческий труд, как физический, так и умственный, заменяется машинным и роботизированным. Не трудясь, личность перестает адекватно осознавать мир и то, что в нем происходит.

Нельзя сказать наверняка, что сегодня в науке и философии существует единая позиция по проблеме социального субъекта. Многие ученые, занимаясь этим вопросом, открывали новые темы и считали их ключевыми в постановке данной проблемы. Однако все научные проблемы не могут быть ключевыми, каждая из них относится к своей социальной группе. Научные дискуссии по определению понятия социального субъекта до сих пор не привели к единому выводу относительно того, имеет ли его определение преимущественно философский, психологический, социологический или политологический смысл. Главная задача состоит в том, чтобы адекватно отобразить феномен социального субъекта.

Нельзя забывать, что социальный субъект рассматривается всегда в определенном историческом контексте, выступает действующим лицом индивидуальных и групповых субъектов.

Социальный субъект – это активный деятель общественной истории. Он отличается от психологического субъекта, правильнее сказать, субъекта в психологии, к которому можно отнести всех живых существ, а не только человека.

Структура социальной системы – это способ взаимосвязи подсистем, ее компонентов и элементов, обуславливающих целостность. Целостность социальной системы характеризуется взаимосвязями составляющих ее

элементов. Отношения между элементами социальной системы поддерживаются без чьего-либо вмешательства. Такая система функционирует автономно [3].

Социальные субъекты постоянно появляются, изменяются, функционируют, заменяют другие социальные субъекты. Это означает, что все субъекты находятся в постоянном движении и развитии. Никогда не бывает остановки. Субъект познает себя через собственные умозаключения и обнаружения. Изучение осуществляется как в акте сознания, так и самосознания. Акт сознания дает возможность субъекту увидеть на себя со стороны и представить конкретные действия. Самопознание помогает выявить внутренние переживания субъекта.

Подводя итоги, стоит отметить, что изучение социального субъекта осуществляется в современном социальном знании при сочетании разных уровней теоретико-методологического основания – философского, общенаучного, специального и конкретного. Каждый ученый выбирает наиболее подходящий для него подход. Однако это не гарантирует, что примененные им методы окажутся удачными и принесут надежные результаты. Общество – динамичная система с постоянными изменениями, что делает проблему изучения социального субъекта перманентной.

Библиографический список

1. Бевзенко Л.Д. Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций. Киев: Институт социологии НАН Украины, 2002. 438 с.
2. Бородкин Л. Методология анализа неустойчивых состояний в политико-исторических процессах // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 3.
3. Ельчанинов М.С. Социальная синергетика и катастрофы России в эпоху модерна. М., 2005. 240 с.
4. Хмелевская С.А., Яблокова Н.И. Гражданское образование: теоретико-методологические проблемы // Alma mater. Вестник высшей школы. 2015. № 4. С. 36–40.
5. Горбунов А.С. Аспекты социализации личности в информационном массовом обществе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». 2019. № 1. С. 60–68.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS OF STUDYING OF THE CONCEPT «SOCIAL SUBJECT»

O.N. Torgovanova, G.S. Shevchenko, A.E. Shabanova

Tver State Technical University, Tver

The article deals with the concept of social subject from ancient philosophy till modern concepts. It explains its interaction with the world around it from philosophical, economic, psychological and sociological points of view. The authors consider different levels of theoretical and methodological (philosophical, general scientific, special and concrete) basis of social subject research.

Keywords: *subject, social subject, the theoretical approach of socialization, the methodology of the study subject, group as the subject.*

Об авторах:

Торгованова Ольга Николаевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь. E-mail: maerz25@mail.ru. SPIN-код: 6784-2308.

Шевченко Галина Семеновна – старший преподаватель кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь. E-mail: galina.schew@gmail.com. SPIN-код: 8129-7610.

Шабанова Анна Евгеньевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь. E-mail: anya222@mail.ru. SPIN-код: 1964-1167.

Torgovanova Olga Nikolaevna – Senior Lecturer of the Foreign Languages Subdepartment of Tver State Technical University, Tver. E-mail: maerz25@mail.ru

Shevchenko Galina Semenovna – Senior Lecturer of the Foreign Languages Subdepartment of Tver State Technical University, Tver. E-mail: galina.schew@gmail.com

Shabanova Anna Evgenyevna Senior Lecturer of the Foreign Languages Subdepartment of Tver State Technical University, Tver. E-mail: anya222@mail.ru

УДК 378.147

ИНСТИТУТ ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА

В.В. Федоров, М.В. Федоров, С.В. Черемных

ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь

© Федоров В.В., Федоров М.В., Черемных С.В., 2019

Цели образования рассматриваются как системообразующие факторы, зависящие от политики государства, реальных потребностей экономики, традиций социума и самого института образования. Акцентируется, что любая цель (образ желаемого результата) имеет вполне четкие индикаторы и показатели. Глобальные цели, стоящие перед национальной системой образования, предполагают обеспечение условий: 1) формирования конкурентоспособности российского социума, 2) воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности. Реальная угроза национальной безопасности любого государства кроется в неспособности новых поколений обеспечить стабильное развитие, поэтому наиболее эффективным средством развития страны оказывается развитие самого человека. В современном мире качество образования становится основой государственной образовательной политики.

Ключевые слова: образование, качество образования, конкурентоспособность социума.

Программным документом, определяющим векторы развития нашего государства на ближайшие годы, является указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». В документе уделяется особое внимание образованию как социальному институту, обеспечивающему процесс социализации личности (овладения опытом человечества, воплощенным в знаниях, умениях, творческой деятельности и эмоционально-ценностном отношении к миру). Реализуя функции обучения, воспитания, развития, профессиональной подготовки, образование определяет траекторию жизненного пути индивида.

Цели образования (как системообразующие факторы) зависят от политики государства, реальных потребностей экономики, традиций социума и самого института образования [1]. Любая цель – образ желаемого результата – имеет индикаторы и показатели, которые собственно и определяют выбор средств и методов достижения (обучения).

Цели, стоящие перед страной в сфере науки и образования, предполагают:

1) обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования, вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования;

2) воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций.

В конечном счете достижение этих целей будет осуществляться в рамках десяти федеральных проектов, включая такие цели, как *обеспечение вхождения Российской Федерации в пятерку ведущих стран мира*, ведущих научные исследования и разработки в сферах, определяемых приоритетами научно-технологического развития; *обеспечение привлекательности работы в Российской Федерации* для российских и зарубежных ведущих ученых и молодых перспективных исследователей; *опережающее увеличение внутренних затрат на научные исследования и разработки* за счет всех источников по сравнению с ростом валового внутреннего продукта страны.

В более конкретном плане это предполагает:

развитие в стране научной и научно-производственной кооперации (научно-образовательных и исследовательских центров мирового уровня);

формирование авангардной инфраструктурной базы исследований и разработок;

увеличение кадрового потенциала и привлечение молодежи в науку.

Развитие кадрового потенциала в сфере исследований и разработок включает в себя формирование целостной системы подготовки и профессионального роста научных и научно-педагогических кадров, создание конкурентоспособных коллективов. Иначе говоря, *министерство просвещения* будет отвечать за формирование творческой, социально ответственной личности, способной реализовать свой творческий потенциал как в собственных интересах, так и в интересах общества, а *министерство науки и высшего образования* –

обеспечивать условия для технологического рывка путем повышения эффективности научных исследований, а также подготовку необходимых для этого кадров.

Принципиальный момент: оба ведомства участвуют в формировании человеческого капитала и должны прививать человеку понимание универсальной ценности образования, готовности к его продолжению в течение всей жизни. Реальная угроза национальной безопасности любого государства кроется в неспособности новых поколений обеспечить стабильное развитие. Поэтому наиболее эффективным средством развития страны становится развитие самого человека.

«Человеческий капитал – это знания, умения и установки, позволяющие индивиду создавать доход и другие полезные эффекты, превосходящие первоначальные инвестиции и текущие затраты, для себя, работодателя и для общества в целом» [2]. В связи с этим качество образования полагается в основу государственной образовательной политики. Закон РФ «Об образовании» (ст. 2 и 29) определяет качество образования как *«комплексную характеристику системы образования, отражающую степень соответствия результатов образовательной деятельности нормативным требованиям, социальным и личностным ожиданиям»* [1]. Совокупность требований к образованию (воспитанию и обучению) определенного уровня и (или) к профессии, специальности и направлению подготовки содержат федеральные государственные образовательные стандарты.

Качество образования в высшей школе, безусловно, зависит от качества общего образования, которым россияне, мягко говоря, не удовлетворены. В течение 2017 г. Счетная палата РФ проводила онлайн-опрос (50 регионов; 1,3 тыс. респондентов), который был необходим для экспертного анализа реализации госпрограммы «Развитие образования на 2013–2020 годы» [3]. Большинство родителей, принявших участие в опросе, надеются, что после школы их ребенок пойдет в вуз (69 %). При этом только 17,1 % опрошенных полностью удовлетворены качеством преподавания в школах, треть (29,6 %) считает, что для поступления в вуз достаточно знаний, которые дают в школе, две трети россиян (70,4 %) полагают, что знаний, полученных в школе, недостаточно для поступления в высшее учебное заведение.

Всероссийский центр изучения общественного мнения представил данные опросов студентов вузов по вопросам качества образования в России [4]. Приблизительно половина опрошенных студентов (49 %) считают, что за последние десять лет качество высшего образования в России улучшилось. Противоположной точки зрения придерживается каждый пятый респондент (20 %), и столько же отмечают, что качество образования не изменилось.

В мировом рейтинге эффективности национальных систем образования Россия занимает 34-е место [5]. Примерно треть наших сограждан считает, что уровень профессиональной подготовки молодых специалистов в стране повысился, 32 % – понизился, а 25 % не видят значимых изменений.

В научной литературе, на конференциях и семинарах активно обсуждается тема повышения профессиональной компетентности преподавателей вуза. Рассматриваются перспективные формы научно-технического и методического обеспечения инновационного образования [9; 10].

Особое внимание уделяется роли преподавателей, статус которых нередко определяется как «пролетарий умственного труда» (термин был использовал Ф. Энгельсом в обращении к международному конгрессу студентов-социалистов) [6, с. 432]. С одной стороны, преподаватели сознают высокую миссию своей профессии, с другой – низкая зарплата не способствует повышению их статуса, прежде всего в глазах студентов. Ситуация усугубляется в связи с переходом на нормативно-подушевое финансирование, которое создало проблемы с отчислением слабых студентов и привело к снижению посещаемости занятий. Руководство вузов становится «заложником» учащихся, что как минимум снижает качество обучения в целом.

Сегодня учебная нагрузка российских преподавателей – самая большая в мире, при этом у профессуры она только увеличилась. Хотя Минобрнауки и установило предельную норму учебной нагрузки в 900 часов, рекомендовав дифференцировать объем нагрузки по должностным группам, в вузах к ней чаще всего относятся не как допустимой, а как к обязательной, причем без особой дифференциации. О статусе ученого, который давно дискредитирован обилием чиновников с кандидатскими и докторскими степенями, формализацией неформализуемых вещей (публикации за плату, показатели цитируемости), и говорить не приходится.

На пленарном заседании XI съезда Российского союза ректоров 26.04.2018 Президент РФ В.В. Путин уделил особое внимание деятельности аспирантуры, целью которой является подготовка кадров для высшей школы и академического сектора науки. «О каком решении этих задач можно говорить, если лишь 14 % аспирантов выходят на защиту своевременно? А что делают все это время остальные? Каких результатов они достигают? Где они продолжают свою деятельность? Выходят ли они в конечном итоге на защиту? При этом и кандидатских, и докторских, особенно в гуманитарных дисциплинах, защищается у нас много. Но если посмотреть на их научное значение, то часто возникают вопросы» [7].

Образовательные стандарты разрабатываются в логике компетентного подхода и требуют не только квалифицированной передачи готовых знаний, но и совместного поиска новых. И здесь особое значение приобретает даже не столько личность самого преподавателя, сколько организационная культура вуза, должного внимания к которой до сих пор нет.

Под культурой организации принято понимать общепризнанные ценности, нормы поведения, понятия и убеждения, поведенческие нормы и артефакты, принимаемые ядром организации, что заставляет остальных ее членов мимикрировать под них. Это культура целого, культура поддержания внешних связей, которая определяет характеристики ее отношений с внешней средой. Разумеется, это понятие шире и глубже приведенного здесь краткого толкования.

Организационная культура ориентирована на внутреннюю среду, это культура изменений, проявляющаяся главным образом в организационном поведении сотрудников. В вузе она имеет свою специфику, поскольку ориентирована на генерацию и трансляцию новых знаний. Поэтому *организационная культура не может быть сконструирована и внедрена сверху*. И самое главное: организационная культура воздействует на каждого студента в процессе его адаптации, социализации, обучения в вузе и психологического развития.

Вышеперечисленные проблемы порождают проблему потери ценностного смысла образования и остро ставят вопрос о значении и месте профессорского корпуса в вузе. Пожалуй, главная функция организационной культуры – формирование системообразующих характеристик университетской среды, которая выработала всю терминологию университетской культуры: университет (лат. *universitas* – совокупность, общность), факультет (лат. *facultas* – способность, возможность), кафедра (греч. *kathedra* – стул, скамья), профессор (лат. *professor* – наставник), доцент (лат. *docens* – обучающий), аудитория (лат. *auditoria* от *auditor* – слушатель), студент (лат. *studens* – усердно работающий, занимающийся), бакалавр (лат. *baccalaureus* от *baccalia* – лавровый венок победителю), магистр (лат. *magister* – начальник, наставник) [8]. Возвращение статуса ученого-интеллектуала, усиление его влияния на процессы развития высшего общества – одна из важнейших задач национального развития.

Библиографический список

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». 29.12.2012. № 273-Ф. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 21.02.19).
2. Двенадцать решений для нового образования. Доклад центра стратегических разработок и высшей школы экономики. Центр стратегических разработок НИУ ВШЭ. 2018. 106 с. URL: <https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2018/04/> (дата обращения: 21.02.19).
3. Анализ реализации госпрограммы «Развитие образования на 2013–2020 годы». URL: <https://www.examen.ru/news-and-articles/news/rossiyane-schitayut-cto-shkola-ne-sposobna-podgotovit-k-vuzu/> (дата обращения: 21.02.19).
4. Качество образования в Российской Федерации. URL: <https://wciom.ru/index.php> (дата обращения: 21.02.19).
5. Рейтинг эффективности национальных систем образования // Гуманитарная энциклопедия. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-index-of-cognitive-skills> (дата обращения: 21.02.19).
6. К. Маркс и Ф. Энгельс. Международному конгрессу студентов-социалистов. Сочинения. Т. 22. М.: Госполитиздат, 1962. URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx> (дата обращения: 21.02.19).
7. Выступление президента. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57367> (дата обращения: 21.02.19).
8. Актуальные проблемы социологии культуры, образования, молодежи и управления. Екатеринбург: УГУ, 2016. 1210 с. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/> (дата обращения: 21.02.19).

9. Бондарева Я.В., Молчан Э.М. Духовно-нравственные ценности как вектор развития социальных систем // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». 2019. № 1. С. 43–51.
10. Петрий П.В. Общественный идеал как фактор модернизации России в условиях глобализации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». 2017. № 2. С. 55–63.

THE INSTITUTE OF EDUCATION IN THE SYSTEM OF STRATEGIC DEVELOPMENT GOALS RUSSIAN SOCIETY

V.V. Fedorov, M.V. Fedorov, S.V. Cheremnykh

Tver State Technical University, Tver

The aims of education are considered as system-forming factors that depend on the policy of the state, the real needs of the economy, the traditions of society and the institution of education. It is emphasized that any goal (the image of the desired result) has quite clear indicators and indicators. The global goals of the national education system are to ensure the conditions of 1) formation of competitiveness of the Russian society, 2) education of harmoniously developed and socially responsible personality. The real threat to the national security of any state lies in the inability of new generations to ensure stable development, so the most effective means of development of the country is the development of the individual. In the modern world, the quality of education becomes the basis of the state educational policy.

Keywords: *education, quality of education, competitive ability of society.*

Об авторах:

Федоров Виктор Владимирович – д. культурологии, профессор кафедры конструкций и сооружений, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: vvf322@yandex.ru

Федоров Михаил Викторович – к. ф. н., доцент кафедры менеджмента, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: vvf322@yandex.ru

Черемных Степан Валерьевич – старший преподаватель кафедры конструкций и сооружений, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: cheremnykh_s.v@mail.ru

Fedorov Viktor Vladimirovich – PhD (cultural studies), Professor, Department of structures and facilities, Tver State Technical University, Tver. E-mail: vvf322@yandex.ru

Fedorov Michail Viktorovich – PhD, Ass. prof., Department of Management, Tver State Technical University, Tver. E-mail: vvf322@yandex.ru

Cheremnykh Stepan Valeryevich – Senior lecturer of the Department of structures and facilities, Tver State Technical University, Tver. E-mail: cheremnykh_s.v@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ

УДК 316.6

МЕНТАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНАНТ КРОССКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

С.В. Лавриков

ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь

© Лавриков С.В., 2019

Рассматриваются теоретические аспекты понятия «менталитет», выявляется специфика национальной ментальности и осуществляется ее содержательная дифференциация с понятием «национальный характер». Подробно освещается влияние ментального контекста на коммуникативное сознание и поведение, показывается роль ментального фактора в процессе межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: менталитет, национальный менталитет, национальный характер коммуникативное сознание, коммуникативное мышление, коммуникативное поведение, стереотип, коммуникативная категория, коммуникативный концепт, межкультурная коммуникация.

Глобализационные процессы в современном мире интенсифицируют тесное общение между различными нациями, культурами, цивилизациями во всех областях жизнедеятельности. Результатом взаимопроникновения наций и культур становится их духовное и материальное взаимное обогащение. В то же время в роли ограничителя глобализации выступают процессы консервации локальных национальных культур, обусловленные реакцией национального сознания на универсализацию и стандартизацию. Е.В. Воевода указывает: «Процесс глобализации привел, с одной стороны, к экономической взаимозависимости и интеграции, а с другой стороны – к осознанию национальной и этнической идентичности. Фактически можно говорить о том, что всплеск интереса к собственной истории, повышение роли этнической идентичности и боязнь утраты идентичности во многом являются реакцией на процесс глобализации» [4, с. 167]. В этой ситуации наиболее приемлема и эффективна гармонизация глобализационных и культурно-локальных тенденций посредством коммуникации мировых культур с учетом их национально-ментальной специфики.

Корневая основа термина «менталитет», появившегося в XIV в., связана с позднелатинским словом *mens* – ум, мышление, рассудок, образ мыслей, душевный склад и др. Впервые это понятие для описания способа мышления так называемых «дикарей» стал использовать французский ученый Люсьен Леви-Брюль. Историки Л. Февр и М. Блок позаимствовали этот термин и стали обозначать им коллективную психологию, общее умонастроение, умственный

инструментарий, склад ума людей, являющихся членами одного общества и принадлежащих к одной культуре. Приобретая таким образом свое современное значение, термин «менталитет» стал широко использоваться в психологии, этнологии, антропологии, социологии. В настоящее время концепция менталитета является доминирующим подходом в исследовании субъективной стороны социального процесса. Тем не менее многие, особенно теоретические, проблемы изучения ментальности остаются крайне дискуссионными.

Прежде всего, среди специалистов отсутствует единое понимание сущности менталитета. Это обусловлено многозначностью самого термина, а главное – расплывчатостью и неопределенностью обозначаемого им явления, трудно поддающегося однозначному определению. В связи с этим в литературе можно обнаружить множество различных дефиниций рассматриваемого понятия, как кратких, так и развернутых [8; 9; 11]. Чаще всего они отличаются друг от друга особенностями формулировок, реже – действительно принципиальной разницей в стоящих за ними подходах. При концептуализации рассматриваемого понятия следует также принимать во внимание и содержательное несовпадение русского слова «менталитет» и английского «mentality». Более близким по смыслу является понятие «cultural identity». «Identity» – характерная мыслительная установка, определяющая трактовку действительности и реакцию на нее индивида. Соответственно, словосочетание «cultural identity» означает определенную мыслительную установку группы или культурной общности, индивида в той мере, в какой он ощущает влияние группы или культурной общности, к которой принадлежит [5, с. 233].

Некоторые зарубежные ученые понимают под ментальностью «систему образов, представлений, которые в разных группах и странах, составляющих общественную формацию, сочетаются по-разному, но всегда лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей». По мнению известного отечественного исследователя А.Я. Гуревича, ментальность – это «социально-психологические установки, автоматизмы и привычки сознания, способы видения мира, представления людей, принадлежащих к той или иной социальной общности» [7, с. 85–86]. Таким образом, наиболее распространенной трактовкой менталитета является понимание его как устоявшейся коллективной манеры или способа воспринимать, видеть, понимать окружающую действительность и в соответствии с этим действовать в ней.

В сфере ментального сосредоточены основные представления и формы мироощущения людей, образующие видение или картину мира. А.Я. Гуревич называет эти представления «категориями». К ним, как правило, относят:

- восприятие пространства и времени;
- отношение мира земного и потустороннего;
- разграничение естественного и сверхъестественного;
- представления о детстве, старости, болезни, семье, любви, сексе, женщине;
- отношение к природе;
- оценка общества и его компонентов;

понимание соотношения части и целого, индивида и коллектива, степени выделенности личности в обществе или, наоборот, ее поглощенности им;
отношение к труду, собственности, богатству, бедности;
установки на новое или на традицию;
оценка права и обычая и их роли в жизни общества;
понимание власти, господства, подчинения, интерпретации свободы и др.
[7, с. 85–86].

Система мировидения придает специфическую окраску поведению, проявлению эмоций, высказываниям, речам, жестам, обычаям, ритуалам и церемониям. В более широком контексте она проявляется во всех сферах человеческой деятельности – в философии и религии, искусстве и науке, в хозяйстве и политике, в повседневной жизни, в отношении человека к природе, другим индивидам, всему обществу в целом. Поэтому невозможно понять какую-либо национальную культуру, не пытаясь расшифровать картину мира, не выявив базовые элементы мировидения людей.

Важнейшей чертой менталитета, отмечаемой многими исследователями, является его частичная или полная неосознанность. Ментальные стереотипы и установки воспроизводятся людьми, как правило, без их логического осмысления, они большей частью неотрефлексированы и невербализованы. На этом основании ментальность отличают от теорий, идеологических доктрин, мировоззрения, правосознания и т. п. Важно и то, что указанное выше свойство менталитета значительно расширяет познавательные возможности исследователей. В ментальности нет тенденциозного налета, в ней национальная культура предстает в «неотфильтрованном», неискаженном виде.

В качестве носителей специфической ментальности в литературе выделяются жители одного континента, представители цивилизации, народы, классы, общественные прослойки, а также религиозные, профессиональные, половозрастные, региональные и другие сообщества. Таким образом, ментальность представляет собой многоуровневое явление, уровни которого находятся в сложном взаимодействии. Однако достаточной ясности в понимании характера соотношения различных уровней менталитета пока нет. Французские ученые, например, более склонны акцентировать внимание на менталитете общества в целом, на выявлении его доминант, которые, по их мнению, ярче всего проявляются в поведении отдельных групп, главным образом маргинальных.

На формирование ментальности влияют географическое пространство и среда обитания, язык, традиции, воспитание, религиозные представления, принципы социально-политического устройства, особенности исторического развития, уровень образования, наличие или отсутствие средств хранения и передачи информации, половозрастные и этнические особенности. Вместе с тем зависимость ментальности от материальных условий жизни общества, как правило, носит косвенный, опосредованный характер. Важно и то, что ментальность не является простым слепком с действительности, в ней преломляются, сильно преобразуются или даже искажаются до неузнаваемости условия исторического процесса. В таком виде субъективный мир ментального

сам становится важным фактором, определяющим общественное развитие. В этом заключается специфическая активность проявления менталитета, который, формируясь под воздействием внешней среды, сам оказывает на нее преобразующее влияние.

Благодаря включению в долговременные поведенческие стереотипы ментальность выступает чрезвычайно устойчивым духовным образованием. Она изменяется, как правило, очень медленно, иногда значительно отставая от социальной динамики.

При обращении к анализу сферы когнитивно-национального широко используется понятие «национальный менталитет». Им принято обозначать обусловленный совокупностью когнитивных стереотипов национально-этнической общности способ восприятия и понимания окружающей действительности. Именно национальный менталитет обеспечивает самоидентификацию индивида, позволяет ему относить себя к определенной народности или национальности, в определенной мере вооружает человека знаниями об истории, языке, культуре своего народа. В национальном менталитете сочетаются эмоциональный и рациональный аспекты освоения и воспроизводства национальной культуры, понимаемой в данном контексте не только как совокупность произведений искусства, но и как целостная система ценностей, поведенческих норм, религиозных верований, консолидирующих всех членов этнического сообщества. В свою очередь поведение людей, их отношение к политике, искусству, семье, религии имеет специфическую национально-ментальную обусловленность.

Оперируя понятием «национальный менталитет», необходимо учитывать специфику восприятия и понимания как способов апперцепции окружающей действительности. При всей схожести с пониманием, восприятие – это первый этап познавательного процесса, основное и необходимое условие понимания. В контексте национального менталитета одни и те же предметные ситуации могут восприниматься по-разному. Ментальность предопределяет акцентирование внимания на одной стороне объекта и как бы заставляет не замечать другие его грани. Национальным менталитетом обусловлено и субъективное понимание той или иной ситуации.

Рассмотрение проблематики национальной ментальности предполагает содержательную дифференциацию этого понятия и термина «национальный характер». Этимологически слово «характер» происходит от греческого *χαρακτήρ* – знак, отпечаток, признак и пришло в русский язык из Польши. С начала XIX в. слово «характер» в России стало употребляться в значении «нрав», «отличительное свойство», «расположение», «склонность», «душевное свойство человека».

В настоящее время в научной литературе можно найти различные дефиниции национального характера, отражающие как минимум два подхода к оценке данного явления. Так, С.М. Арутюнян считает, что национальный характер – это «своеобразный национальный колорит чувств и эмоций, образа мыслей и действий, устойчивые и национальные черты привычек и традиций, формирующихся под влиянием условий материальной жизни, особенностей

исторического развития данной нации и проявляющихся в специфике ее национальной культуры» [1, с. 31]. При таком подходе национальный характер практически совпадает с национальным менталитетом. При другом, по нашему мнению более обоснованном подходе, акцентируется деятельностный аспект национального характера. Например, И.А. Стернин, понимая под национальным характером «совокупность эмоционально-психических качеств нации, определяющих поведение ее членов в стандартных ситуациях», указывает, что менталитет связан прежде всего с концептуальной, логической, когнитивной деятельностью сознания, а национальный характер – с эмоционально-психическим, поведенческим, деятельностным складом этноса [12, с. 154]. Если менталитет заставляет людей мыслить сходным образом, то национальный характер предопределяет схожесть их поведения в аналогичных ситуациях. При этом в силу действия ряда факторов объективного и субъективного порядка поведение отдельного человека может существенно отклоняться от национального поведенческого стереотипа. При таком взгляде на национальный характер можно, например, констатировать, что такие черты русского человека, как отходчивость, эмоциональность, пассионарность, импульсивность, созерцательность, умение прощать нанесенные обиды, являются особенностями его характера, а не менталитета. Ментальными же его чертами будут доброта к окружающим, надежда на «авось», правовой нигилизм, гостеприимность, бескорыстие, соборность и др. В то же время, исходя из того, что поведение всегда детерминировано как эмоциональной, так и логической сферами сознания человека, такое разграничение между менталитетом и национальным характером будет во многом условным, хотя и необходимым для более полного понимания данных феноменов.

Ментальный «фундамент» национальной культуры во многом определяет те или иные тактики и стратегии поведения ее представителей и выступает значимым детерминантом социальной коммуникации.

В самом общем виде коммуникация, или общение, представляет собой одну из сторон межличностного взаимодействия в процессе деятельности. Общение можно рассматривать как необходимое и специфическое условие социальной жизнедеятельности человека. Исходным условием коммуникации выступает проблемная ситуация в ходе деятельности и порожденная ею потребность в общении. Посредством коммуникации информация циркулирует в обществе и за его пределами. Реализующийся таким образом процесс общения предполагает обмен информацией между двумя или большим числом коммуникантов с целью воздействия на собеседника или собеседников, обусловленное необходимостью совместной деятельности.

Успешность коммуникации выражается в достижении более или менее полного взаимопонимания между общающимися сторонами. Признаком неуспешной коммуникации является недостаточно полное взаимопонимание участников (коммуникативный сбой) либо полное отсутствие понимания между коммуникантами (коммуникативный провал).

Взаимодействие культур, контакты между большими группами людей в разных сферах, в том числе и в результате масштабных миграционных

процессов, реализуется в ходе межкультурной коммуникации. Она является объектом изучения относительно новой области научных исследований, находящейся на стыке культурологии, этнографии, лингвистики, лингвострановедения, социологии и психологии – теории межкультурной коммуникации.

Предметная область данной дисциплины охватывает такую проблематику, как сущностные основания коммуникации, ее модели, функции, культурологические аспекты межцивилизационного общения, роль стереотипов в восприятии явлений и др. [2, с. 15]. Многие вопросы, позже оказавшиеся в центре внимания межкультурной коммуникации, еще до выделения ее в самостоятельную область научных знаний, затрагивались в работах Аристотеля, Г. Лейбница, И. Канта, Г. Гегеля. Значительный вклад в развитие теории межкультурной коммуникации и превращение ее в особую отрасль познания внесли В. фон Гумбольдт, Э. Сепир, Б. Ли Уорф, Л. Вайсгербер, М. Мид, а также автор термина «межкультурная коммуникация» – Эдвард Т. Холл, который вместе со своим соавтором Г. Трейгером в их совместной работе «Культура и коммуникация. Модель анализа» (1954) определил межкультурную коммуникацию как идеальную цель, к которой должен стремиться человек в своем желании как можно лучше и эффективнее адаптироваться к окружающему миру.

Дальнейшая разработка понятия «межкультурная коммуникация» позволила значительно продвинуться в понимании теоретических и прикладных аспектов этого феномена. В настоящее время существуют различные дефиниции межкультурной коммуникации. Общим моментом в ее интерпретации является убеждение в том, что участники кросскультурного общения должны представлять разные культуры. Так, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров видят сущность межкультурной коммуникации в адекватном взаимопонимании двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам [3, с. 26]. Лингвист И.И. Халеева определяет межкультурную коммуникацию как процесс вербального и невербального общения между коммуникантами, являющимися носителями разных культур и языков [14, с. 5–14]. Исследователи Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин трактуют кросскультурную коммуникацию как «совокупность разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам» [6, с. 142]. В понимании А.В. Шестопал и М.В. Силантьевой межкультурное общение есть «интенсивное многоаспектное взаимодействие культурных форм, представляющих различные, иногда несоизмеримые виды социокультурных организмов» [15, с. 169].

Отталкиваясь от последнего определения, можно констатировать, что, поскольку культурные формы, составляющие ядро внутренней жизни национальной культуры, ментально детерминированы, национальный менталитет выступает в качестве необходимого компонента эффективной межкультурной коммуникации. Поэтому выявление ментальных коммуникативных установок, определяющих коммуникативную функцию нации,

может в значительной степени облегчить и оптимизировать межкультурное общение, помогает предвидеть возможные проблемы в ходе этого процесса.

Более подробно проанализировать процесс межкультурной коммуникации с учетом ее ментального контекста позволяет использование понятий «коммуникативное сознание» и «коммуникативное поведение», введенное в научный оборот отечественным психолингвистом И.А. Стерниным в 1989 г. В авторской интерпретации коммуникативное поведение – это «совокупность норм и традиций общения народа, социальной, возрастной, гендерной, профессиональной <...> групп, а также отдельной личности» [13, с. 3].

Национальное коммуникативное сознание, детерминированное ментальной спецификой, обеспечивает в полном объеме коммуникативную функцию представителей данного народа. Оперирование коммуникативными категориями, которые являются наиболее общими понятиями, упорядочивает знания индивида об общении и его нормативной обусловленности. К таким категориям И.А. Стернин относит толерантность, вежливость, контактность, общение, коммуникативный контроль, коммуникативный идеал, коммуникативную неприкосновенность, спор, грамотность, культурную речь, искренность, эмоциональность, молчание, объем общения, родной и иностранный язык, официальное, неофициальное и деловое общение, вербальную агрессию, приватность, коммуникативное давление, политическую корректность, светское общение и др. Вторым компонентом, определяющим коммуникативное сознание и поведение человека, являются коммуникативные концепты, имеющие более низкий уровень абстракции по сравнению с коммуникативными категориями. Это коммуникативная приветливость, слушание, язык, конфликт, брань, сохранение лица собеседника, дружеское общение, поздравление, общение в коллективе, речь начальника, ораторская речь, совет, замечание, общение мужчин и женщин и др. [12, с. 155].

Национально-ментальная специфика коммуникативного сознания проявляется как у народа в целом, так и у отдельных социальных групп. Национально-специфические особенности общения, не осознаваемые при внутрикультурной интеракции, становятся особенно очевидными в ходе сравнительного рассмотрения коммуникативной специфики разных культур.

Так, если в западном коммуникативном мышлении категория «общение» не играет императивной роли, то в русском она является приоритетной формой проведения времени и значимым средством налаживания добрососедских отношений между индивидами. Русскому человеку претит изоляционизм, ему привычнее ощущение «чувства локтя» и тяга к публичности. В то же время в русском коммуникативном сознании довольно слабо выражена категория коммуникативной ответственности. Для большинства русских правильность и культура речи несущественны. В западной же культуре исключительно важно контролировать свою речь, которая выступает одним из ключевых показателей социального статуса. Англичане, французы, американцы не понимают речи собеседника при малейшей ошибке в произношении, тогда как русский человек, обращая внимание на внутренний смысл речи, обыкновенно интуитивно его улавливает и понимает собеседника, невзирая на качество произношения.

Не репрезентативна в русском коммуникативном сознании и категория толерантности. Вежливость рассматривается прежде всего как отсутствие некультурности, грубости. Коммуникативный идеал опирается не на высокие коммуникативные качества речи, а на понятие «внимательный слушатель».

В связи с тем, что русское коммуникативное мышление терпимо к вторжению в личное пространство другого человека, причем как в физическом смысле (прикосновение, контакт), так и в тематическом аспекте (затрагивание глубоко личных проблем), категория коммуникативной неприкосновенности не получила в нем достаточного выражения. Коммуникативное сознание западного человека, напротив, предполагает много ограничений в различных коммуникативных обстоятельствах. Положительно в сознании русского человека воспринимается такая категория, как «спор». У финнов же любой спор тождественен оскорблению или скандалу. Аналогичное отношение к нему и в англосаксонском коммуникативном мышлении.

Слабая выраженность в русском коммуникативном сознании коммуникативной ответственности обуславливает отношение к родному языку. Речевая безграмотность воспринимается снисходительно, у людей отсутствует установка на усовершенствование навыков владения речью в течение жизни. В массовом сознании господствует установка на неизблемость речевой культуры индивида и бесполезность коррекции речевых навыков и умений в зрелом возрасте.

Отношение же к иностранному языку в русском коммуникативном сознании весьма позитивно. Владение иностранным языком считается полезным, нужным для жизни, а все затраты, связанные с его изучением, считаются оправданными. В западном коммуникативном мышлении категория «иностраный язык» лишена таких положительных коннотаций.

Категория коммуникативной серьезности неоднозначна для русского и, например, американского коммуникативного мышления. В последнем шутка считается необходимым элементом любых видов интеракции. В русском общении юмор поставлен в относительно четкие рамки в зависимости от ситуативных особенностей коммуникации [12, с. 156–158].

Национальное коммуникативное мышление имеет особенности не только в коммуникативных категориях, но и в отдельных коммуникативных концептах. При их рассмотрении важно учитывать уровни анализа коммуникативных категорий и концептов. На содержательном уровне концепт анализируется как элемент сознания человека. На бытийном – выявляется его роль в поведении людей. Нередки случаи, когда концепт присутствует в национальном сознании, но в практическом поведении людей не выступает значимой установкой. Это хорошо видно на примере имеющихся в русском сознании концептов свободы и демократии, которые, как правило, не детерминируют массовое поведение на бытовом уровне [12, с. 158].

Связь между содержанием концепта и его бытийным олицетворением составляет интерпретационное поле концепта, в котором содержатся определяемые им поведенческие установки. Противоречивые установки, включенные в поле многих концептов, на рефлексивном уровне дают личности

возможность выбрать одну из них, наиболее предпочтительную с точки зрения индивидуальных целей, потребностей и предпочтений. На ментальном уровне такой выбор вряд ли возможен в силу неосознанности ментальных установок, и та или иная модель поведения будет реализовываться спонтанно.

Определяемые коммуникативным сознанием установки реализуются в коммуникативном поведении человека. Ментальная обусловленность коммуникативного поведения особенно ярко проявляется в коммуникативных стереотипах, играющих важную роль в кросскультурной коммуникации.

Первым понятие «стереотип» (от греч. *stereos* – плотный и *typos* – изображение) использовал американский писатель У. Липпман в 1922 г. Он рассматривал стереотипы как упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой «картинки мира» в сознании человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных объектов мира. В современном научном познании понятие «стереотип» является междисциплинарным и рассматривается в трудах философов, психологов, социологов, лингвистов, когнитологов. Как правило, представители каждой научной дисциплины выделяют в стереотипе такие свойства, которые важны с точки зрения предметной области той или иной науки. В контексте межкультурной коммуникации представляют интерес прежде всего социальные и этнокультурные стереотипы. Первые являются устоявшимися шаблонами мышления и поведения, вторые представляют собой обобщенную характеристику типичных черт какого-либо народа. Эти, как правило упрощенные, представления о другом народе, распространяющиеся на каждого его представителя, неизбежно накладывают определенный отпечаток на межкультурное общение.

В свою очередь знание о реальных поведенческих стереотипах, выводимых из ментально-этнических особенностей того или иного народа, значительно облегчает процесс межкультурной коммуникации, позволяет прогнозировать его ход и, при необходимости, корректировать коммуникативную стратегию.

Например, такая черта русского национального менталитета, как открытость, способствует тому, что его носители, по сравнению с западноевропейцами, более демократичны в процессе общения. «Они (русские люди. – С.Л.), – пишет специалист в области изучения российской ментальности и стереотипов поведения А.В. Сергеева, обращаясь к иностранцам, – могут вам задать любой интересующий их вопрос, попросить вашего совета или сами дадут вам совет, хотите ли вы того или нет. Для них мала разница между знакомыми и чужими, во всяком случае, они быстро и без колебаний преодолевают этот условный барьер. В процессе общения между ними не принимаются во внимание сословная, социальная, профессиональная, возрастная дистанция. Неподготовленный европеец может растеряться от такой непринужденной фамильярности с неожиданными для него вопросами или откровенными рассказами “о жизни”. Для обычного европейца все это требует предварительного, тесного и длительного знакомства. В такой ситуации иностранцу лучше не демонстрировать свое нерасположение к беседе, иначе это будет русским воспринято как высоко-

мерие и чванство. Русские негативно относятся к таким качествам: “Иное чванство хуже пьянства”. Вас могут осудить, если вы демонстрируете свое нежелание общаться» [10, с. 91].

Обобщая сказанное, можно отметить, что, участвуя в межкультурных коммуникативных практиках, люди вступают во взаимодействие с носителями иных культур, нередко весьма существенно отличающихся друг от друга. Языковые и другие видимые отличия существенно затрудняют подобные контакты. Но все же основные причины, осложняющие межкультурное взаимодействие, связаны с различиями в мироощущении, т. е. с ментальным барьером, который разделяет представителей разных культур и этносов. Вступая в процесс кросскультурной интеракции, индивиды воспринимают друг друга сквозь призму своей культуры и ментальности. Это в значительной степени и усложняет взаимопонимание между людьми, представляющими разные культурные и этнические сообщества. Поэтому успешная межкультурная коммуникация возможна только при учете ментальных факторов общения, которые, как правило, не осознаются контактирующими, но в то же время во многом определяют их коммуникативное поведение.

Библиографический список

1. Арутюнян С.М. Нация и ее психический склад. Краснодар: Краснодарский государственный педагогический университет, 1966. 271 с.
2. Белая Е.Н. Теория и практика межкультурной коммуникации. Омск: Омский государственный университет, 2008. 208 с.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Наука, 1990. 246 с.
4. Воевода Е.В. Вторичная социокультурная личность – феномен эпохи глобализации // Язык и социум. Материалы VIII Международной научной конференции. Ч. II. Минск: РИВШ, 2009. С. 167–170.
5. Волкова Е.А. Национальный менталитет как фактор межкультурной коммуникации // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 1 (40). С. 249–253.
6. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации / под ред. А.П. Садохина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 352 с.
7. Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 1. М.: Наука, 1989. С. 75–89.
8. Пушкарев Л.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. № 3. С. 158–166.
9. Российская ментальность (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 25–53.
10. Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Флинта; Наука, 2016. 320 с.
11. Споры о главном: дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М.: Наука, 1993. 207 с.
12. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. 227 с.
13. Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж: Гарант, 2000. 52 с.

14. Халеева И.И. Вместо предисловия редактора: интеркультура – третье измерение межкультурного взаимодействия (из опыта подготовки переводчиков) // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: сборник научных трудов. М.: МГЛУ, 1999. Вып. 444. С. 5–14.
15. Шестопад А.В., Силантьева М.В. Межкультурная коммуникация в свете современных модернизационных процессов: «мягкая сила» культурных модуляторов // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 5 (26). С. 168–171.

MENTAL AND PSYCHOLOGICAL DETERMINANT KROSSKULTURNY COMMUNICATION

S.V. Lavrikov

Tver State Technical University, Tver

In article theoretical aspects of a concept mentality are considered, the specifics of national mentality come to light and its substantial differentiation with a concept national character is carried out. Influence of a mental context on communicative consciousness and behavior is in detail lit, the role of a mental factor in the course of cross-cultural communication is shown.

Keywords: *mentality, national mentality, national character communicative consciousness, communicative thinking, communicative behavior, stereotype, communicative category, communicative concept, cross-cultural communication.*

Об авторе:

Лавриков Сергей Вячеславович – к. и. н., доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: lavrikov@list.ru. SPIN-код: 4564-4825.

Lavrikov Sergey Vyacheslavovich – PhD, Ass. prof. of Department of mediatechnologies and public relations of Tver State Technical University, Tver. E-mail: lavrikov@list.ru

УДК 159.9:37.015.3

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПРЕПОДАВАНИИ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

О.Ф. Гефеле, Т.В. Долгова, И.В. Новожилова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Гефеле О.Ф., Долгова Т.В., Новожилова И.В., 2019

Рассматриваются дифференциальные свойства инновационных технологий в пространстве высшего профессионального образования. Внимание акцентируется на различных видах и формах инновационных технологий. Поднимается вопрос о результативности применения инновационных

технологий при преподавании гуманитарных дисциплин в техническом вузе с точки зрения компетентностного подхода.

Ключевые слова: образовательная среда, профессиональное обучение, инновационные педагогические технологии, лекционные занятия, практические занятия.

Переход к стандарту третьего поколения в условиях образовательной среды высшего уровня образования в процессе преподавания дисциплин профессионального цикла с помощью современных педагогических и информационных технологий обусловил появление ряда фундаментальных и «необходимых для повышения профессиональной компетентности научных дисциплин, изучение которых приводит к формированию определенных профессиональных компетенций» [6, с. 224].

В современной образовательной среде гуманитарные дисциплины глубоко проникают в сферу практической жизни. В какой бы области человек ни работал, ему не обойтись без знания философии, истории, психологии, политологии, экономики, социологии и т. п. Знание этих наук дает людям возможность включиться в социум. Работая в техническом вузе и обладая гуманитарным образованием, преподаватель, как правило, затрудняется, как вчерашним школьникам или взрослым работающим людям объяснить значимость гуманитарных наук. Как показывает практика, в современной среде высшего профессионального образования такого рода проблемы решаются при использовании инновационных технологий.

По оценкам Министерства образования РФ, в системе образования в XXI в. происходит глубокий кризис, которому подвержены практически все страны мира. Основными причинами такого кризиса являются качество образования; консервативность профессионального образования; отсутствие достаточного финансирования, соответствующего новым требованиям образовательной системы; бездействие образовательной среды и обучающихся, нерациональное использование образования и кадров в интересах развития социума [7].

Ведущими технологиями в современной образовательной среде являются инновационные технологии. Использование инновационных технологий в сфере образования составляет ключевую цель стратегического планирования на федеральном и региональном уровнях [5, с. 87].

Так, согласно С.Д. Берсировой, инновационные технологии можно определить как «область научного знания и педагогической практики, изучающую и практикующую новые методы совершенствования образовательного процесса с использованием коммуникативных технологий, определяющим направлением которых является учет центрального положения обучаемого на основе педагогики сотрудничества, регулирующие соотношение триады: преподаватель – студент – ИКТ» [1, с. 113].

Владея классическим гуманитарным образованием, мы понимаем, что при грамотном переходе к компетентностному подходу к преподаванию гу-

манитарного цикла дисциплин в вузе необходимо сформировать у студента соответствующие дисциплинам компетенции.

Как известно, современная модернизирующаяся система высшего профессионального образования оставляет стандартную схему для преподавания в вузе, которая включает в себя использование лекционных и практических занятий. В данных рамках можно одни аспекты преподавания сохранить неизменными, а в других случаях применить инновационные педагогические технологии.

Начнем с лекционного занятия. Хотелось бы отметить, что именно оно было и остается самой сложной формой преподавания. При проведении лекции преподаватель вынужден выступать в различных ролях (ученого, оратора, педагога и психолога). К вузовскому лекционному занятию предъявляют большие требования: оно должно быть научным и в то же время доступным и интересным. Всего этого можно достичь, имея знания, опыт и желание преподавать. Кроме того, по своему эмоциональному влиянию на слушателей лекционное занятие остается по сей день лучшим способом воздействия на аудиторию, через личность лектора.

Приведем некоторые шуточные, но достойные советы молодому преподавателю профессора Ю.Г. Шнейдера:

предельно серьезно отнесись к вводной лекции; не дай основания из названия ее выкинуть одну букву «в»;

с первой же лекции не старайся казаться ни строгим, ни добрым – оставайся самим собой, при условии, конечно, что ты сам по себе достойный человек;

сделай все, чтобы студенты почувствовали систему в изложении курса; экспромты хороши лишь в примерах, иллюстрациях и в ответах на вопросы [2, с. 31].

Следует отметить, что информационно-коммуникационные технологии, используемые в образовательном процессе в высших учебных заведениях, влияют на качественное взаимодействие преподавателей со студентами при наличии электронной информационно-образовательной среды: чатов, видеолекций, видеоконференций, электронных учебников, электронных программно-методических комплексов, электронных справочников и т. п.

Какие инновационные педагогические технологии можно применять при компетентностном подходе, проводя лекционные занятия? Это, разумеется, представление лекционного материала с использованием фильмов-слайдов, презентаций. Причем наглядность при проведении лекционных занятий можно обеспечить с помощью мультимедийных технологий. В настоящее время активно применяют интерактивную доску. На наш взгляд, использовать мел для написания названия лекции и основных терминов в XXI в. уже неуместно. Преподаватель расходует и так ограниченное время на орудие труда каменного века – мел. С помощью интерактивной доски и мультимедиа преподаватель может продемонстрировать заранее подобранный наглядный материал для всех дисциплин гуманитарного цикла: термины и понятия, методы, функции, схемы, графические изображения и т. п. Например,

на лекциях по отечественной истории можно показать схемы военных сражений, портреты (фотографии) командующих армией, произведения искусства, монтированные хроники исторических событий (видеофайлы) и т. д.; на лекциях по политологии – фотографии политических лидеров, итоги выборов, хронологическую нарезку политических конфликтов (видеофайлы), структуру государственной власти и т. д.; по психологии – показать, как развиваются и протекают те или иные психические процессы, как формируются психоэмоциональная сфера, качества личности, какие социально-психологические явления и процессы могут происходить в социуме и т. п. При этом главным является правильный выбор формы проведения лекционного и практического занятия.

В отличие от лекционных занятий, практическое занятие остается одной из активных форм работы со студентами. Целью проведения практических занятий является углубленное изучение теоретического материала, самостоятельное освоение знаний по предмету, развитие творческих способностей и формирование навыков публичного выступления. В этом случае можно использовать различные формы практических занятий (дискуссия, ответы на вопросы, конференция, учебно-ролевая игра, обсуждение) с использованием инновационных технологий. Выполнение студентами заданий к практическим занятиям с использованием инновационных технологий в настоящее время не только приветствуется, но и является обязательным. Например, на практических занятиях-конференциях студенты выступают с докладами, применяя подготовленные слайды по теме своих выступлений, активно используя при этом интерактивную доску, что вызывает интерес, обеспечивает наглядность и способствует эффективному усвоению учебного материала. Например: студент, изучающий дисциплину «Отечественная история», подготовил реферат на тему: «Особенности проявления нравственности в политике». Им были показаны следующие слайды: название, основные термины (этнос, нравственность, Ленд-лиз), перечень основных протоколов по Ленд-лизу, таблица поставок в СССР по этой программе, фотографии с техникой, таблицы долга различных стран по Ленд-лизу, в том числе и СССР. Кроме того, студент с этим же материалом может выступить и на международной научно-практической конференции. Особенность практического занятия-обсуждения заключается в использовании просмотра с помощью мультимедийной установки выступления политического лидера, например одной из парламентских партий России. На этом занятии по политологии будут наглядно отработаны такие темы курса, как «Политическое лидерство», «Избирательные технологии и политические идеологии».

Еще хотелось бы отметить, что использование информационно-коммуникативных инновационных педагогических технологий (например, интерактивной доски и т. п.) во время проведения контроля дает возможность преподавателю выводить на экран задания. Таким образом, преподаватель экономит время и имеет возможность быстро поменять объем и содержание

теста. Помимо этого, можно вызывать к доске студентов для экспресс-опроса по интерактивной доске, что позволит экономить время и повысить качество выявления знаний у студентов. (Имеется в виду, что у последних не будет возможности списывать.) Диагностика качества знаний с помощью информационно-коммуникативных инновационных педагогических технологий в вузе будет также успешной.

Отсюда следует, что в системе высшего профессионального образования, особенно в том случае, когда речь идет о преподавании гуманитарных дисциплин в техническом вузе, с учетом компетентностного подхода уже не обойтись без инновационных педагогических технологий. Они делают преподавание более эффективным, эмоционально наполненным и интересным [4, с. 220].

Особую важность в условиях информационного (постиндустриального) общества приобретает проблема формирования конкурентоспособного специалиста как «человеческого потенциала», который становится ведущим ресурсом прогресса и конкурентоспособности государств, отражает степень интеллектуализации, профессионализма и творческой (креативной) мотивации общества. Более того, социум, в основе которого лежит социокультурная матрица, задает особенности организации и методологического наполнения процесса обучения [3, с. 92].

Библиографический список

1. Берсирова С.Д. Инновационные технологии в образовании // Вестник Майкопского гос. техн. университета. 2009. № 1. С. 113–117.
2. Герасимова В.С. Методика преподавания психологии. М.: Ось-89, 2007. 144 с.
3. Долгова Т.В., Гефеле О.Ф. Образовательная система России в контексте вызовов современности // Инновационное развитие. 2018. № 9 (26). С. 92–94.
4. Никитин И.О., Пермяков Е.К., Токмина Т.А. Общие проблемы инновационного развития в России // Модернизационные процессы в обществе: проблемы теории и практики: материалы Международной научно-практической конференции. Составители и научные редакторы: В.Г. Иванов, С.Ю. Попова (Смолик), С.В. Лавриков. Тверь: СФК-офис, 2010. 296 с.
5. Новожилова И.В. Дистанционное обучение как форма повышения качества образовательного процесса на кафедре истории и политологии ТвГТУ // Система гарантий качества образования: разработка и внедрение: материалы докладов научно-практической конференции. Тверь: ООО «Купол», 2012. 130 с.
6. Новожилова И.В., Гефеле О.Ф. Специфика дисциплины «Реклама и связи с общественностью в органах власти» для бакалавриата // Инновационное развитие. 2018. № 4 (21). С. 224–225.
7. Организация самостоятельной работы студентов при использовании дистанционных технологий: сборник методических материалов / под ред. М.А. Петько. М.: Национальный институт «Высшая школа управления», 2007.

FEATURES OF THE APPLICATION OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN TEACHING HUMANITARIAN DISCIPLINES IN THE TECHNICAL UNIVERSITY

O.F. Gefele, T.V. Dolgova, I.V. Novozhilova

The differential properties of innovative technologies in the space of higher professional education are considered. At the same time, attention is focused on various types and forms of innovative technologies. The question is raised about the effectiveness of the application of innovative technologies in the teaching of the humanities in a technical university in terms of the kommentnostnost approach.

Keywords: *educational environment, vocational training, innovative pedagogical technologies, lectures, practical classes.*

Об авторах:

Гефеле Ольга Фридриховна – к. ф. н., доцент, доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: helga2003@mail.ru. SPIN-код: 7603-7900.

Долгова Татьяна Вадимовна – доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: dolgovamashunya@rambler.ru. SPIN-код: 5577-0924.

Новожилова Ирина Валерьевна – к. п. н., доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: irinanovozhilova@mail.ru. SPIN-код: 4648-2530.

Gefele Olga Fridrichovna – PhD, Ass. prof. of the Department of psychology and philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: helga2003@mail.ru

Dolgova Tatyana Vadimovna – Ass. prof. of the Department of media and public relations of Tver State Technical University, Tver. E-mail: dolgovamashunya@rambler.ru

Novozhilova Irina Valerievna – PhD (Political Sciences), Ass. prof. of media and public relations of Tver State Technical University, Tver. E-mail: irinanovozhilova@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ ФАРМАЦЕВТОВ С РАЗНЫМ СТАЖЕМ РАБОТЫ

Ю.Ю. Чечурова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Чечурова Ю.Ю., 2019

В статье представлено исследование особенностей психологической структуры профессионального здоровья фармацевтических работников с разным стажем работы. Проведенный анализ литературы по проблеме позволил выделить основные компоненты профессионального здоровья, описывающие многоуровневость данного феномена: адаптационный потенциал, ресурсные состояния, в том числе активность личности, стрессоустойчивость, ценностные и смысложизненные ориентации, удовлетворенность трудом. Определена структура и проведен сравнительный анализ профессионального здоровья фармацевтов с разным стажем. Выявленные различия позволяют говорить о преобладании в структуре в группе «молодых» фармацевтов ориентации на продуктивность жизни и профессиональную ответственность, рационализм в группе респондентов со стажем.

Ключевые слова: профессиональное здоровье, адаптивность, стрессоустойчивость, ценностные ориентации, смысложизненные ориентации, удовлетворенность трудом, медицинские работники, фармацевты.

Последнее время вопросы здоровья становятся все более актуальными, в связи с чем возникла необходимость в изучении профессионального здоровья как личностного ресурса сохранения и активизации защитных, регуляторных, компенсаторных механизмов эффективной работоспособности. Вместе с тем встает вопрос о развитии личности профессионала во всех условиях и на всех этапах профессиональной деятельности. Г.С. Никифоров, В.А. Пономаренко, А.Г. Маклаков, Е.К. Веселова и другие исследователи определили основные теоретические положения, касающиеся профессионального здоровья личности, его компонентов и особенностей у представителей разных профессий и возрастов, а также разработали ряд методик, направленных на изучение профессионального здоровья.

Необходимость изучения данной тематики состоит в том, что особенности эмоционального реагирования медицинских работников на различные ситуации профессиональной деятельности; факторы, влияющие на их профессионально-личностное развитие; индивидуально-психологические особенности – это недостаточно изученные проблемы, несмотря на высокую степень востребованности и их научно-практическую значимость.

Б.Г. Ананьев под профессиональным здоровьем понимает ту степень развития здоровья человека, которая обозначается как зрелость целостного организма, когда человек переживает фазы подъема, относительной стабильности и начинающейся инволюции, изменения во внутренней картине здоровья в течение жизни и способен, осознавая эти изменения через самопознание, противостоять встречающимся психотравмирующим ситуациям через самоорганизацию, саморегуляцию и самосовершенствование. А.Г. Маклаков считает, что профессиональное здоровье – это определенный уровень характеристик здоровья специалиста, отвечающий требованиям профессиональной деятельности и обеспечивающий ее высокую эффективность [5].

С.А. Бугров дает следующее определение профессионального здоровья: это «свойство организма сохранять заданные компенсаторные и защитные механизмы, обеспечивающие работоспособность в условиях, в которых протекает профессиональная деятельность». В данных определениях профессиональное здоровье рассматривается как интегральное качество в целостной системе «здоровье – работоспособность – эффективность» [1].

Другими словами, профессиональное здоровье представляет собой сложноинтегрированное личностное образование, включающее уровневое освоение человеком знаний, умений и навыков в обеспечении удовлетворения собственных потребностей при условии и на основе его здоровьесберегающего развития, состояния и функционирования организованных внутренних и внешних систем и связей индивида и общества [3].

С нашей точки зрения, сущностной характеристикой профессионального здоровья выступает его многоуровневость, которая включает в себя личностный адаптационный потенциал, стрессоустойчивость, ценностные и смысложизненные ориентации, удовлетворенность своей профессиональной деятельностью и др.

Медицинская профессиональная деятельность характеризуется интеллектуальной сложностью, монотонностью, ответственностью, риском, нравственными проблемами, межличностными конфликтами. Такая деятельность связана с максимальной психической нагрузкой, высоким эмоциональным напряжением, дефицитом времени, постоянной готовностью к организованным действиям, беспокойством, состоянием неопределенности, с необходимостью принимать на себя ответственность за здоровье и жизнь пациента и т. д. [4].

Так, одно из первых мест по нарушениям профессионального здоровья, возникновению синдрома эмоционального выгорания (СЭВ) занимают профессии среднего медицинского персонала, рабочий день представителей которых проходит в тесном общении с людьми – в основном с больными, требующими заботы и внимания. Сталкиваясь с негативными эмоциями, медицинский работник невольно и произвольно вовлекается в них, в силу чего начинает и сам испытывать повышенное эмоциональное напряжение и сильные переживания, что, в свою очередь, негативно влияет на его профессиональное здоровье.

Профессиональная деятельность в области фармации находится на стыке фармацевтического и предпринимательского направлений. Поэтому от специалистов требуется обладание такими качествами, как экономическое мышление, умение действовать в ситуации неопределенности, самостоятельность, высокие адаптационные способности, лидерские качества, коммуникабельность и т. д. Сложность самой работы, особенности ее выполнения, а также постоянное балансирование фармацевтов между двумя взаимосвязанными отраслями – медицинской и экономической – все это оказывает непосредственное влияние на профессиональное здоровье фармацевтических работников.

Именно поэтому вопросы условий труда и профессионального здоровья медицинских работников заслуживают пристального внимания.

В исследовании приняли участие фармацевты – сотрудники фармацевтической сети аптек «Тверская оптика» г. Твери в количестве 51 человека. Было сформировано две группы: 1-я – работники со стажем профессиональной деятельности до 10 лет; 2-я – со стажем более 10 лет.

Психодиагностический инструментарий составили:
многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (авторы А.Г. Маклаков и С.В. Чермянин);
опросник «Потери и приобретения персональных ресурсов» (Н.Е. Водопьянова, М. Штейн);
шкала оптимизма и активности (Н.Е. Водопьянова, М. Штейн);
тест смысложизненных ориентаций (Д.А. Леонтьев);
тест «Ценностные ориентации» (М. Рокич);
методика «Интегральная удовлетворенность трудом» (Н.Е. Водопьянова) [2].

Эмпирическое исследование особенностей профессионального здоровья фармацевтов с разным стажем работы показало, что в целом по выборке сотрудников с высоким уровнем адаптации выявлено не было. У 84,3 % выражена сниженная адаптация и только у 15,7 % – удовлетворительная адаптация.

Сравнительный анализ групп по стажу выявил следующие достоверные различия в показателях адаптационного потенциала:

поведенческая регуляция ($p = 0,00$);
коммуникативный потенциал ($p = 0,002$);
моральная нормативность ($p = 0,031$);
общий показатель «Личностный адаптивный потенциал» (далее – ЛАП) ($p = 0,00$) (рис. 1).

Из рисунка видно, что поведенческая регуляция, коммуникативный потенциал и общий показатель ЛАП у молодых сотрудников имеют более высокие значения, чем у опытных сотрудников. В свою очередь, у работников со стажем работы больше 10 лет показатели моральной нормативности выше, чем у более молодых сотрудников.

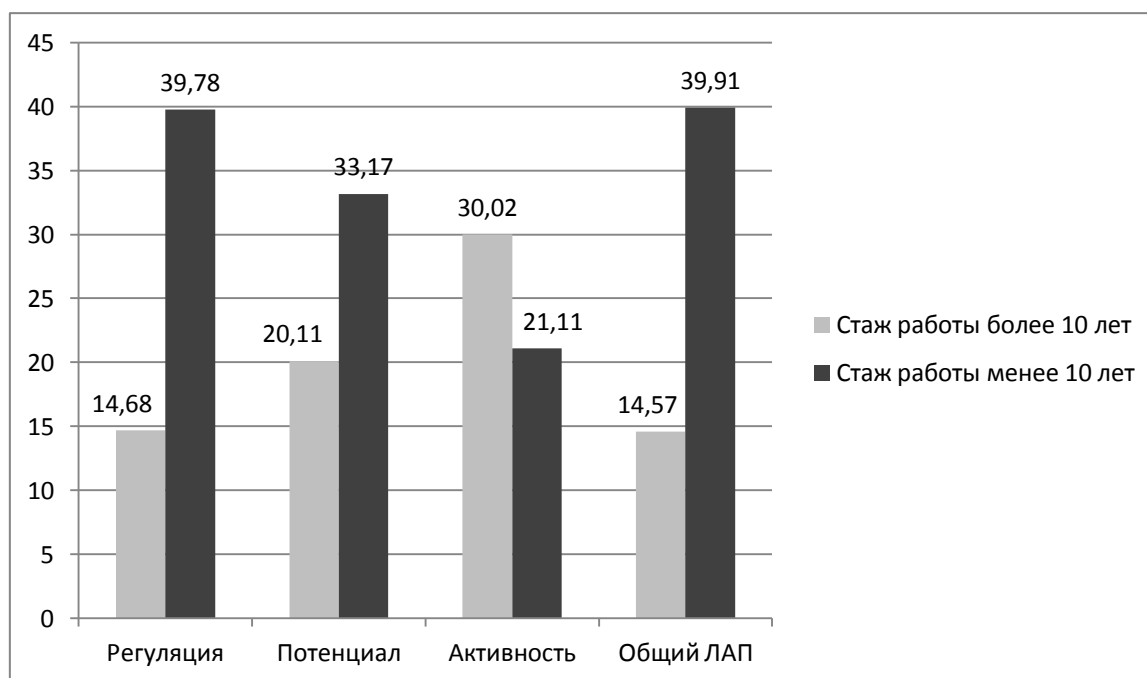


Рис. 1. Статистически значимые различия составляющих ЛАП у 1-й и 2-й групп фармацевтов

Нами были подсчитаны уровни ресурсности респондентов: высокий уровень (82,4 %), средний уровень (17,6 %); сотрудников с низким уровнем ресурсности выявлено не было. Выявлено три психологических типа: **реалисты** (13,7 %), адекватно оценивающие текущую ситуацию по своим силам и возможностям, довольствующиеся тем, что имеют, и, как правило, устойчивые к психологическому стрессу; **активные пессимисты** (19,6 %), для которых свойственна большая активность, но эта активность часто имеет деструктивный характер, в трудных ситуациях они нередко используют агрессивные стратегии; **пассивные пессимисты** (66,7 %), характеризующиеся преобладанием мрачного и подавленного настроения, пассивностью, неверием в свои силы; в трудных ситуациях предпочитают стратегии ухода от решения проблем, считают себя жертвой обстоятельств. Сотрудников с психологическими типами «активные оптимисты» и «пассивные оптимисты» выявлено не было.

Проведенный сравнительный анализ по критерию Манна – Уитни показал достоверные различия по параметру «потери» ($p = 0,035$), «ресурсность» ($p = 0,004$), а также по шкале «активность» ($p = 0,008$). Была также выявлена тенденция по параметру «приобретения» ($p = 0,098$) (рис. 2).

Из рисунка видно, что у сотрудников со стажем работы меньше 10 лет уровень приобретений, ресурсности и активности выше. У сотрудников, стаж которых больше 10 лет, преобладает заикленность на потерях.

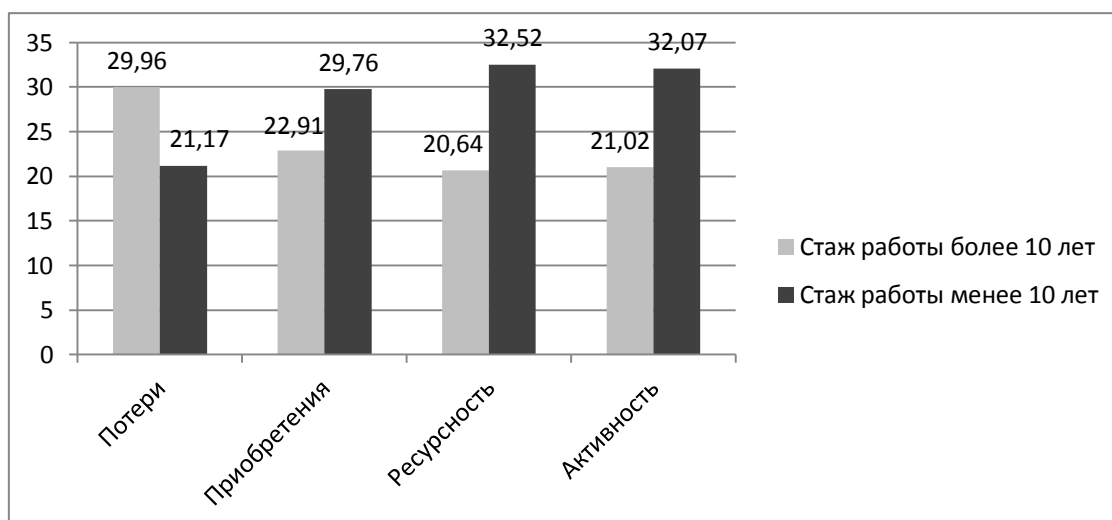


Рис. 2. Статистически значимые различия компонентов стрессоустойчивости 1-й и 2-й групп фармацевтов

В результате диагностики смысложизненных ориентаций было выявлено, что в целом по выборке преобладают «цели в жизни» ($m = 34,9$); «процесс жизни» ($m = 30,4$); «локус-контроль жизнь» ($m = 29,4$).

Анализ ценностных ориентаций показал преобладание наиболее важных терминальных ценностей, таких как здоровье ($m = 2,25$), любовь ($m = 3,00$), семейная жизнь ($m = 3,02$), уверенность в себе ($m = 4,78$) и материальная жизнь ($m = 6,20$). Среди инструментальных ценностей наиболее важными для респондентов являются следующие: честность ($m = 3,53$), воспитанность ($m = 5,06$), ответственность ($m = 5,22$), исполнительность ($m = 6,45$) и самоконтроль ($m = 6,84$).

При проведении сравнительного анализа были выявлены достоверные различия по параметрам: цели в жизни ($p = 0,009$), результативность ($p = 0,027$) и локус-контроль-Я ($p = 0,027$) (рис. 3).

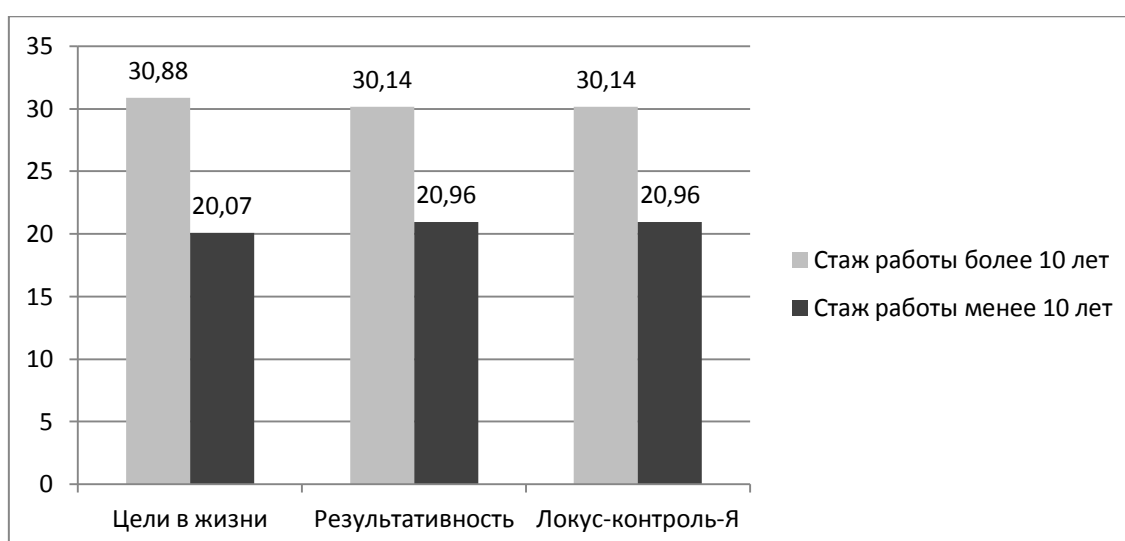


Рис. 3. Статистически значимые различия позиций смысложизненных ориентаций 1-й и 2-й групп фармацевтов

По ценностным ориентациям также имеются достоверные различия (рис. 4).

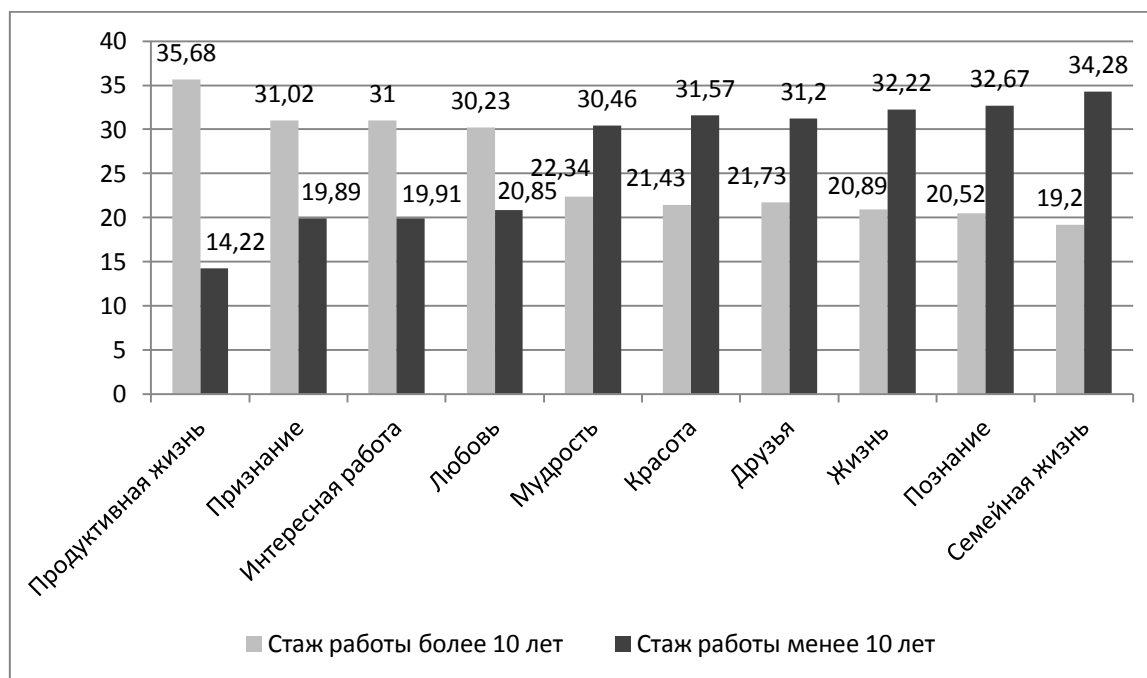


Рис. 4. Статистически значимые различия терминальных ценностей 1-й и 2-й групп фармацевтов

Из рис. 4 видно, что фармацевты со стажем работы больше 10 лет оценивают интересную работу, любовь, признание и продуктивную жизнь выше, чем фармацевты, стаж которых менее 10 лет. В свою очередь для «молодых» сотрудников наиболее ценными выступают жизнь, мудрость, красота, наличие друзей, познание и семейная жизнь.

Были выявлены достоверные различия в таких инструментальных ценностях, как высокие запросы ($p = 0,000$), нетерпимость к собственным и чужим недостаткам ($p = 0,002$), смелость ($p = 0,008$) и честность ($p = 0,000$), а также тенденция по критерию «ответственность» ($p = 0,067$) (рис. 5).

Из рис. 5 видно, что фармацевты со стажем работы больше 10 лет среди инструментальных ценностей выше оценивают высокие запросы, ответственность, смелость и честность, тогда как фармацевты второй группы – нетерпимость к собственным и чужим недостаткам.

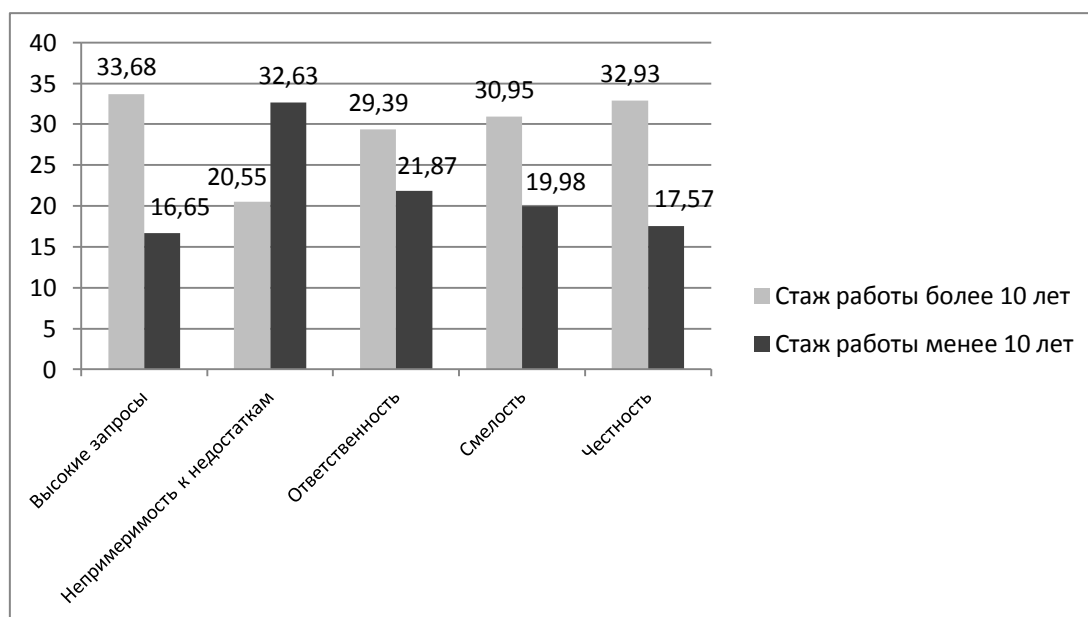


Рис. 5. Статистически значимые различия инструментальных ценностей 1-й и 2-й групп фармацевтов

Показатели удовлетворенности трудом имеют достоверные различия в удовлетворенности взаимоотношениями с руководством ($p = 0,024$), предпочтение выполняемой работе высокому заработку ($p = 0,045$) и общая удовлетворенность трудом ($p = 0,020$). Из рис. 6 видно, что у фармацевтов со стажем больше 10 лет уровень по шкале «предпочтение выполняемой работе высокому заработку» выше, чем у молодых сотрудников, при этом удовлетворенность взаимоотношениями с руководством и общая удовлетворенность трудом выше у «молодых» респондентов (рис. 6).

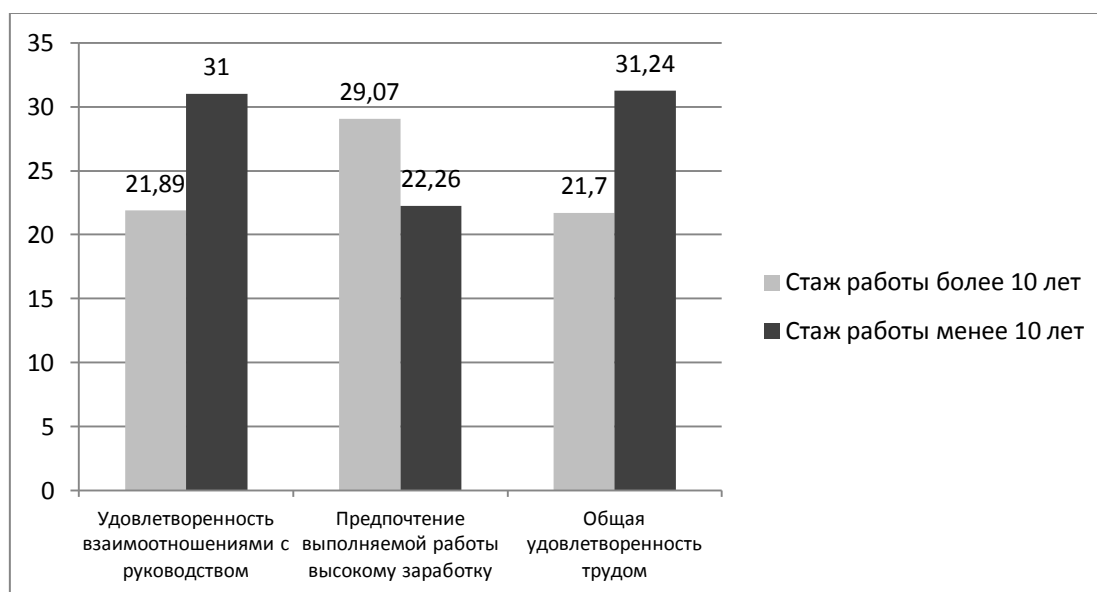


Рис. 6. Статистически значимые различия составляющих удовлетворенности трудом 1-й и 2-й групп фармацевтов

Для выявления структуры профессионального здоровья у двух групп фармацевтических работников нами был выполнен однофакторный анализ.

Для сотрудников, чей стаж не превышает 10 лет, выявлена следующая структура профессионального здоровья (рис. 7).



Рис. 7. Структура профессионального здоровья фармацевтов со стажем работы меньше 10 лет

Из рис. 7 видно, что центральное место в структуре профессионального здоровья занимают показатели с весом от $-0,937$ до $0,700$, такие как продуктивная жизнь ($-0,937$), друзья ($0,874$), материальная жизнь ($0,868$), независимость ($0,854$), признание ($0,798$), воспитанность ($0,784$), развитие ($-0,760$), исполнительность ($0,708$) и уверенность в себе ($0,700$).

Второй уровень структуры составили следующие показатели: творчество ($-0,687$), семейная жизнь ($0,674$), результативность ($-0,653$), эффективность ($0,647$), мудрость ($0,625$), развлечения ($0,599$), воля ($-0,548$), интерес к работе ($-0,581$), широта взглядов ($0,653$), свобода ($-0,564$), терпимость ($-0,531$), любовь ($0,524$), ответственность ($0,517$) и профессиональная ответственность ($-0,520$).

Третий уровень составили аккуратность (0,481), смелость (0,476), ресурсность (0,461), потери (-0,430), самоконтроль (-0,402), удовлетворенность условиями труда (0,367), рационализм (0,356), жизнь (-0,359), удовлетворенность взаимоотношениями с руководством (0,346), интересная работа (-0,330), чуткость (-0,326), жизнерадостность (-0,322) и цель в жизни (-0,301).

На периферии структуры сосредоточились показатели: высокие запросы (0,286), познание (0,282), счастье других (0,278), образованность (-0,204), процесс жизни (0,203), приобретения (0,198), поведенческая регуляция (-0,183), честность (-0,173), предпочтение выполняемой работы высокому заработку (0,170), красота (0,166), удовлетворенность взаимоотношениями с сотрудниками (0,159), уровень притязаний в профессиональной деятельности (0,136), здоровье (0,155), оптимизм (-0,136) и удовлетворенность достижениями в работе (0,121).

Далее нами была проанализирована специфика структуры профессионального здоровья фармацевтов со стажем работы больше 10 лет. Благодаря однофакторному анализу было также выделено четыре уровня показателей профессионального здоровья (рис. 8).



Рис. 8. Структура профессионального здоровья фармацевтов со стажем работы больше 10 лет

К центральным категориям структуры профессионального здоровья относятся профессиональная ответственность (0,866), рационализм (0,861), общая удовлетворенность трудом (0,826), творчество (–0,805), предпочтение выполняемой работы высокому заработку (0,747), свобода (0,726), воспитанность (0,725) и жизнь (0,718).

Второй уровень структуры профессионального здоровья представлен такими показателями, как познание (–0,692), образованность (–0,684), счастье других (–0,656), удовлетворенность взаимоотношениями с руководством (0,646), ответственность (–0,645), аккуратность (0,622), развлечения (0,620), непримиримость к недостаткам себя и других (0,588), чуткость (0,558), интересная работа (–0,550), признание (–0,527) и интерес к работе (–0,511).

Третий уровень структуры составляют следующие показатели: честность (0,462), друзья (0,434), воля (–0,433), удовлетворенность взаимоотношениями с сотрудниками (0,425), удовлетворенность условиями труда (0,416), приобретения (0,409), жизнерадостность (0,353), самоконтроль (–0,342), семейная жизнь (–0,323) и потери (0,322).

На периферии структуры находятся следующие показатели: высокие запросы (–0,288), моральная нормативность (0,286), широта взглядов (0,268), терпимость (0,238), ресурсность (0,237), смелость (0,228), общий уровень личностного адаптационного потенциала (0,225), исполнительность (–0,223), независимость (–0,207), локус-контроль-жизнь (0,207), материальная жизнь (0,192), результативность (0,180), процесс жизни (0,176), удовлетворенность достижениями в работе (0,170), коммуникативный потенциал (0,165), развитие (–0,149), поведенческая регуляция (0,147), продуктивная жизнь (0,141), эффективность (0,123) и уверенность в себе (0,101).

Таким образом, можно говорить о специфике структуры профессионального здоровья фармацевтических работников в зависимости от их стажа работы. Так, структура профессионального здоровья фармацевтов со стажем работы меньше 10 лет включает в себя в первую очередь продуктивную и материальную жизнь, независимость, признание, воспитанность, развитие, заинтересованность в друзьях и уверенность в себе. Несколько менее важными выступают такие характеристики, как творчество, семейная жизнь, результативность, эффективность, мудрость, развлечения, воля, широта взглядов, свобода, терпимость, любовь, профессиональная ответственность и интерес к работе. Полученные результаты объясняются желанием фармацевтических работников активно взаимодействовать с окружающими и получать социальное одобрение и поддержку, при этом они имеют высокий уровень конфликтности, что позволяет отстаивать собственные идеи и ценности. Представители данной группы характеризуются высоким уровнем приобретений, активности и ресурсности. Они ценят жизнь, мудрость, красоту, друзей, познание и семейную жизнь и отличаются непримиримостью с собственными и чужими недостатками; удовлетворены трудом и взаимоотношениями с руководством.

Структура профессионального здоровья фармацевтов со стажем работы больше 10 лет характеризуется такими наиболее важными показателями, как профессиональная ответственность, рационализм, общая удовлетворенность трудом, творчество, предпочтение выполняемой работы высокому заработку, свобода, воспитанность и жизнь. Это можно объяснить развитием СЭВ, что способствует повышению уровня по шкале «морализации», а также снижению поведенческой регуляции и коммуникативного потенциала. Кроме того, снижается уровень оптимизма, происходит фиксация на потерях, которые переживаются более глубоко, происходит ориентация на жизненные цели, результативность и локус-контроль-Я. Респонденты данной группы ценят интересную работу, любовь, признание и продуктивную жизнь, для них характерны высокие запросы, ответственность, смелость и честность.

Таким образом, исследование проблематики профессионального здоровья является одним из перспективных направлений в психологии развития, медицинской психологии и психологии труда. Полученные результаты могут быть учтены при проведении психологической работы с медицинскими персоналом; применяться при профотборе и в рамках психологического сопровождения профессиональной деятельности медицинских работников (фармацевтов) с различным стажем, а также быть использованы в тренинговой работе, при составлении программ повышения квалификации.

Библиографический список

1. Березовская Р.А. Психология профессионального здоровья за рубежом: современное состояние и перспективы развития // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 26. С. 12.
2. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 336 с.
3. Водопьянова Н.Е., Ходырева Н.В. Психология здоровья // Вестник ЛГУ Сер. 6. 1991. Вып. 4. С. 50–58.
4. Куликов Л.В. Здоровье и субъективное благополучие личности // Психология здоровья / под ред. Г.С. Никифорова. СПб., 2000. С. 405–442.
5. Печеркина А.А., Синякова М.Г., Чуракова Н.И. Профессиональное здоровье педагога: учебное пособие для академического бакалавриата / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. 136 с.
6. Психологическое обеспечение профессиональной деятельности: теория и практика / под ред. Г.С. Никифорова. СПб.: Речь, 2010. 816 с.

PSYCHOLOGICAL STRUCTURE OF PROFESSIONAL HEALTH OF PHARMACISTS WITH DIFFERENT EXPERIENCE OF WORK

Yu.Yu. Chechurova

Tver State Technical University, Tver

The article presents a study of the features of the psychological structure of professional health of pharmaceutical workers with different work experience. A theoretical analysis of the literature on the problem of professional health made it possible to single out its main components that describe the multi-level

nature of this phenomenon. These include the adaptation potential, resource states, including personality activity, stress tolerance, value and life-span orientations, and job satisfaction. The structure was determined and a comparative analysis of professional health of pharmacists with different experience was carried out, the identified differences suggest that the orientation towards productivity of life in the group of “young” pharmacists versus professional responsibility, rationalism in the group of respondents with experience job.

Keywords: *professional health, adaptability, stress tolerance, value orientations, life meaningful orientations, job satisfaction, medical workers, pharmacists.*

Об авторе:

Чечурова Юлия Юрьевна – к. псих. н., доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь. E-mail: y.chechurova@gmail.com

Chechurova Yuliya Yurevna – PhD, the Assoc. prof. of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: y.chechurova@gmail.com

УДК 159.9:37.015.3

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ ПРИ ПЛАНИРОВАНИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ КОГНИТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ПРИ ДИСТАНЦИОННОМ ОБУЧЕНИИ

О.Ф. Гефеле, Т.В. Долгова, И.В. Новожилова

ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь

© Гефеле О.Ф., Долгова Т.В., Новожилова И.В., 2019

В статье рассматриваются особенности формирования навыков при планировании самостоятельной когнитивной деятельности студентов при дистанционном обучении. Описывается модель дистанционного обучения, а также применяемые дистанционные технологии и методы. Акцентируется внимание на актуальности планирования студентами самостоятельной когнитивной деятельности для получения качественного образования. Подчеркивается учет студентами приоритетности выполнения предлагаемых заданий по курсу и даются рекомендации по планированию самостоятельной когнитивной деятельности при самостоятельном изучении курса с целью успешного завершения курса и получения положительных оценок.

Ключевые слова: *когнитивная деятельность, дистанционное обучение, самостоятельная работа, дистанционные технологии и методы, качество и успешность образования.*

В современном профессиональном образовании приоритетным и значимым видом учебной деятельности студентов высшего учебного заведения является самостоятельная когнитивная деятельность студента, что актуально как при использовании классической формы обучения, так и дистанционных методов.

С другой стороны, особую важность в условиях информационного общества приобретает проблема формирования в условиях компетентностного подхода конкурентоспособного специалиста как «человеческого потенциала, который становится ведущим ресурсом конкурентоспособности государства, отражает степень интеллектуализации, профессионализма и творческой мотивации общества» [2, с. 92].

Планирование как условие организации когнитивной деятельности студентов в современном образовательном пространстве подразумевает использование различных дистанционных технологий и методов [1].

При этом «самостоятельная работа считается одним из самых трудоемких процессов, что обуславливается тем, что студент напрямую остается сам с собой, иногда ему сложно вникнуть в заданную тематику и дойти до победного конца. С одной стороны, самостоятельной работе студента способствуют его психологические качества (психологический подход), с другой стороны – мотивация человека по образовательной иерархии выше, то есть преподавателя (методологический подход). Психологический подход, в нашем понимании, обусловлен личными качествами студента, методологический подход ориентирован на взаимоотношения между преподавателем и студентом. Таким образом, гипотезой нашего мини-исследования является то, что самостоятельная работа студента должна быть в связке с иными видами образовательного процесса (например, семинарскими занятиями), дабы добиться достойного образовательного/профессионального результата» [6, с. 1012].

Приоритетным направлением в дистанционном обучении является самостоятельная работа студента. При дистанционной форме обучения самостоятельная работа организована со специально разработанными учебными материалами, включающими не только учебные пособия и другой справочный материал, но и аудио-, видео- и компьютерное обеспечение курса.

Модель дистанционного обучения основана на принципе самостоятельной когнитивной деятельности студентов с различными источниками информации (учебными материалами, справочными и дополнительными материалами). Дистанционное обучение отличается от традиционного мобильностью, оперативностью и характеризуется регулярным взаимодействием с преподавателем – координатором курса, использующим различные методы обучения (проблемные, исследовательские, поисковые) при изучении модулей курса [5].

При планировании самостоятельной когнитивной деятельности необходимо формировать навык правильно выделять в работе главное. Для того чтобы определиться, что является главным и что наименее значимо, студенту необходимо изучить тематические планы курсов, по которым он будет обучаться в данном учебном году и семестре, и проконсультироваться у преподавателя или тьютора курса, какие виды самостоятельной работы необходимо выполнить в первую очередь [3].

При планировании самостоятельной работы студенту необходимо знать весь объем учебного материала, его особенности, объем и специфику практической подготовки и т. п. В связи с этим важно ежедневно планировать и выполнять задания, не откладывая их выполнение на последний день. Это необходимо для более качественного и эффективного обучения.

На период обучения следует изменить режим работы и отдыха, учитывая увеличивающиеся нагрузки во время обучения, а также индивидуально-психологические особенности студентов. Еще хотелось бы отметить, что студентам необходимо приучить себя рационально выполнять задания, устранять все факторы, которые могут помешать выполнению запланированной самостоятельной работы.

Желательно составить план самостоятельной работы, а затем его выполнять, используя самопроверку с целью коррекции неправильно выполненных заданий. Если студент запланировал определенную работу в день, то в конце рабочего дня проверяет сделанное, относительно составленного плана. И в соответствии с полученным результатом, при необходимости проводит коррекцию своего плана (увеличение нагрузок, новые принципы или способы реализации и т. п.). При необходимости обязательна обратная связь с преподавателем для уточнения правильности выполнения самостоятельной работы. Поэтому от того, как спланирована самостоятельная работа, будет зависеть эффективность освоения учебного материала [7].

Основным средством планирования самостоятельной работы студента выступает интегрированный междисциплинарный учебный модуль, в котором студенту в обобщенном и структурированном виде представляется информация, необходимая для самостоятельного планирования работы. При этом в первом модуле (для студентов первого семестра) приводятся подробные инструкции по самоорганизации и рекомендуемые инструменты планирования. Продолжительность изучения каждого модуля составляет один семестр. Модуль включает в себя научную подготовку (участие студентов в реальных научных проектах), теоретическую подготовку (работу с учебными пособиями и первоисточниками, активные формы обучения, применяемые на очных сессиях и др.) и практическую подготовку (реальную практическую работу по специальности) [5].

В дистанционной части подготовки студенты еженедельно выполняют задания рабочей тетради либо подготавливают отчеты по практическим

и лабораторным заданиям, при необходимости получают консультации тьюторов и наставников. Раз в две недели студенты выполняют письменную контрольную работу, направленную на оценку и рецензирование.

Все виды работ оцениваются и учитываются при помощи рейтинговой системы оценки. Доступ к новому учебному материалу студент получает только после успешного прохождения аттестационных испытаний по текущему учебному материалу.

После завершения всех занятий по модулю и проведения итоговых аттестационных мероприятий, таких как проверка рабочей тетради, письменный или устный экзамен, проверка практических или лабораторных работ, все полученные студентом баллы суммируются и заносятся в зачетно-экзаменационную ведомость.

Библиографический список

1. Беляева Л.И. Организация самостоятельной работы студентов в условиях компетентно-деятельностного подхода // Современные проблемы профессионального образования: опыт и пути решения: материалы Первой всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2016. С. 111–115.
2. Долгова Т.В., Гефеле О.Ф. Образовательная система России в контексте вызовов современности // Инновационное развитие. 2018. № 9 (26). С. 92–94.
3. Гефеле О.Ф. Проблема организации самостоятельной работы студентов как оценка качества образования // Формирование системы оценки качества образования: сборник научных трудов. Тверь, 2010. С. 17–20.
4. Новожилова И.В. Дистанционное обучение как форма повышения качества образовательного процесса на кафедре истории и политологии ТвГТУ // Система гарантий качества образования: разработка и внедрение: материалы докладов научно-практической конференции. Тверь: ООО «Купол», 2012. 130 с.
5. Долгоруков А.М., Романова О.С. и др. Организация самостоятельной работы студентов при использовании дистанционных технологий: сборник методических материалов / под ред. М.А. Петько. М.: Национальный институт «Высшая школа управления», 2007. 312 с.
6. Подледнов Д.Д. Самостоятельная работа студента: значимость при разных формах обучения в вузе // Аллея науки. 2018. Т. 7. № 5 (21). С. 1011–1015.
7. Челнокова Е.А., Терехина А.С. Тьюторская деятельность по оптимизации научно-исследовательской деятельности студентов // Международный студенческий научный вестник. 2018. № 5. С. 177.

FORMATION OF SKILLS WHEN PLANNING INDEPENDENT COGNITIVE ACTIVITY OF STUDENTS DURING REMOTE TRAINING

O.F. Gefele, T.V. Dolgova, I.V. Novozhilova

The article discusses the features of the formation of skills in the planning of independent cognitive activity of students during distance learning. The model of distance learning is described, as well as the applied distance technologies and methods. Emphasis is placed on the relevance of student planning for independent cognitive activity to receive a quality education. It emphasizes that students take into account the priority of the proposed course assignments, and give recommendations on how to plan independent cognitive activity while independently studying the course in order to successfully complete the course and obtain positive assessments.

Keywords: *cognitive activity, distance learning, independent work, distance technologies and methods, quality and success of education.*

Об авторах:

Гефеле Ольга Фридриховна – к. ф. н., доцент, доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: helga2003@mail.ru. SPIN-код: 7603-7900.

Долгова Татьяна Вадимовна – доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: dolgovamashunya@rambler.ru. SPIN-код: 5577-0924.

Новожилова Ирина Валерьевна – к. п. н., доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: irinanovozhilova@mail.ru. SPIN-код: 4648-2530.

Gefele Olga Friedrichovna – PhD, Ass. prof. the Department of psychology and philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: helga2003@mail.ru

Dolgova Tatyana Vadimovna – Ass. Prof. of the Department of media and public relations of Tver State Technical University, Tver. E-mail: dolgovamashunya@rambler.ru

Novozhilova Irina Valerievna – PhD (political Sciences), Ass. prof. of media and public relations of Tver State Technical University, Tver. E-mail: irinanovozhilova@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

УДК 338

ФАКТОРЫ, ПОКАЗАТЕЛИ И МОДЕЛИ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СТРАНЫ

А.А. Артемьев*, П.А. Кохно**

* ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

** ФГУП «ВНИИ «ЦЕНТР»», г. Москва

© Артемьев А.А., Кохно П.А., 2019

В статье рассмотрено развитие социально ориентированной рыночной экономики России в системе мировой военно-промышленной глобализации. С учетом существующего социально-экономического уровня исследованы проблемы инновационного развития экономики России, выделены основные детерминирующие его факторы и показатели, которые отражают качественные и структурные изменения экономики. Изучена методика построения регрессионной модели, рейтинговой оценки, целью которых является определение вклада отдельных независимых переменных в вариацию зависимой. В рамках авторского определения оборонно-промышленного комплекса предложен инструментарий достижения его предприятиями поставленных целей.

Ключевые слова: оборонно-промышленный комплекс, инновационная экономика, определяющие факторы, регрессионный анализ, рейтинговая оценка, инструментарий развития.

Как указывают П.А. Кохно, А.А. Артемьев, Ю.И. Енин [1], в конкуренции всех факторов производства заложено необходимое условие для успеха экономического процветания нашего Отечества, а достаточным условием является наличие национальной элиты, понимающей азы мировой транснациональной экономической глобализации. В настоящее время прямое военное столкновение между мировыми ядерными державами, которое может привести к необратимым последствиям для всех, крайне маловероятно. Однако Большая игра, о которой писал Редьярд Киплинг в романе «Ким», продолжается уже в виде так называемых «гибридных войн». Такие войны ведутся на территориях третьих стран, и для них характерно применение относительно малых ресурсов и сил; широкое привлечение участников со стороны; тотальная дезинформация населения через подконтрольные СМИ; диверсии и кибератаки. Сирийская Арабская Республика (Сирия) является сегодня главной военно-экономической площадкой глобального противостояния («большой игры»), а об истинных масштабах сирийского кризиса можно судить по данным Международного валютного фонда (МВФ) о валовом внутреннем продукте (ВВП) стран-участников конфликта за 2017 г. (данных по Сирии нет) (таблица).

Совокупный ВВП основных стран сирийского кризиса близок по номиналу к 60 % и почти равен половине всего мирового ВВП по паритету покупательной способности (ППС). И это только первые и вторые группы стран-участников, а есть еще примерно два десятка государств, в том числе соседний Ирак и практически все остальные страны Ближнего Востока, некоторые члены НАТО и ЕЭС, включая Германию, Венесуэла, КНДР, которые также могут считаться малозаметными участниками конфликта. Словом, нет никаких сомнений в глобальном характере сирийского конфликта, оказывающего решающее влияние на перспективное определение новых мировых экономических лидеров. О союзнических и дружеских отношениях между Россией и Сирией с момента прихода к власти Хафеза Асада уже сказано достаточно. Добавим, что помимо экономического интереса, связанного с транспортировкой российского газа в Европу, исключительно важное для России значение имеет ее военное присутствие в Сирии.

Поэтому, избрав эволюционный путь преобразований в построении социально ориентированной рыночной экономики, руководство страны приняло исторически верное решение: не допустить резкого слома сложившихся в обществе традиций, норм и правил, жизненного уклада и ценностей ныне живущих поколений. Тем самым были созданы условия для целенаправленного, постепенного перехода на инновационный путь развития на основе программно-целевого подхода. При этом именно преобразование трудовых отношений и общественных институтов является самым слабым звеном в осуществлении перехода к инновационному развитию в совокупности других ключевых проблем.

ВВП основных участников сирийского кризиса за 2017 г. [2]

Страна	ВВП, \$ млрд номинал	% к мировому	ВВП, \$ млрд ППС	% к мировому
Мир	74 197	100	126 688	100
Россия	1 527	2,06	4 008	3,16
Иран	374	0,50	1 645	1,30
Турция	859	1,16	2 173	1,72
Израиль	299	0,40	316	0,25
Саудовская Аравия	652	0,88	1 774	1,40
Катар	165	0,22	348	0,27
США	19 391	26,1	19 391	15,31
Англосфера	6 068	8,18	6 116	4,83
Франция	2 584	3,48	2 836	2,24
Китай	12 013	16,2	23 159	18,28
Всего	43 932	59,2	61 766	48,75

Социально-экономическое развитие считается основным критерием, отражающим качественные и структурные изменения экономики, положение страны на мировой арене, для оценки которого учитывается комплекс социально-экономических показателей. Социально-экономическое развитие – это многоаспектный процесс, направленный на достижение различных социальных и экономических целей. Даже если речь идет только об экономическом развитии, оно обычно рассматривается совместно с развитием социальным. Социально-экономическое развитие подразумевает сложный, поступательный переход или преобразование общественного производства посредством определенных механизмов в результате взаимодействия внешних и внутренних факторов.

В современных реалиях, когда качество жизни населения во многом определяется состоянием окружающей среды, экономика России должна в равной степени ориентироваться как на удовлетворение потребностей настоящего времени, так и на сохранение аналогичной возможности для будущих поколений без нанесения ущерба экологии. Экологическое развитие учитывает экологические ограничения для данного исторического момента и направлено на сохранение естественных и антропогенных условий и ресурсов жизни.

Процесс экономических и социальных изменений, при котором эксплуатация природных ресурсов, направление инвестиций, ориентация научно-технического развития, развитие личности и институциональные изменения согласованы друг с другом и укрепляют нынешний и будущий потенциал для удовлетворения человеческих потребностей и устремлений, является устойчивым развитием. Фокус устойчивого развития – согласование социально-экономического развития с экологией. Поэтому следует принимать во внимание взаимосвязь трех его компонентов: социального, экономического, экологического.

Таким образом, на современном этапе становления социально ориентированной рыночной экономики России и для ее устойчивого развития, которое подразумевает возможность удовлетворять потребности нынешних поколений, не ставя под угрозу будущие поколения, экологический аспект неотделим от экономического и социального.

Необходимо обладать полной информацией о том, какие факторы способствуют повышению уровня социально-экономического и экологического развития. Такие знания необходимы для того, чтобы своевременно принимать верные решения в различных областях национальной экономики. Под фактором следует понимать причину, движущую силу какого-либо процесса, определяющую его характер или отдельные черты. Факторы показывают наличие присущих для страны определенных качеств, которые востребованы и представляют для нее особую ценность.

На социально-экономическое развитие национальной экономики оказывают возрастающее влияние три главных фактора:

рыночный, подразумевающий под собой взаимопроникновение региональных, национальных и мировых рынков;

конкурентный, который заключается в необходимости усиления неценовой конкуренции в области качества жизни и инноваций;

производственный, предполагающий замену: массового производства – мелкосерийным; вертикальной организации труда – горизонтальной; низкой индивидуальной ответственности – соучастием индивида в производственном процессе.

Для некоторых сфер национальной экономики большее значение имеют те факторы, которые характерны для отраслей специализации.

Отраслевые факторы – это уровень концентрации производства в данной отрасли; уровень текущей конкурентоспособности отрасли; уровень обеспеченности сырьем природоэксплуатирующих отраслей; уровень обеспеченности сельскохозяйственным сырьем пищевой промышленности; уровень обеспеченности квалифицированными кадрами наукоемких отраслей; сравнительная стоимость рабочей силы для трудоемких отраслей; сравнительный уровень концентрации потребительского спроса населения в регионе.

Не меньшее влияние на социально-экономическое развитие оказывает фактор экономико-географического положения страны относительно источников сырья, транспортных магистралей, рынков сбыта, топлива и т. д. Рассматриваемый фактор определяет эффективность развития экономики страны. Действие данного фактора непостоянно и обусловлено открытием новых источников сырья, строительством новых транспортных магистралей и т. п.

В условиях рыночной экономики большую роль стали играть информационные ресурсы и коммуникационные системы, которые дают представление о социально-экономических возможностях страны.

Существенное влияние на развитие национальной экономики оказывает демографический фактор, который создает предпосылки для развития разнообразных видов экономической деятельности и определяет емкость национального рынка.

Чтобы процесс социально-экономического развития национальной экономики протекал успешно и приводил к ожидаемому результату, он должен быть управляем. В связи с этим важную роль для социально-экономического развития играет организационный фактор, т. е. территориальное управление. В зарубежной литературе факторы делят на две большие группы – «жесткие» и «мягкие».

Под «жесткими» понимают факторы, которые измеряются количественно. К данному виду можно отнести факторы, ориентированные на производственные ресурсы (земля, рабочая сила, капитал); ориентированные на производство и сбыт продукции (близость партнеров по кооперации, инфраструктура, структура населения и потребления); установленные государством (налоги, система хозяйствования, субсидии и программы поддержки).

«Мягкие» факторы – это те факторы, которые с трудом поддаются количественному измерению:

- стабильность политической ситуации;
- стабильность общественного климата;
- квалификация занятых по найму;
- региональная структура экономики и отдельных предприятий;
- качество системы образования и профессиональной подготовки кадров.

Среди факторов, влияющих на уровень экологического развития, можно выделить:

климатические (годовая сумма температур, среднегодовая температура, влажность, давление воздуха);

физические (шум, магнитные поля, теплопроводность и теплоемкость, радиоактивность, интенсивность солнечного излучения);

химические (газовый состав воздуха, солевой состав воды, концентрация, кислотность).

Отдельным экологическим фактором, оказывающим существенное влияние на экологическое развитие, выступает антропогенный фактор.

Экологические факторы отличаются значительной изменчивостью во времени и пространстве. Факторы среды воздействуют на объект не по отдельности, а в комплексе; соответственно, любая реакция объекта является многофакторно обусловленной. При этом интегральное влияние факторов не равно сумме влияний отдельных факторов, так как между ними происходят различного рода взаимодействия.

Количество факторов, воздействующих на социально-экономическое развитие национальной экономики, не ограничиваются приведенным перечнем. По мнению многих исследователей, набор таких факторов очень разнообразен, причем он меняется во времени. На одни факторы развития национальной экономики можно определенным образом воздействовать (например, инвестиции в основной капитал), а на другие, например природные богатства, – нет. В любом случае для каждого государства важно обладать полной информацией о том, какие факторы способствуют повышению уровня социально-экономического развития.

Уровень развития национальной экономики оценивают по многим видам показателей, которые условно можно разделить на экономические, социальные, политические, а также экологические [2; 3]. Представляется целесообразным более подробно разобрать каждый из них.

Главным экономическим показателем, характеризующим экономическое развитие, является валовой внутренний продукт. Уровень экономического развития и особенности формирования хозяйственного комплекса характеризуются также показателями отраслевой структуры, а именно:

объемом промышленного производства, продукцией сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий;

финансово-инвестиционными показателями (инвестиции в основной капитал);

показателями развития научно-технического прогресса и др.

Значительную роль играют показатели экспорта и импорта продукции, поскольку они характеризуют специализацию экономики, степень самообеспечения отдельными видами продукции, особенности территориальной организации хозяйства, международные интеграционные процессы.

Социальные показатели выступают индикаторами качества, уровня жизни населения.

К социальным относятся показатели:

демографические, а именно: численность населения, рождаемость, смертность, естественный прирост, убыль населения, браки и разводы, миграция и др.;

денежных доходов населения: номинальная начисленная среднемесячная заработная плата, соотношение доходов населения с бюджетом прожиточного минимума и т. д.;

расходов и потребления домашних хозяйств: структура потребительских расходов домашних хозяйств, потребление основных продуктов питания в домашних хозяйствах;

жилищного условия населения: жилищный фонд, обеспеченность населения жильем;

образования, здравоохранения, культуры и ряд других.

Уровень развития экономики характеризуется также индикаторами состояния рынка труда: количеством трудовых ресурсов; численностью занятого населения; количеством безработных, зарегистрированных в органах по труду, занятости и социальной защите и т. д.

Уровень экологической безопасности как регионов, так и страны в целом характеризуется совокупностью экологических показателей. К данной группе относятся показатели природных ресурсов и охраны окружающей среды: земельная площадь, использование воды, сброс воды, выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, текущие затраты на охрану окружающей среды и т. д.

Политическими показателями являются наличие политических и религиозных свобод в обществе, многообразие политических партий и общественных организаций, уровень коррумпированности власти и т. п. В случаях, когда в стране имеются значительные внутренние региональные политические и межконфессиональные противоречия, эти показатели выступают важнейшими критериями оценивания регионального социально-экономического развития. Следует отметить, что в России при анализе социально-экономического развития регионов данная классификация не используется.

Таким образом, уровень социально-экономического и экологического развития отражают многие показатели, которые с разных сторон характеризуют состояние экономики и могут быть сгруппированы по схожим чертам и направлениям. Важно отметить, что при оценке социально-экономического и экологического развития национальной экономики следует использовать комплекс показателей с целью более качественного анализа состояния объекта исследования.

Несмотря на широкий спектр имеющихся способов проведения анализа и оценки, на сегодняшний день еще не выработано общепринятого теоретико-методологического подхода к анализу и оценке устойчивого социально-экономического развития России. Для этого используют такие направления, как регрессионный анализ и рейтинговый метод оценки.

Одной из целей регрессионного анализа является определение вклада отдельных независимых переменных в вариацию зависимой. Предпосылкой для применения регрессионного анализа служит наличие связи между экзогенной и эндогенной переменными. Существует множество видов регрессионных моделей. В данной работе описана множественная линейная регрессия, которая предполагает установление линейной зависимости между группой независимых переменных x_1, x_2, x_3, x_n и одномерным откликом y .

В основе регрессионного анализа заложен метод наименьших квадратов (МНК). В рамках этого подхода параметры математической модели x_0, x_1, \dots, x_i вычисляются исходя из требования минимальности суммы квадратов отклонений, рассчитанного по математической модели значения функции по формуле

$$Q = \sum_{i=1}^N (y_i^{\text{эксп}} - y_i^{\text{расчетн}})^2 = \min.$$

Регрессионный анализ с помощью МНК возможен при выполнении следующих условий:

- остатки e_i являются случайными;
- математическое ожидание остатков равно нулю: $Me_i = 0$;
- дисперсия остатков постоянна: $De_i = \text{const}$;
- остатки некоррелированы: $M(e_i e_j) = 0$ при $i \neq j$;
- остатки являются нормально распределенной случайной величиной.

Соблюдение данных предпосылок в дальнейшем проверяется с помощью ряда тестов и характеристик полученной модели.

При построении регрессионной модели используется ряд принципов подбора статистической базы, а также выполняются необходимые преобразования для последующего анализа:

- достаточность значений показателей;
- соответствующая степень дискретности данных;
- достоверность зафиксированных данных;
- комплексность базы показателей;
- отсутствие мультиколлинеарности статистических данных;
- отсутствие сезонности временных рядов;
- стационарность данных;
- автокорреляция в остатках.

Характеристиками, по которым оценивается качество модели и ее значимость, являются коэффициент детерминации R^2 , критерий Фишера, критерий Дарбина – Уотсона, Т-статистика Стьюдента.

Рейтинговая оценка социально-экономического развития регионов определяется по интегральным показателям. Расчеты рейтинговой оценки осуществляются на основе реальных статистических данных государственных учреждений. По результатам расчета рейтинговой оценки составляется сводный основной рейтинг, т. е. рейтинг по совокупности оценок интегральных показателей. Завершающим этапом данного метода является распределение мест в рейтинге в порядке убывания расчетных значений рейтинговых оценок.

Предложенные методики, благодаря индивидуальным особенностям в расчетах, а также различным сферам применения, позволяют определить и оценить уровень социально-экономического развития России как на национальном, так и на региональном уровнях, что способствует получению объективных результатов и позволяет использовать их при разработке стратегий и программ социально-экономического развития государства.

Инструментарий экономического развития оборонно-промышленного комплекса

Анализ различных моделей управления инвестиционно-инновационной деятельностью промышленных предприятий [3–5] на основе построения моделей взаимосвязи финансово-экономических показателей позволил сформировать позицию в этой области для предприятий оборонно-промышленного комплекса (ОПК) с учетом авторского определения термина «оборонно-промышленный комплекс» как интегрированной синергетической финансово-эффективной системы.

Под ОПК понимается условно выделенная часть экономики страны, которая представляет собой, во-первых, совокупность промышленных предприятий, занятых в производстве вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ) для нужд государственной обороны и на экспорт; во-вторых, совокупность организаций, занятых в научно-исследовательской сфере, связанных с разработкой и развитием ВВСТ; в-третьих, органы государственной власти и управления, регулирующие деятельность вышеуказанных предприятий и организаций оборонно-промышленного комплекса и занимающиеся стратегическим управлением и формированием политики в сфере оборонно-промышленного комплекса, что в целом реализует самоуправление и направленную самоорганизацию открытой системы в соответствии с определенной целью, что определяет данную интегрированную финансово-эффективную систему как синергетическую.

Для достижения поставленных целей предприятиями ОПК необходимо:

субсидирование стратегически важных предприятий ОПК с целью предотвращения банкротства;

субсидирование казенных предприятий;

субсидирование предприятий ОПК на возмещение части затрат по уплате процентов по целевым кредитным договорам в связи с изменением

условий военно-технического сотрудничества с иностранными государствами;

субсидирование организаций в части возмещения затрат по уплате процентов по целевым кредитным договорам на осуществление инновационных и инвестиционных проектов;

субсидирование процентной ставки по кредитам Внешэкономбанка;

использование средств, выделяемых на целевое финансирование важнейших инновационных проектов государственного значения;

применение эффективных методов управления для внедрения и совершенствования инновационного аспекта производственной деятельности;

привлечение денежных средств из инвестиционно-инновационных государственных фондов;

использование возможностей регионов по стимулированию и поддержке предприятий ОПК (например, выпуск гражданской продукции непосредственно для нужд регионов);

рациональное сочетание государственного регулирования и рыночных методов, мер прямого и косвенного стимулирования научной, научно-технической и инновационной деятельности при реализации приоритетных направлений развития науки, технологий и техники;

формирование оптимального портфеля источников инвестиционной деятельности, использование государственно-частного партнерства, а также привлечение частных инвестиций;

профессиональная переподготовка персонала по внедрению и использованию инновационных технологий и повышение престижа научно-технической деятельности;

подготовка и переподготовка научных и инженерных кадров высшей квалификации для переориентирования на инновационные аспекты деятельности промышленного предприятия;

разработка, апробация и внедрение оптимальных организационно-управленческих методов и моделей управления инновационным процессом, создание экспертных групп для проработки вариантов управленческих решений;

стимулирование научной и инновационной деятельности в области технического оснащения предприятия;

осуществление технического перевооружения ОПК и создание новых производств и технологических линий.

Библиографический список

1. Кохно П.А., Артемьев А.А., Енин Ю.И. Технологические платформы кластерного развития: монография / отв. ред. д.э.н., проф. П.А. Кохно. Тверь: ТвГТУ, 2019. 286 с.
2. International Monetary Fund // World Economic Outlook Database, April 2018. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/01/weodata/index.aspx> (дата обращения: 20.02.2019).

3. Кохно П.А., Кохно А.П. Модели и показатели определения синергетического эффекта интегрированных промышленных компаний // Общество и экономика. 2017. № 1. С. 5–26.
4. Кохно П.А., Кохно А.П. Проблемы опережающего отраслевого развития конкурентоспособной экономики России // Общество и экономика. 2018. № 2. С. 36–58.
5. Кохно П.А. Финансово-эффективный оборонно-промышленный комплекс // Экономист. 2018. № 9. С. 34–45.

FACTORS, INDICATORS AND MODELS OF INNOVATIVE ECONOMY AND ECONOMIC SECURITY OF THE COUNTRY

A.A. Artemyev*, P.A. Kokhno**

*Tver State Technical University, Tver

** All-Russian Research Institute CENTR, Moscow

In article development of socially oriented market economy of Russia in system of world military-industrial globalization is considered. Thus problems of innovative development of economy of Russia taking into account the existing social and economic level are investigated, the major factors and indicators determining it which reflect high-quality and structural changes of economy are allocated. The technique of creation of regression model, a rating assessment which purpose is definition of a contribution of separate independent variables to a variation dependent is studied. Within author's definition of defense industry complex the tools of achievement of goals by its enterprises are offered.

Keywords: *the defense industry complex, innovative economy defining factors, the regression analysis, a rating assessment, tools of development.*

Об авторах:

Артемьев Алексей Анатольевич – д. э. н., профессор, проректор по научной и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь. E-mail: aaartemev@rambler.ru

Кохно Павел Анатольевич – д. э. н., профессор, профессор аспирантуры ФГУП «ВНИИ “ЦЕНТР”», г. Москва. E-mail: pavelkohno@mail.ru

Artemyev Alexey Anatolyevich – PhD (Economical Science), Professor, the vice rector for scientific and innovative activity of the Tver State Technical University, Tver. E-mail: aaartemev@rambler.ru

Kokhno Pavel Anatolyevich – PhD (Economical Science), Professor of All-Russian Research Institute CENTR, Moscow. E-mail: pavelkohno@mail.ru

УДК 338.3

ОБЩЕМЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ПО СОГЛАСОВАНИЮ ОТДЕЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАЧЕСТВА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ КОМПЛЕКСНОГО КРИТЕРИЯ КАЧЕСТВА РЕСУРСНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ

Д.В. Розов, И.С. Комаров

ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь

© Розов Д.В., Комаров И.С., 2019

В статье поднимается проблема необходимости выведения единого критерия качества ресурсного обеспечения предприятия. Рассматриваются основные задачи, которые должны быть решены в этой связи. Предлагаются методические рекомендации по приведению критериев качества использования ресурсов к единой шкале измерения.

Ключевые слова: *единый критерий качества, основные этапы формирования, согласование, единая шкала измерения.*

Проблема повышения контроля качества обеспечения ресурсами предприятий машиностроительного комплекса всегда актуальна в условиях рыночной экономики и конкурентной борьбы. При этом руководство, исходя из многообразия потребляемых предприятием ресурсов, вынуждено использовать индивидуальные критерии качества для каждого ресурса. Более того, некоторые показатели качества использования ресурсов могут иметь обратную зависимость друг от друга. Например, повышение специализации и степени разделения труда, которое в целом оказывает положительное влияние на качество, одновременно повышает и степень монотонии [2, с. 272], что отрицательно сказывается на качестве и производительности труда. Поэтому актуальным становится вопрос о критерии качества, который позволял бы учитывать одновременно все отдельные критерии и их совокупное влияние на итоговый результат деятельности.

При формировании такого критерия необходимо решить три основных проблемы:

- 1) все показатели имеют различную степень влияния на качество;
- 2) все показатели в абсолютном измерении несопоставимы друг с другом и не могут быть интегрированы в единый критерий;
- 3) для различных показателей имеется своя целевая функция, отражающая степень их оптимальности, т. е. одни показатели характеризуются приближением к оптимальному значению по принципу «чем меньше, тем лучше», а другие – по принципу «чем больше, тем лучше», т. е. имеют противоположные целевые функции.

В нашей предыдущей работе [1, с. 276] предложена возможная методика решения первой из поставленных проблем.

В данной статье мы рассмотрим один из возможных путей решения проблемы по приведению критериев качества в систему общих единиц измерения.

Напомним, что предварительно создается пул отдельных критериев качества по каждому из основных типов используемых ресурсов: трудовых, материальных, финансовых, нематериальных и информационных. По каждому типу ресурсов выбирается перечень критериев эффективности использования этого типа ресурса. Затем путем экспертных оценок с последующей обработкой их результатов или путем построения регрессионной модели для каждого критерия рассчитывается его весовой коэффициент (ранг), что позволяет сопоставить степени их влияния на итоговый агрегирующий показатель качества. Результатом будет иерархическая модель критериев качества с коэффициентами ранжирования каждого (табл. 1).

Таблица 1. Итоговые весовые коэффициенты совокупности критериев
(разработана авторами)

Уровень в модели			Условное обозначение коэффициента	Итоговый вес	
0	1	2			
	Группа показателей	Наименование показателей			
Качество ресурсного обеспечения предприятия	Трудовые ресурсы	Наименование 1	K_1	V_1	
		
		Наименование N	
	Финансовые ресурсы	Наименование 1	
		
		Наименование N	
	Материальные ресурсы	Наименование 1	
		
		Наименование N	
	Нематериальные ресурсы	Наименование 1	
		
		Наименование N	
	Информационные ресурсы	Наименование 1	K_n	V_n	
	ИТОГОВОЕ СОВОКУПНОЕ ЗНАЧЕНИЕ				1

Однако применить эти масштабирующие ранги напрямую к списку выбранных критериев качества не представляется возможным, так как данные критерии рассчитываются в разных, несопоставимых единицах. Например, если одним из показателей качества (второй уровень модели) финансовых ресурсов выбрать текущую ликвидность, а показателем качества трудовых ресурсов – величину выработки, то их невозможно сопоставлять. Поэтому в нашей статье мы предлагаем решить эту проблему путем перехода от абсолютных, несопоставимых показателей к относительным, которые уже

могут быть сопоставлены друг с другом. Такой переход мы предлагаем осуществить путем пересчета выбранных в табл. 1 критериев с учетом их нормативных значений, к которым они должны стремиться в оптимальном случае, по формуле

$$K_{от} = \frac{K_{абс}}{K_{норм}}, \quad (1),$$

где $K_{от}$ – значение критерия относительно его нормативной (оптимальной) величины;

$K_{абс}$ – полученное абсолютное значение рассчитанного критерия качества;

$K_{норм}$ – его нормативное значение.

Например, для критерия текущей ликвидности нормативным значением является величина от 1.5 до 2.5. Выход критерия за пределы нижней границы говорит о высоком финансовом риске, когда предприятие не в состоянии стабильно оплачивать текущие счета. Значение более верхней границы свидетельствует о нерациональной структуре капитала. Тогда в качестве оптимального значения можно выбрать середину указанного интервала:

$$K_{норм} = \frac{1.5 + 2.5}{2} = 2.$$

Уточним:

1. В зависимости от отрасли экономики, к которой относится анализируемое предприятие, нижняя и верхняя границы могут смещаться.

2. Если отсутствует единое нормативное значение для какого-либо критерия, то величина нормативного значения устанавливается в соответствии с внутренним регламентом предприятия. Например, не существует единого нормативного значения по выработке. На каждом предприятии оно будет свое, в зависимости от принятых норм и нормативов. В данном примере в качестве нормы можно принять величину выработки на аналогичном предприятии отрасли, максимально сопоставимом по мощности с анализируемым предприятием и показывающим наилучшие результаты деятельности.

Пусть рассчитанный коэффициент текущей ликвидности составил 1.4. Тогда его значение по формуле (1), относительно норматива будет $K_{тл_отн} = \frac{1.4}{2} = 0.7$, т. е. значение критерия составляет 0.7 (70 %) от его оптимальной величины.

В результате модель из табл. 1 может быть преобразована в модель сопоставимых показателей (табл. 2).

Таблица 2. Рассчитанные сопоставимые показатели критериев качества по выбранным видам ресурсов (разработана авторами)

Уровень в модели		Расчетное относительное значение критерия $K_{i \text{отн}} = K_{i \text{абс}} / K_{i \text{норм}}$	Средневзвешенное относительное значение критерия $K_{i \text{отн}} \text{ взвешенное} = K_{i \text{отн}} * V_i$	
0	1			
Качество ресурсного обеспечения предприятия	Трудовые ресурсы	Наименование 1	$K_{1 \text{отн.}}$	$K_{1 \text{отн. взв}}$
	
		Наименование N
	Финансовые ресурсы	Наименование 1
	
		Наименование N
	Материальные ресурсы	Наименование 1
	
		Наименование N
	Нематериальные ресурсы	Наименование 1
	
		Наименование N
	Информационные ресурсы	Наименование 1	$K_{п \text{отн.}}$	$K_{п \text{отн. взв}}$

Примечание. $K_{i \text{абс}}$ – рассчитанные значения критериев качества из таблицы; $K_{i \text{норм}}$ – нормативное значение i-го показателя; V_i – весовой коэффициент влияния i-го показателя на итоговую величину показателя качества из таблицы; $K_{1 \text{отн}}$ – $K_{п \text{отн}}$ – рассчитанные относительные значения критериев качества для каждого вида ресурсов; $K_{1 \text{отн. взв}}$ – $K_{п \text{отн. взв}}$ – рассчитанные взвешенные относительные коэффициенты качества для каждого вида анализируемых ресурсов.

С нашей точки зрения, таким образом может быть решен второй этап обозначенной проблемы – согласование разноформатных критериев и приведение их к единой шкале измерения, для дальнейшего выведения интегрального критерия качества использования ресурсов на предприятии.

Библиографический список

1. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. 672 с.
2. Современное состояние экономических систем: экономика и управление: сборник научных трудов Международной научной конференции. Тверь: ТвГТУ, 2018. 337 с.

GENERAL METHODOLOGICAL PRINCIPLES FOR THE APPROVAL OF SELECTED QUALITY INDICATORS WHEN FORMING A COMPLEX CRITERION OF QUALITY RESOURCE ENTREPRENEURS OF AN ENTERPRISE

D.V. Rozov, I.S. Komarov

Tver State Technical University, Tver

The article raises the problem of the need to derive a single criterion for the quality of resource support of the enterprise. The main tasks that need to be addressed for this are considered. Methodical principles are proposed to bring the criteria for the quality of resource use to a single scale of measurement.

Keywords: *single quality criterion, main stages of formation, coordination, single measurement scale.*

Об авторах:

Розов Дмитрий Викторович – д. э. н., профессор, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: Rozov23.02@mail.ru

Комаров Игорь Сергеевич – к. э. н., доцент, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: ikomarov@rambler.ru

Rozov Dmitry Viktirovich – PhD, Prof., Tver State Technical University, Tver. E-mail: Rozov23.02@mail.ru

Komarov Igor Sergeevich – PhD, Ass. Prof., Tver State Technical University, Tver. E-mail: ikomarov@rambler.ru

УДК 331

ПРОБЛЕМЫ ДЕЛЕГИРОВАНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ В СОВРЕМЕННЫХ КОМПАНИЯХ

Т.С. Хохлова, С.В. Розова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Хохлова Т.С., Розова С.В., 2019

Рассмотрены цели и проблемы делегирования. Выявлены и подробно описаны страхи делегирования, которые и являются проблемой для многих руководителей при передаче части своих функций. Рассмотрены критерии выбора человека, которому руководитель сможет доверить свои функции и шаги делегирования.

Ключевые слова: *делегирование полномочий, передача части функций, проблема делегирования, руководитель, сотрудники, человек, поставленные задачи.*

Управленческий труд с каждым годом все усложняется в связи с тем, что все большее значение приобретают навыки и умения руководителя на научной основе организовывать выполнение поставленных задач подчиненными. Передача части полномочий, т. е. делегирование, считается одной из важных проблем в управлении, а также одной из самых сложных и актуальных задач.

Руководитель зачастую не в состоянии сам решать все возникающие управленческие задачи и функции, даже напрямую связанные с кругом его служебных обязанностей, так как их слишком много и они разнообразны и специфичны, а знания руководителя, опыт и имеющийся запас времени ограничены. Кроме того, руководитель может делегировать полномочия с целью более эффективного использования рабочего времени или подбора кандидатур для освобождающихся управленческих должностей.

Цели делегирования:

1. Освобождение времени руководителя для выполнения управленческих функций, таких как обдумывание стратегии дальнейшего развития, индивидуальная работа с персоналом. Руководитель освобождает это время для решения более глобальных стратегических задач в отношении команд.

2. Развитие людей в командах, которым передают часть функций (когда они начнут выполнять более сложные задачи, у них появится перспектива карьерного роста [1]).

Основной проблемой являются страхи делегирования. Почему же руководители так боятся передавать часть своих функций? Это мы и рассмотрим в данной статье.

Первый страх – это страх утратить авторитет. Руководители часто думают, что пока никто не знает особенностей их функций, они остаются незаменимыми для компании. На самом деле, когда руководитель передает часть своих функций и персонал начинают обучаться, руководитель поднимает свой авторитет, а не теряет его, не утрачивая свою значимость для компании.

Второй страх – это страх недоверия сотрудникам. Когда человек выполняет задачу сложного уровня впервые, он может сделать ошибки и, скорее всего, будет их допускать. В данный момент от руководителя требуется правильно сформулировать задание, определить (при необходимости) возможные направления решения поставленных задач и четко отслеживать работу подчиненного. Руководитель должен пройти этот путь вместе с сотрудником, обучить его; подсказать, как можно избежать стандартных ошибок при выполнении той или иной задачи; рассказать, как сам руководитель это делает, чтобы сотрудник шел по проложенному пути. Если руководитель перестанет поручать подчиненному в дальнейшем выполнение задач, то руководитель рискует остаться один на один со своим объемом работ, а развитие сотрудника окажется под вопросом. В некоторых случаях, когда работа требует особого, творческого подхода, мудрый руководитель дает подчиненному полную свободу выбора, что

и как делать. В результате зачастую руководитель получает новое, нестандартное решение, которое в итоге благотворно отразится на работе фирмы в целом.

Третий страх – это страх потерять контроль. Руководителю хочется все контролировать, чтобы все было, как он это видит, но человек иногда подходит к задаче творчески. Но тут вопрос к руководителю: либо он хочет все контролировать сам, либо хочет достигать высоких результатов, максимально эффективно используя внутренние ресурсы своей команды. Поэтому задача руководителя научиться управлять процессом без тотального контроля над подчиненными.

Четвертый страх – отсутствие понимания, что можно делегировать, а что нельзя. Делегировать можно только отдельные процессы и задачи. Что конкретно можно делегировать, зависит также от уровня подготовки подчиненного. Решения, имеющие особую важность для фирмы, требующие знаний, опыта, сопряженные с анализом большого объема информации, всегда принимаются самим руководителем.

Пятый страх – отсутствие навыка делегирования, т. е. последовательных шагов для того чтобы делегировать задачу своим подчиненным [3, с. 167]. Этому, при желании, можно научиться.

Руководителю необходимо определить, кому можно делегировать часть своих функций, а кому нельзя. Как выбрать нужного человека для решения задачи?

Существует четыре важных критерия для выбора сотрудника:

1. У человека должен быть определенный уровень компетенций. Руководителю необходимо выбрать из нескольких человек того, у которого уровень подготовки для выполнения данной задачи наиболее высок.

2. Наличие мотивации. Очень важно учитывать интересы, ценности и потребности сотрудников, поэтому мотивация особенно важна тогда, когда мы делегируем задачи, которые не входят в стандартный набор функций подчиненных.

3. Наличие физической возможности. Важно знать насколько сможет человек выполнить эту работу исходя из своей загруженности по проекту. Руководитель рискует сорвать и свое поручение, и текущую работу. Поэтому физическая возможность или реальное время для выполнения этой задачи тоже является очень важным.

4. Задачи должны способствовать развитию.

Когда руководитель выбирает сотрудника для решения какой-либо задачи, ему необходимо рассмотреть несколько кандидатур, оценить их по всем четырем критериям и выбрать того чьи критерии наиболее соответствуют решению задачи, которую ставит руководитель [4].

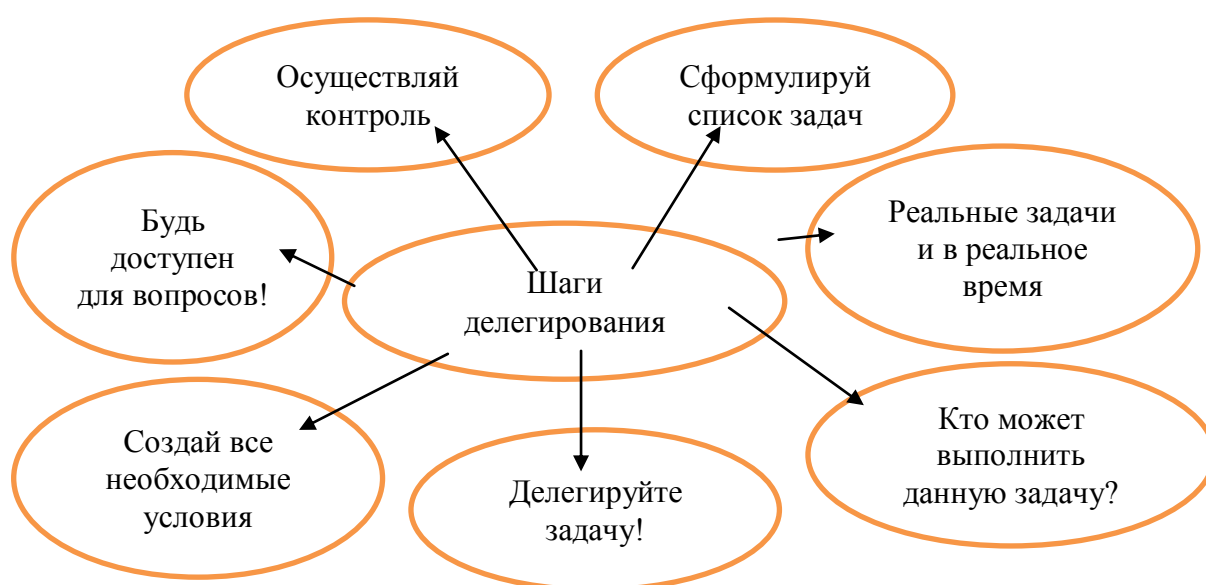
Шаги делегирования схематично представлены на рисунке.

Первый шаг. Необходимо сформулировать список задач для делегирования. На этом этапе необходимо определить, что можно делегировать, а что нельзя.

Руководителю следует взять на себя выполнение задач с высоким риском, которые содержат аспекты стратегической важности и носят конфиденциальный характер, таких как:

- установление целей и задач;
- принятие управленческих решений;
- выработка политики предприятия;
- руководство коллективом и их мотивациями;
- функции с высоким риском;
- необычные и исключительно важные дела;
- функции строго доверительного характера [2].

Второй шаг. Необходимо сформулировать реальные задачи и рассмотреть возможность их выполнения в реальные сроки.



Шаги делегирования

Третий шаг. Необходимо выбрать кандидатуру.

Четвертый шаг. Делегируем задачу. Нужно провести разговор с сотрудником. Руководитель должен уметь оценить, как понял задачу его подчиненный и какая ему потребуется помощь для подготовки к выполнению данной задачи.

Пятый шаг. Важно создать условия для выполнения данной задачи. Если потребуются дополнительные полномочия и ресурсы, их нужно предоставить.

Шестой шаг. Необходимо быть доступным для вопросов или консультаций.

Седьмой шаг. Следует осуществлять контроль. В классическом делегировании контроль предлагается осуществлять на первой трети выполнения задачи, потому что если в этом периоде ничего не происходит, то есть возможность что-либо исправить [5].

Итак, выделим несколько важных моментов, на которые нужно обратить внимание:

1. Делегирование – это передача части функций руководителя.
2. Необходимо понимать критерии кому можно делегировать, с учетом таких факторов, как наличие компетентности, мотивации, физической возможности выполнения.
3. Важно знать, что нельзя делегировать ни в коем случае.

Библиографический список

1. Делегирование полномочий как показатель эффективности управления. 2017. URL: https://www.cfin.ru/management/people/crisis_diagn4.shtml (дата обращения: 27.04.2018).
2. Резник С.Д. Делегирование полномочий. 2017. URL: <http://www.grandars.ru/college/ekonomika-firmy/delegirovanie-polnomochiy.html> (дата обращения: 27.04.2018).
3. Резник С.Д. Организационное поведение: учебник. М.: ИНФРА-М, 2013. 460 с.
4. Ржевская М.С. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2014. № 3 (46). С. 26–31.
5. Как правильно делегировать задачу? 2014. URL: <https://www.src-master.ru/article25.html> (дата обращения: 28.04.2018).

PROBLEMS OF DELEGATION OF AUTHORITY IN MODERN COMPANIES

T.S. Khokhlova, S.V. Rozova

Tver State Technical University, Tver

The article deals with the purpose and problems of delegation, identified and described in detail the fears of delegation, which are a problem for many managers in the transfer of part of its functions. Also reviewed criteria for the selection of the person will be able to trust the head of their functions and the steps of deliverent.

Keywords: *delegation of authority, the transfer of some functions, delegation problem, Manager, staff, person, assigned tasks.*

Об авторах:

Хохлова Татьяна Сергеевна – студентка 1-го курса, направление «Управление качеством», ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: tatiana.kh@mail.ru

Розова Светлана Викторовна – к. э. н., доцент кафедры экономики и управления производством, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: Rozova.svietlana@mail.ru

Khokhlova Tatiana Sergeevna – undergraduate, a direction «Quality Management», Tver State Technical University, Tver. E-mail: tatiana.kh@mail.ru

Rozova Svetlana Viktorovna – Ph.D., Ass. prof., Tver State Technical University, Tver. E-mail: Rozova.svietlana@mail.ru

УДК:316.3:332.87(470.331)

НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СФЕРЕ ЖКХ В СТРУКТУРЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ТВЕРСКОГО РЕГИОНА

М.В. Блохина, Л.Г. Григорьев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Блохина М.В., Григорьев Л.Г., 2019

Статья посвящена анализу деятельности некоммерческих организаций в жилищно-коммунальной сфере в Тверской области. Проанализированы результаты социологического исследования, проведенного методом экспертного интервью. Выявлены особенности подобных организаций, их виды, функции, направления работы, проблемы и перспективы дальнейшего развития.

Ключевые слова: гражданское общество, некоммерческие организации, региональный социум, жилищно-коммунальное хозяйство.

Одна из ведущих тенденций социально-политической жизни постсоветской России – формирование правового государства и становление гражданского общества. Ядро гражданского общества составляют многочисленные и разнообразные некоммерческие организации (НКО), институционализация которых также является характерной чертой последних десятилетий. Некоммерческие организации функционируют в самых разных сферах социума и решают различные задачи. В условиях федеративного устройства России структуры гражданского общества кристаллизуются не только на общегосударственном уровне, но и обретают ярко выраженное региональное и даже муниципальное измерение. Субъекты Российской Федерации образуют пространства самоорганизации регионального социума, проявления гражданской активности и социальной ответственности жителей городских и сельских поселений.

Среди многообразия НКО, действующих в регионах России, особое место занимают организации, функционирующие в сфере жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ). Их значение обусловлено остротой жилищно-коммунальных проблем, плачевным состоянием значительной части жилищно-коммунальной инфраструктуры, недовольством жителей положением дел в этой сфере. В то же время именно партнерство государства, бизнеса, структур гражданского общества и его активистов рассматривается в современной России как условие решения существующих проблем, как фактор, способствующий экономическому росту, социальному благополучию и политической стабильности.

Особым направлением исследований развития гражданского общества в РФ стало изучение различных аспектов формирования и функционирования НКО. Специалисты изучают правовые основы деятельности НКО, передовые практики их работы, механизмы взаимодействия с государством и бизнесом [7; 10]. С учетом многообразия таких организаций в России особый интерес вызывают попытки их типологизации [3, с. 53]. В последние годы усилился интерес к региональным аспектам развития гражданского общества и деятельности НКО, появились работы, авторы которых анализируют состояние подобных структур в отдельных субъектах Российской Федерации [5; 8].

В Тверской области исследования процессов институционализации и функционирования гражданского общества на протяжении многих лет ведут специалисты кафедры социологии и социальных технологий Тверского государственного технического университета [1; 2; 4].

Следует отметить, что, несмотря на значительное число работ, посвященных НКО, исследований их деятельности в сфере ЖКХ пока еще не так много. Авторы подобных работ пытаются выявить специфические черты таких организаций, факторы функционирования, проблемы и перспективы развития [6; 9].

Жилищно-коммунальное хозяйство представляет собой комплекс отраслей экономики, создающих необходимые условия для бесперебойного функционирования инженерной инфраструктуры зданий и сооружений в городских и сельских поселениях. К сфере ЖКХ относятся жилищное хозяйство (капитальный и текущий ремонт зданий), теплоснабжение, водоснабжение, электроснабжение, ремонт инженерных коммуникаций, а также благоустройство территорий, утилизация мусора и уборка.

Основными проблемами ЖКХ являются:

- неудовлетворительное состояние многоквартирных домов (МКД);
- рост масштабов аварийного и ветхого жилья;
- низкое качество жилищно-коммунальных услуг (ЖКУ);
- проведение капитального ремонта;
- установка и функционирование приборов учета;
- начисление платы за ЖКУ;
- неэффективное управление МКД.

Важную роль в решении проблем ЖКХ призваны сыграть НКО. Наиболее распространенными формами НКО в сфере ЖКХ являются товарищества собственников жилья (ТСЖ), жилищно-строительные и жилищные кооперативы (ЖСК и ЖК), а также ассоциации, объединяющие как индивидуальных, так и коллективных членов.

В 2018 г. в Твери было проведено прикладное социологическое исследование с использованием метода глубинного интервьюирования экспертов. Всего было опрошено 20 человек – руководителей и активистов некоммерческих организаций в сфере ЖКХ, представителей органов государственной и муниципальной власти региона, специалистов ресурсоснабжающих организаций.

В ходе интервью экспертам предлагалось дать общую оценку состояния ЖКХ Тверского региона. Большинство участников опроса критически оценили положение дел в жилищно-коммунальной сфере. Негативные оценки эксперты аргументировали существованием не решенных в настоящее время проблем. Среди них – «серьезные технологические проблемы, износ труб», «необходимость модернизации всей инфраструктуры ЖКХ», «низкое качество предоставляемых услуг», а также «отсутствие муниципальных и региональных учреждений, специально занимающихся просвещением населения в сфере ЖКХ, подготовкой специалистов в данной области».

«Наиболее острыми проблемами», по мнению экспертов, можно считать «состояние систем теплоснабжения, требующих незамедлительного проведения капремонта и модернизации», «непрозрачность платежей за жилищно-коммунальные услуги», «нехватку квалифицированных специалистов в сфере ЖКХ», «не до конца урегулированное законодательство», «договорные отношения с ресурсоснабжающими и управляющими организациями», «дисбаланс между качеством жилищно-коммунальных услуг и их ценой», а также «утилизацию мусора». Эксперты также выделили сложности, связанные с управлением предприятиями ЖКХ, недостаточный профессионализм специалистов, пассивность руководителей ТСЖ и ЖСК.

Участникам исследования предлагалось ответить на вопрос: «Какие структуры должны в первую очередь заниматься решением проблем ЖКХ?». Эксперты не смогли указать какую-либо универсальную организацию, ответственную за решение жилищно-коммунальных проблем. По мнению специалистов, подобные функции должны выполнять управленческие структуры муниципального и регионального уровней, представляющие как законодательную (представительную), так и исполнительную ветви власти. Участники опроса считают, что эффективное решение вопросов в сфере ЖКХ возможно только на основе взаимодействия властных структур, бизнес-сообщества, общественных организаций («необходимо сотрудничество властей всех уровней, управляющих компаний, собственников»).

В ходе исследования экспертам предлагалось назвать действующие в Тверском регионе некоммерческие организации, участвующие в решении проблем ЖКХ, и охарактеризовать их деятельность. Выяснилось, что самыми активными и благодаря этому самыми известными в Твери НКО в сфере ЖКХ являются Тверская областная правозащитная общественная организация «Качество жизни» и Тверская региональная ассоциация ТСЖ и ЖСК (ЖК). Кроме того, респонденты упоминали деятельность некоммерческого партнерства по содействию реализации прав граждан в сфере ЖКХ «Комитет защиты тверичей» и Тверской городской общественной организации по содействию собственникам в сфере жилищно-коммунального хозяйства «Эксперт ЖКХ». Основными направлениями работы подобных организаций являются осуществление общественного контроля в сфере ЖКХ и правовое просвещение населения в этой области.

Экспертам предлагалось также оценить востребованность деятельности НКО в сфере ЖКХ в Тверском регионе в настоящее время. Подавляющее

большинство респондентов заявили, что такая работа жизненно необходима («реально работающие НКО в сфере ЖКХ в Твери и в Тверском регионе, безусловно, нужны», «потребность в их деятельности у населения сохраняется на высоком уровне»). В ходе исследования обсуждались причины востребованности подобных структур. Среди них эксперты особо отмечали защиту некоммерческими организациями интересов граждан («именно общественные организации представляют интересы народа»). Многие эксперты подчеркивали роль НКО в формировании социального капитала, т. е. доверия жителей друг другу как основы совместной продуктивной деятельности по решению жилищно-коммунальных проблем. В то же время некоторые респонденты указывали, что недостаточная информированность граждан о деятельности НКО и их возможностях как защитников прав населения в жилищно-коммунальной сфере влияет на отношение жителей к общественным организациям.

Действительно, исследование показало, что уровень информированности граждан о деятельности НКО в сфере ЖКХ в Тверском регионе очень низок («если что-то и известно, то очень ограниченному числу лиц»). Причины такого положения дел эксперты видят в пассивности и равнодушии граждан («несмотря на то, что о деятельности НКО есть публикации в газетах и передачи на телеканалах, людям это неинтересно»), а также в «неправильном» представлении информации о проблемах ЖКХ и роли НКО в их решении в СМИ («СМИ должны прекратить ругать ТСЖ и начать объективно освещать их работу как самой эффективной формы управления многоквартирным домом»).

Участники исследования оценивали заинтересованность граждан в деятельности НКО в сфере ЖКХ, готовность поддержать их работу, а также самим включиться в нее. По мнению экспертов, на все это сильно влияет неосведомленность населения о подобных НКО («с учетом очень плохой информированности граждан о тех или иных НКО в сфере ЖКХ говорить о заинтересованности в их работе, поддержке и активном участии просто не приходится»). Респонденты обращали внимание на то, что если в период создания таких форм НКО, как ТСЖ и ЖСК, заинтересованность граждан велика, то затем, в процессе их повседневной работы, когда «необходимо принимать участие в решении конкретных вопросов, уплачивать членские взносы», активность жильцов резко снижается.

Определенный интерес представляют ответы экспертов на вопрос: «Каковы, на Ваш взгляд, основные причины, которые побуждают жителей Тверского региона к созданию НКО в сфере ЖКХ и (или) участию в их работе?». Главной причиной, по единодушному мнению респондентов, является наличие в сфере ЖКХ множества острых проблем, требующих незамедлительного решения. Среди других мотивов учреждения НКО эксперты называли желание граждан получать качественные жилищно-коммунальные услуги, стремление самостоятельно управлять расходованием денежных средств благодаря использованию «эффективных практик ТСЖ и ЖСК». Некоторые эксперты указывали также на меркантильные мотивы учредителей НКО в сфере ЖКХ, которые «рассчитывают, создав НКО, выиграть грант и получать доход».

Для того чтобы точнее определить место НКО в сфере ЖКХ в пространстве регионального гражданского общества, экспертам было предложено назвать функции, которые выполняют или должны выполнять подобные общественные организации. Общей функцией всех НКО в сфере ЖКХ, по мнению экспертов, должно быть правовое просвещение граждан («просветительская деятельность – важнейшая функция», «ужасающий правовой нигилизм формировался десятилетиями», «неуважение к закону уже, к сожалению, в крови наших людей»). Другие функции обусловлены целями подобных организаций. Например, основная функция ТСЖ, ЖСК, советов МКД – управление многоквартирными домами, саморегулируемые организации (СРО) контролируют соблюдение стандартов в сфере управления МКД. Большинство респондентов полагают, что ключевые функции НКО в сфере ЖКХ связаны с реализацией общественного контроля; повышением уровня правовой грамотности собственников помещений в МКД; сплочением людей, заинтересованных в решении проблем ЖКХ; «созданием атмосферы доверия и взаимопонимания».

В ходе исследования представителям экспертного сообщества необходимо было перечислить формы, методы, технологии, которые применяют в своей деятельности НКО в сфере ЖКХ, и привести примеры успешных практик, реализованных в Тверском регионе. Выяснилось, что общественные организации проводят круглые столы, обучающие семинары и вебинары, устраивают «общественные приемные» и «телефоны доверия», издают методические пособия для населения. Одним из самых эффективных методов работы, по мнению экспертов, являются постоянные личные контакты с населением («в этом случае всегда есть возможность лично задать вопрос и получить на него ответ»). Наиболее успешными общественными структурами, действующими в сфере ЖКХ, помимо уже упоминавшихся НКО «Качество жизни», «Комитет защиты тверичей», «Тверская региональная ассоциация ТСЖ и ЖСК», являются товарищества собственников жилья «Смоленский-8», «Химинститут-47», «Химинститут-54», «Лазурь».

Особый интерес представляют ответы участников исследования на вопросы: «С какими трудностями и проблемами в своей работе сталкиваются НКО в сфере ЖКХ в Тверском регионе? Какие ошибки они чаще всего допускают?». Мнения экспертов разделились. Несколько специалистов связали трудности в деятельности НКО со слабой информированностью населения о работе НКО в сфере ЖКХ, непониманием жителями задач НКО, недоверием к ним («многие жители думают, что их пытаются обмануть»). Другие участники опроса обратили внимание на недоверие органов власти к НКО («демонстрируют лишь формальную заинтересованность»), на игнорирование некоторыми НКО требований российского законодательства («создают себе трудности сами, так как не соблюдают законы»).

Важнейшим аспектом функционирования «третьего сектора» является взаимодействие с органами власти. Поэтому экспертам нужно было обсудить характер взаимоотношений, сложившихся у НКО в сфере ЖКХ с властными структурами. Большинство респондентов отметили, что власть заинтересована в

деятельности общественных организаций в жилищно-коммунальной сфере, так как «НКО должны быть связующим звеном между органами власти и населением, в первую очередь в вопросах просветительской деятельности». Отмечалось, что власть не ограничивает возможности деятельности НКО, а, напротив, «очень заинтересована в том, чтобы количество организаций, помогающих в решении проблем ЖКХ, увеличилось, а число недовольных состоянием дел в данной сфере сократилось». Поэтому органы власти «поддерживают просьбы НКО о предоставлении помещений, делятся информацией, идут навстречу, помогают». В то же время часть экспертов сомневается в искренней заинтересованности властных структур в работе НКО в сфере ЖКХ («возможно, считают ТСЖ соперниками»). Во многом взаимоотношения НКО и власти зависят от конкретных чиновников и их управленческого стиля.

Экспертам предлагалось оценить перспективы развития НКО в сфере ЖКХ в Тверском регионе. Большинство участников опроса убеждены, что некоммерческие организации в жилищно-коммунальной сфере имеют значительные перспективы для своего развития. С одной стороны, сфера ЖКХ очень сложна, многогранна и динамична («в этом секторе сосредоточено множество спорных вопросов, требующих изучения и решения»). С другой стороны, именно в этой сфере может раскрыться значительный потенциал социальной активности граждан, ежедневно сталкивающихся с жилищно-коммунальными проблемами («если население будет проявлять инициативу, то будут создаваться новые НКО»). В то же время эксперты отмечали, что будущее НКО в Тверском регионе в значительной мере зависит от позиции властных структур («важно, какие практические задачи власть будет ставить перед НКО»).

В заключение интервью экспертам предлагалось сформулировать предложения по совершенствованию деятельности НКО в сфере ЖКХ. Участники исследования высказали целый ряд рекомендаций, которые можно разделить на предложения, адресованные непосредственно некоммерческим организациям, и пожелания, адресованные внешним субъектам (органам власти разного уровня, СМИ, бизнес-структурам). Некоммерческим организациям в сфере ЖКХ и их участникам респонденты рекомендовали повышать уровень профессионализма в работе, изучать передовые практики подобных организаций, перенимать их положительный опыт, не уклоняться от решения острых проблем, поддерживать диалог и активно сотрудничать со всеми заинтересованными организациями, должностными лицами, гражданами. Органам власти, по мнению экспертов, необходимо конструктивно взаимодействовать с НКО, обеспечить правовые основы деятельности некоммерческих организаций («нужно стабилизировать законодательство в жилищной сфере, остановить бесконечные изменения»), ослабить необоснованное административное давление («перестать терзать проверками»). СМИ следует объективно освещать работу некоммерческих организаций по решению жилищно-коммунальных проблем, активнее участвовать в правовом просвещении граждан. Многие эксперты подчеркивали необходимость

консолидации НКО в сфере ЖКХ, более тесного сотрудничества между ними; в частности, обсуждалась идея создания ассоциаций ТСЖ на муниципальном и региональном уровнях.

Таким образом, проведенное исследование показало, что для жилищно-коммунального хозяйства Тверской области характерны проблемы, свойственные и другим регионам РФ. Среди них – износ сетей теплоснабжения, низкое качество и высокая стоимость жилищно-коммунальных услуг, пробелы в законодательстве, недостаток высококвалифицированных специалистов. Весомый вклад в решение этих проблем могут внести НКО. Некоммерческие организации в сфере ЖКХ составляют органичную часть «третьего сектора» регионального социума. Наиболее массовыми формами таких НКО являются ТСЖ и ЖСК, которые непосредственно обеспечивают управление многоквартирными домами. Однако особая миссия принадлежит НКО более высокого уровня, которые занимаются правозащитной деятельностью в сфере ЖКХ, взаимодействуют с различными категориями граждан и организаций (собственниками помещений в МКД, потребителями жилищно-коммунальных услуг, руководителями ТСЖ и ЖСК, управляющими компаниями), осуществляют общественный контроль в сфере ЖКХ. Несмотря на высокую востребованность некоммерческих организаций в сфере ЖКХ, информированность граждан об их работе и интерес к ней находятся на низком уровне вследствие общей социальной пассивности значительной части населения, отсутствия необходимых правовых знаний, недоверия жителей к любым проектам в жилищно-коммунальной сфере.

Мотивами граждан, участвующих в создании и работе некоммерческих организаций в сфере ЖКХ, являются:

желание лично отстаивать свои права, непосредственно участвовать в управлении МКД, контролировать расходование денежных средств;

стремление добиться получения качественных жилищно-коммунальных услуг, преодолеть чрезмерную зависимость от органов власти и коммерческих структур.

Функции НКО в сфере ЖКХ можно разделить на две группы: управленческие (управление многоквартирным домом) и просветительские (распространение правовой и экономической информации, необходимой для эффективного управления). Для выполнения названных функций общественные организации используют различные формы и методы работы (например, консультации, собрания, семинары, круглые столы, деловые игры, издание и распространение информационных материалов, обращения в различные органы и учреждения, а также представительство в них, проверки качества жилищно-коммунальных услуг).

Важным условием развития некоммерческих организаций в сфере ЖКХ, повышения эффективности их работы является конструктивное сотрудничество с органами власти. Перспективными формами такого взаимодействия могут быть грантовая поддержка некоммерческих организаций, конкурсное размещение среди них государственных (муниципальных) заказов, создание общественно-экспертных советов, проведение совместных мероприятий.

Проведенное исследование показало, что деятельность НКО в жилищно-коммунальной сфере является каналом реализации потенциала социальной активности граждан, фактором превращения их в реальных субъектов управления многоквартирными домами, вооружает жильцов реальными полномочиями и действенными инструментами для постепенного разрешения острых жилищно-коммунальных проблем. Необходимы дальнейшие мониторинговые исследования деятельности НКО в контексте продолжающихся в РФ жилищно-коммунальных реформ.

Библиографический список

1. Блохина М.В., Григорьев Л.Г. Проблемы и перспективы развития «третьего сектора» в Тверской области // Власть. 2014. № 1. С. 153–159.
2. Григорьев Л.Г. Общественная палата региона: проблемы и перспективы развития // Власть. 2013. № 12. С. 71–75.
3. Дудинов А.Н. Подходы к типологии некоммерческих организаций // Вестник Брянского университета. 2013. № 3. С. 52–55.
4. Майкова Э.Ю., Симонова Е.В. Самоуправленческий потенциал населения российских регионов (на примере Тверской области) // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 80–88.
5. Мерсиянова И.В. Дифференциация российских регионов в контексте предпосылок формирования гражданского общества // Власть. 2008. № 8. С. 9–18.
6. Орлов В.Я., Гареев И.Ф. Пути развития некоммерческих организаций, оказывающих социальные услуги в жилищной сфере // Российское предпринимательство. 2014. № 19 (265). С. 146–156.
7. Попова Ю.С., Тараданов А.А. Теоретико-методологические основы определения социально-экономической эффективности некоммерческой сферы («третьего сектора») // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 8 (262). Экономика. Вып. 36. С. 79–83.
8. Соколов А.В., Исаева Е.А. Гражданское общество в региональном измерении // Власть. 2015. № 1. С. 114–115.
9. Хышова Т.В., Хышова Д.М. Особенности оценки эффективности деятельности некоммерческих организаций сферы жилищно-коммунальных услуг // Ученые записки Тихоокеанского государственного университета. 2014. Т. 5. № 4. С. 1480–1484.
10. Чернышев А.Н. Возможности некоммерческих организаций в развитии сферы услуг // Управленческое консультирование. 2017. № 12. С. 85–91.

NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN HOUSING AND UTILITIES INFRASTRUCTURE SPHERE IN THE STRUCTURE OF CIVIL SOCIETY IN TVER REGION

M.V. Blokhina, L.G. Grigoryev

Tver State Technical University, Tver

This article is devoted to the analysis of non-profit organizations activity in the housing and utilities infrastructure sphere in Tver region. The results of the sociological research have been analyzed. The research method is an interviewing

of experts. The features of such organizations are identified; their types, functions and areas of work, problems and prospects for further development are analyzed.

Keywords: *civil society, non-profit organizations, regional society, housing and utilities infrastructure.*

Об авторах:

Блохина Марина Валерьевна – к. с. н., доцент кафедры социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: bmvstu@mail.ru. SPIN-код: 8156-3243.

Григорьев Леонид Геннадьевич – к. ф. н., профессор кафедры социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: grig1969@rambler.ru. SPIN-код: 4729-1001.

Blokhina Marina Valeryevna – PhD, Ass. prof. of the Department of Sociology and Social Technologies, Tver State Technical University, Tver. E-mail: bmvstu@mail.ru

Grigoryev Leonid Gennadyevich – PhD, Prof. of the Department of Sociology and Social Technologies, Tver State Technical University, Tver. E-mail: grig1969@rambler.ru

УДК 004

УПРАВЛЕНИЕ КАЧЕСТВОМ ПРОГРАММНОГО ПРОДУКТА

Т.С. Хохлова, С.В. Розова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Хохлова Т.С., Розова С.В., 2019

Статья посвящена управлению качеством программного продукта. В ней рассмотрены проблемы, возникающие на этапе тестирования, описано применение метода предотвращения дефектов требований и дефектов проектирования, его влияние на качество программного продукта, а также показано, как выявление дефектов на ранних этапах жизненного цикла проекта влияет на стоимость качественного программного обеспечения.

Ключевые слова: *качество, программный продукт, качество программного продукта, дефекты требований, дефекты проектирования, предотвращение дефектов, документирование требований, требования к качеству.*

С тех пор как компьютер стал неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, спрос на программное обеспечение значительно увеличился. Аяя Элгебели считает, что «сегодня высокое качество воспринимается как обязательный компонент программного обеспечения. Поэтому очень важно вовлечь группы контроля качества в процесс планирования и реализации проектов с самого начала. Тем не менее до сих пор существуют компании, которые считают, что задача обеспечения качества программного продукта решается путем тестирования в конце жизненного цикла разработки» [4].

Уоттс С. Хамфри, С. Бобровский, С. Макконнелл утверждают: «Практика реализации проектов показывает, что если не предпринимать никаких мер по борьбе с дефектами вплоть до завершающего этапа, то к началу тестирования в проекте может накопиться столько дефектов, что исправить их будет непосильной задачей. Дефекты необходимо искать и исправлять постоянно, на протяжении всего жизненного цикла проекта, начиная с самых ранних этапов, а не только в конце на этапе тестирования [2, с. 467]. Дефекты имеют тенденцию накапливаться, если вовремя не принимать мер по их устранению; кроме того, хорошо известен тот факт, что чем дольше дефект “живет” в проекте, тем дороже обходится его исправление (т. е. становится более трудоемким) [1, с. 275]. В конце проекта, на этапе тестирования, искать дефекты уже поздно: если их накопилось очень много, то никакое тестирование не поможет превратить некачественный продукт в качественный» [3, с. 158]. Этим обусловлена актуальность проблемы в управлении качеством программного продукта.

Предотвращение дефектов на ранних этапах жизненного цикла

Самыми трудоемкими по исправлению являются дефекты требований и дефекты проектирования. Такие дефекты намного проще и дешевле предотвратить, чем выявить и исправить. В соответствии с принципом 80/20 (принцип Парето, согласно которому 80 % результата обеспечивается 20 % усилий) необходимо сфокусироваться на требованиях, которые существенно влияют на проектирование. Такие требования называются ASR (architecture significant requirements).

Рассмотрим подробнее классификацию и документирование таких требований.

Выделяют следующие типы требований:

1. Функциональные требования заявляют:

что должна делать система и как она должна себя вести или реагировать на стимул во время выполнения;

функциональность не определяет архитектуру;

можно достичь функциональных требований и при этом не выполнять требования к качеству.

Пример: «Нажатие на кнопку “Отправить” перемещает запрос в очередь “Утверждение”».

2. Требования к качеству.

Атрибут качества (QA) – это измеримое или проверяемое свойство системы, которое используется для определения того, насколько система удовлетворяет потребности заказчиков (например, производительность, доступность).

Примеры: «Система будет работать семь дней в неделю, двадцать четыре часа в сутки».

«Время ответа при входе пользователя в систему должно быть меньше или равно одной секунде».

3. Ограничения.

Ограничение – это проектное решение с нулевой степенью свободы. Ограничения бывают различными: время и бюджет, технология, люди, организационные.

Примеры:

«Набор технологий IBM должен использоваться».

«В команде нет опытных разработчиков, и команда не может быть расширена» (ограничение на стоимость разработчиков).

4. Нефункциональные требования.

Нефункциональное требование – это требование, определяющее критерии, которые можно использовать для оценки работы системы в целом.

Термин NFR («нефункциональное требование») часто используется как общий термин для требований к качеству и ограничений.

Требования, значительно влияющие на архитектуру, могут быть следующих типов:

функциональные,
ограничения,
атрибуты качества.

Требования, значительно влияющие на архитектуру программной системы (ASR), являются подмножеством требований, которое измеримо идентифицируемым образом влияет на архитектуру системы.

Чаще всего ASR принимают форму требований к качеству (но могут принять форму любых других требований).

«Значительно» является ключевым словом. Прежде всего, это измеряется высокой стоимостью изменений.

Пример.

«Система должна быть спроектирована и внедрена таким образом, чтобы это решение могло быть масштабируемо».

Идентификация и документирование ASR

Проблемы при идентификации ASR:

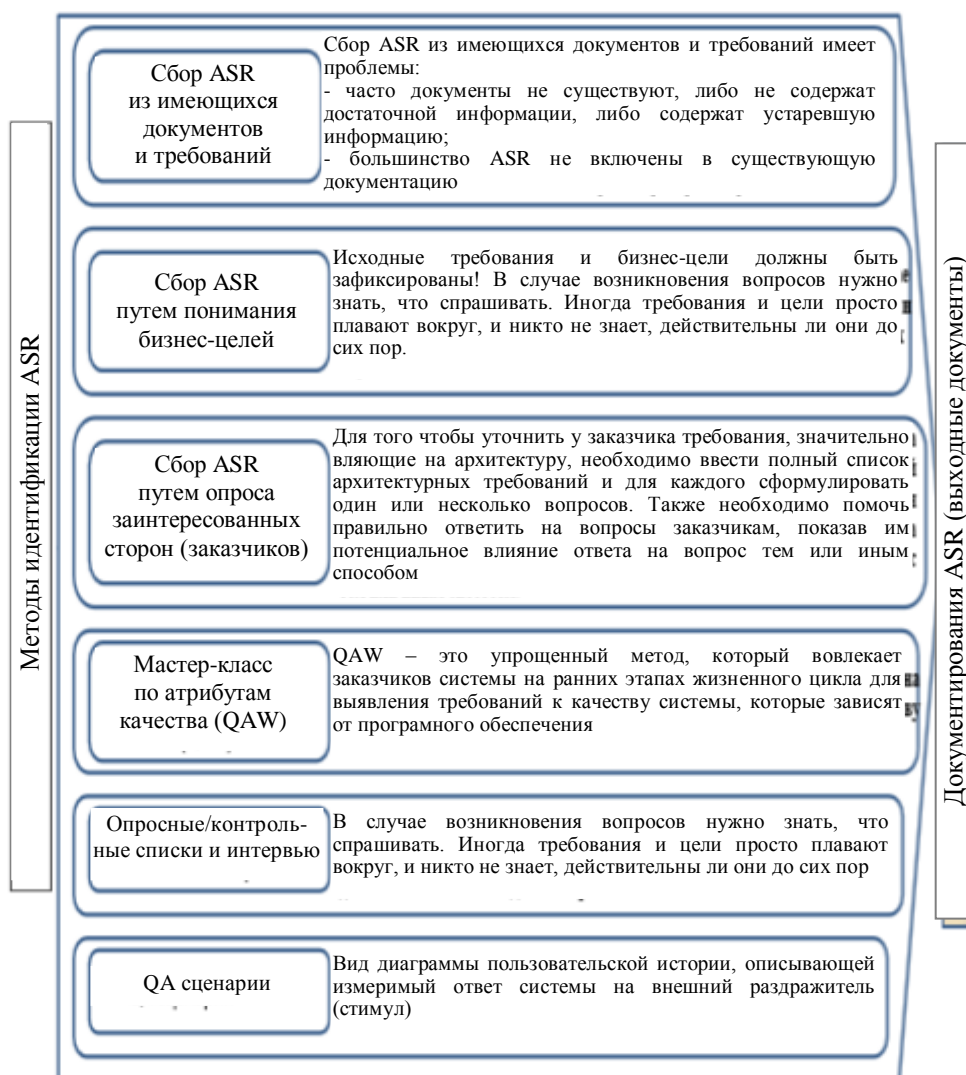
с точки зрения конечного пользователя, специфичные для домена требования более заметны и важны;

акцент делается на сборе специфичных для предметной области требований;

заинтересованные стороны часто думают о ASR как о технических проблемах, которые выходят за рамки их интересов;

систематические методы сбора ASR, как правило, менее известны, чем методы сбора специфичных для предметной области требований.

На рисунке представлены методы идентификации ASR, а также их краткое описание.



Методы идентификации ASR

Заключительным этапом диагностики дефектов является документирование ASR.

ASR могут быть задокументированы из пользовательской истории, которая раскрывает функциональность с точки зрения пользователя. Сценарии атрибутов качества описывают, насколько хорошо функции системы должны выполнять требования ASR. Кроме того, ASR могут быть задокументированы с помощью дерева атрибутов качества.

По мнению авторов, задокументированные требования, значительно влияющие на архитектуру, подлежат обязательному пересмотру, проверке и обязательному согласованию с заказчиком. Подобный подход позволяет предотвращать дефекты в требованиях, влияющих на архитектуру и проектирование системы, что снизит общую стоимость тестирования, а значит и разработки системы.

*Влияние выявления дефектов на ранних этапах жизненного цикла проекта
на стоимость качества программного обеспечения*

По мнению С. Макконнелла, чем раньше дефект выявлен, тем дешевле обходится его исправление: «Может показаться, что применение множества различных методов повышения качества программного обеспечения увеличивает стоимость разработки программного обеспечения. Это может быть верно в краткосрочной перспективе (пока процесс их использования не стабилизировался) либо при неграмотном использовании методов. В долгосрочной же перспективе предотвращение дефектов на ранних этапах жизненного цикла не только не удорожает разработку, но и удешевит ее. Поэтому эффективное применение метода поиска дефектов на ранней стадии способствует снижению стоимости проекта.

Рассмотренный выше метод поиска дефектов, помимо эффективности, характеризуется также высокой скоростью нахождения дефектов. Согласно статистическим данным, например, из [2, с. 465], средняя скорость выявления дефектов у методов тестирования в несколько раз меньше, чем у методов раннего поиска дефектов. Это означает, что, тратя время на поиск дефектов на ранних этапах, мы экономим на предстоящем тестировании.

В заключение необходимо подчеркнуть, что устранение дефектов на поздних стадиях жизненного цикла проекта по разработке программного продукта на самом деле является самым дорогим и длительным этапом разработки программного обеспечения.

Библиографический список

1. Humphrey Watts S. A discipline for software engineering. Addison Wesley: 1995. 816 p.
2. Макконнелл С. Совершенный код. Мастер-класс. М.: Издательско-торговый дом «Русская Редакция»; СПб.: Питер, 2005. 628 с.
3. Бобровский С. Программная инженерия. Технологии Пентагона на службе российских программистов. СПб.: Питер, 2003. 431 с.
4. Проблемы качества программного обеспечения и практические рекомендации URL: <https://www.ibm.com/developerworks/ru/library/rsoftware-quality-challenges-practice-recommendations/index.html> (дата обращения: 08.02.2019).

SOFTWARE QUALITY MANAGEMENT

T.S. Khokhlova, S.V. Rozova

Tver State Technical University, Tver

This article is dedicated to software quality management. It examines the problems at the testing stage, the application of the method for preventing defects in requirements and design flaws, its impact on the quality of a software product, and also examines the effect of identifying defects in the early stages of a project life cycle on the cost of high-quality software.

Keywords: *quality, software, software quality, requirements defects, design defects, defect prevention, requirements documentation, quality requirements.*

Об авторах:

Хохлова Татьяна Сергеевна – магистрантка, направление «Управление качеством», ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: tatiyana.kh@mail.ru

Розова Светлана Викторовна – к. э. н., доцент кафедры экономики и управления производством, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: Rozova.svietlana@mail.ru

Khokhlova Tatiana Sergeevna – undergraduate, a direction «Quality Management», Tver State Technical University, Tver. E-mail: tatiyana.kh@mail.ru

Rozova Svetlana Viktorovna – PhD, Ass. prof., Tver State Technical University, Tver. E-mail: Rozova.svietlana@mail.ru

УДК 338.242.2

МОДЕЛИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОЦЕНКИ КОНТРОЛЛИНГА В КОРПОРАТИВНОЙ СРЕДЕ

И.Ф. Непомнящих

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Непомнящих И.Ф., 2019

Анализ российского и зарубежного опыта выстраивания системы контроллинга показал, что система контроллинга в отечественных корпоративных структурах, по сути, еще формируется. Ее созданию и развитию должны способствовать преодоление имеющихся противоречий между участниками экономических отношений, достоверность и полнота предоставления управленческой и финансовой информации, а также применение эффективных механизмов стратегического планирования. Отсутствие четко выработанных механизмов управления крупными организациями снижает уровень инвестиционной привлекательности отечественного бизнеса, поэтому российским корпоративным структурам необходимо внедрять и использовать контроллинг в качестве системы поддержки управления организационной структурой. Цель исследования – разработка подходов к оценке эффективности контроллинга на основе модели определения стратегического состояния корпоративной структуры и использования системы оценочных показателей.

Ключевые слова: контроллинг, моделирование, система оценки, централизация.

Стратегия развития корпоративных структур в первую очередь должна выработываться на основе улучшения концепций стратегического управления, которые оказывают существенное влияние на экономику в целом, затрагивая общественные и государственные интересы.

Повышения инвестиционной привлекательности корпоративных структур перед ними предполагает решение первостепенной задачи, которая заключается в объективной и своевременной оценке собственных ресурсов и производственных возможностей. Поэтому организационным структурам необходимо смещать свои приоритеты с анализа прошлого и настоящего в сторону будущего. С этой целью следует проводить постоянный мониторинг изменений, которые находят свое отражение как во внутренней, так и во внешней среде, повышать уровень эластичности и адаптации корпоративных образований к этим изменениям. Решить вышеуказанные проблемы позволяет использование контроллинга.

Историческое развитие концепции контроллинга отражает различие в его определениях. Ряд отечественных ученых считают контроллинг самостоятельной концепцией менеджмента (С.Г. Фалько, А.М. Карминский, Э.М. Коротков, Э.А. Уткин, А.М. Павлов, В.А. Старых, Н.И. Оленев, А.Г. Примаков и др. [1–5]); другие – инструментом, видом экономической деятельности (Н.Г. Данилочкина, Л.В. Попов, Т.А. Головина, Р.Е. Исакова и др.); в то же время О.Н. Волкова полагает, что понятие «контроллинг» дублирует уже существующую концепцию управления.

Основной вклад в исследование контроллинга и его роли в системе управления внесли зарубежные ученые: Д. Хан, Э. Майер, Р. Манн, А. Дайле, П. Хорват, Д. Шнейдер, Е. Хейнен, Е. Шеффлер.

На наш взгляд, эффективный инструментальный системы контроллинга в отечественной корпоративной среде позволит успешно решать задачи по повышению качества управления крупными государственными и частными корпорациями и привлечению инвестиционных потоков, а наряду с этим повысит уровень социально-экономического развития в целом, что особенно важно в условиях нехватки экономических ресурсов.

Нам представляется, что построение действенной системы контроллинга предполагает изменения в структуре, качестве и результатах, что будет способствовать преобразованию и выходу на новый этап развития.

Общие тенденции и пути развития системы контроллинга представляются следующими:

- 1) современные стратегические подходы и оценка эффективности показателей контроллинга;
- 2) модернизация методов и инструментов отечественной системы контроллинга.

Несмотря на существование множества сформированных, развитых и функционирующих на достаточном уровне систем контроллинга, в том числе отечественных, остаются актуальными проблемы выработки единых подходов к оценке уровня их развития и определению критериев и показателей. Поэтому особенно важно определить эти критерии и показатели в условиях динамизма экономических отношений и их моделирования.

Термин «модернизация» пользуется высокой популярностью и широко применяется в научной и бизнес-среде. Существует много трактовок указанного термина. Согласно Советскому энциклопедическому словарю «модернизация»

означает «изменение, усовершенствование, отвечающие современным требованиям» [6, с. 817].

Предотвратить отрицательные последствия в отечественной экономике возможно только за счет внедрения новых механизмов управления, одним из которых является контроллинг.

Централизация системы управления в корпоративных структурах является приоритетным направлением развития системы контроллинга в корпоративной среде. Зачастую в практике управления возникает проблема, связанная с определением стратегического состояния корпоративной структуры и эффективности использования системы контроллинга (рис. 1).

Как видим, для того чтобы оценить, насколько эффективен предложенный механизм контроллинга (централизация системы управления), необходимо применение действенных подходов.



Рис. 1. Механизм моделирования контроллинга и современные подходы к оценке его эффективности: 1 – модель определения стратегического состояния корпоративной структуры; 2 – система показателей (составлен автором)

Централизация системы управления в современных условиях управления корпоративным образованием должна происходить за счет повышения роли совета директоров и привлечения в него независимых директоров. Эффективность слаженности работы такого совета зависит от выбора стратегии в той или иной ситуации, поэтому важно свести множество различных частных показателей к единому показателю. В этой связи становится актуальной

разработка системной модели определения стратегического состояния корпоративной структуры (рис. 2).

Для определения уровня реализации выбора стратегии корпорации важна актуальная информация, что предполагает необходимость расчета средне-арифметических значений уровней по дополнительным показателям:

V – положение корпорации на внутреннем рынке по дополнительным показателям $V_{n1}, V_{n2}, V_{n3} \dots V_n$;

W – положение корпорации на внешнем рынке по дополнительным показателям $W_{n1}, W_{n2}, W_{n3} \dots W_n$;

E – положение корпорации по экономическим показателям по дополнительным показателям $E_{n1}, E_{n2}, E_{n3} \dots E_n$.

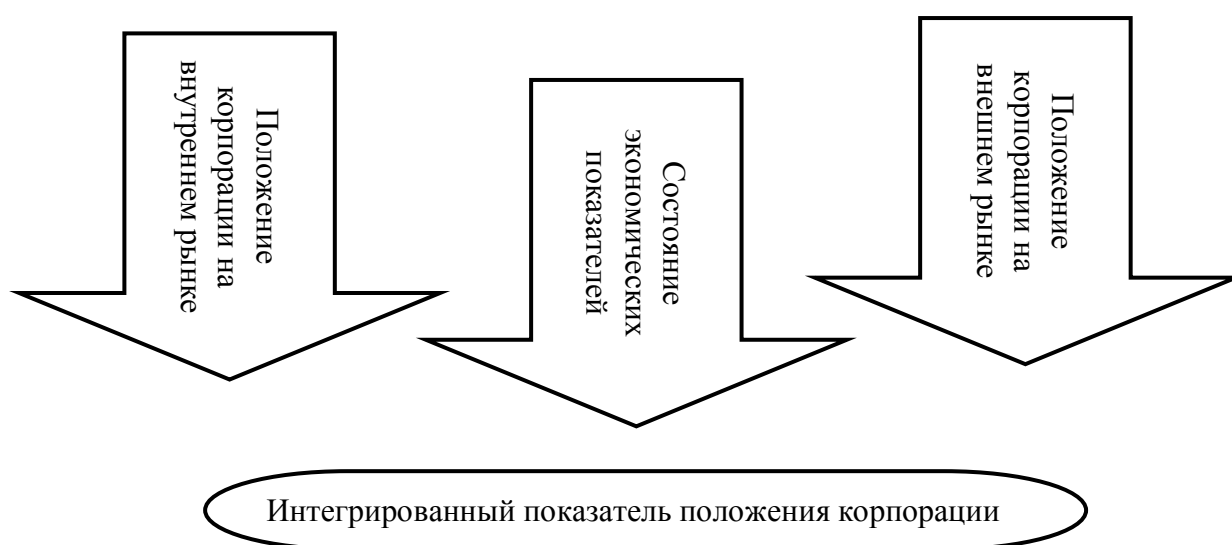


Рис. 2. Модель интегральных показателей стратегического положения корпорации (составлен автором)

Общее количество частных показателей состояний корпоративных структур будет определяться исходя из выбора стратегии действий централизованной системы управления и необходимости повышения системы контроллинга в целом. Для того чтобы обозначить стратегическое положение корпорации, необходимо разработать макет и методику определения ее положения по отношению к конкурирующим корпоративным образованиям.

На основе полученных результатов акционеры получают четкую картину как общего, так и дифференцированных состояний корпоративной структуры, что позволит оценить эффективность использования механизма централизации управления и определить рейтинг компании среди участвующих в оценке корпоративных структур. Внедрение разработанного механизма будет максимально способствовать совершенствованию системы контроллинга и учитывать ее интересы и выгоды.

Библиографический список

1. Фалько С.Г. Контроллинг для руководителей и специалистов. М.: Финансы и статистика, 2008. 272 с.
2. Контроллинг на малых и средних предприятиях: сборник научных трудов IV Международного конгресса по контроллингу / под ред. С.Г. Фалько. М.; Прага: Объединение контроллеров, 2014. 359 с.
3. Карминский А.М. Контроллинг: учебник. М.: Финансы и статистика, 2006. 336 с.
4. Майер Э. Контроллинг как система мышления и управления. М.: Финансы и статистика. 1993. 96 с.
5. Современное предприятие и будущее России: сборник научных трудов Международного форума, посвященного 85-летию кафедры «Экономика и организация производства» МГТУ им. Н.Э. Баумана / под науч. ред. д.э.н., проф. С.Г. Фалько. М.: МГТУ имени Н.Э. Баумана, 2014. 263 с.
6. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров; 2-е изд., перераб. и доп. М.: Советская энциклопедия, 1982. 1599 с.

MODELLING SYSTEM ASSESSMENT CONTROLLING IN THE CORPORATE ENVIRONMENT

I.F. Nepomnyashchikh

Tver State Technical University, Tver

Analysis of the Russian and foreign experience in building a controlling system showed that the controlling system in domestic corporate structures has a general appearance and, in fact, is still being formed. Its creation and development should be promoted primarily by overcoming the existing divisions of contradictions between the participants in economic relations, the completeness of accuracy and the provision of management and financial information, as well as the application of effective mechanisms for strategic planning. The lack of well-developed mechanisms for managing large organizations reduces the level of investment attractiveness of domestic businesses, so Russian corporate structures need to introduce and use controlling as a support system for managing an organizational structure. The aim of the study is to develop approaches to assess the effectiveness of controlling based on the model of determining the strategic state of the corporate structure and the use of a system of performance indicators.

Keywords: *controlling, modeling, evaluation system, centralization.*

Об авторе:

Непомнящих Иван Федорович – аспирант кафедры геодезии и кадастра ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университета», г. Тверь. E-mail: ivan-baton23@mail.ru

Nepomnyaschikh Ivan Fedorovich – PhD Student of the Department of Geodesy and Cadastre. Tver State Technical University, Tver. E-mail: ivan-baton23@mail.ru

УДК 378.1

УПРАВЛЕНИЕ КАЧЕСТВОМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Д.Д. Шапкина, В.А. Липатникова, С.В. Розова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Шапкина Д.Д., Липатникова В.А., Розова С.В., 2019

Статья посвящена повышению качества высшего образования. Рассмотрена модель менеджмента качества высшего образования, отличительной чертой которой является перенос акцента на конечный результат функционирования высшей школы и привлечение заказчиков образовательных услуг к контролю качества и управления процессом подготовки специалистов. Описаны этапы реализации функций системы управления качеством.

Ключевые слова: *качество, образование, оценка качества, качество высшего образования, модель управления качеством, высшая школа, система качества, аудит качества, система менеджмента качества.*

Повышение качества высшего образования в последние годы играет главную роль в вопросах обеспечения конкурентоспособности образовательной системы РФ и подготовки кадров соответствующей квалификации. Влияние интеграционных процессов, возрастающее значение глобализации вызывают необходимость использования международных образовательных стандартов и критериев оценки качества в сфере образования. В то же время разница в потенциальных возможностях и ресурсном обеспечении высшей школы в РФ и развитых странах не позволяет говорить о равноценности подходов к вопросам повышения качества образования. Различные подходы и механизмы контроля подготовки студентов вызывают необходимость дополнительных исследований и разработки модели менеджмента качества высшего образования, приемлемой для национальной образовательной системы.

Проблемам качества высшего образования и определения ее эффективности уделяли повышенное внимание ученые разных стран. С.М. Домбровская освещает результаты исследований государственного менеджмента по улучшению качества высшего образования, повышению конкурентоспособности российских высших учебных заведений, становлению их самостоятельности [1]. Дж. Парусински изучает особенности развития российской образовательной системы, тенденции, показатели функционирования [2]. А.И. Чмилль раскрывает концептуальные подходы к управлению качеством высшего образования с учетом принципов, заложенных в международных стандартах ISO 9000, и предлагает модель управления качеством высшего образования [3]. И.И. Мусиенко обосновывает пути и средства адаптации образования РФ в европейское образовательное пространство и определяет объективные факторы проблемы качества образования в РФ [5].

Независимые оценки деятельности высшей школы, аккредитация и другие процедуры направлены на выяснение того, насколько процесс обучения

соответствует установленным критериям и требованиям. Очевидным преимуществом указанных механизмов является полнота и детализация критериев аккредитации и оценочных показателей.

В то же время практически не принимается во внимание другой аспект оценки качества высшего образования – результат как итог образовательной деятельности. Используемые в отечественной образовательной статистике показатели трудоустройства выпускников не отражают мнение работодателей и самих дипломированных специалистов, не учитывают требования рынка труда, не дают объективной картины уровня подготовки студентов и, следовательно, не способствуют устранению имеющихся недостатков.

Таким образом, система управления качеством высшего образования должна охватывать две подсистемы – контроля качества предоставления образовательных услуг и оценки качества результата. Каждая из них характеризуется своими показателями.

Следует отметить, что повышение конкурентоспособности высшей школы предусматривает использование рыночных механизмов управления образовательной сферой и качеством высшего образования, принятых в международной практике. С.М. Домбровская подчеркивает, что для успешного противостояния в конкурентной борьбе на рынке образовательных услуг необходимо внедрение международных стандартов ISO 9000 [1, с. 55]. А.В. Кайдалова и А.В. Посылкина приводят данные, что из пяти тысяч высших учебных заведений, которые имеют сертифицированные системы качества, более тысячи сертифицированы по системе ISO 9000 [2, с. 354].

Модель управления качеством высшего образования, основанная на указанном стандарте, предполагает установление требований заинтересованных сторон к качеству предоставляемых услуг, создание действенных инструментов совершенствования деятельности и контроля. А.И. Чмилёв конкретизирует принципы, заложенные в международных стандартах, используемых при разработке системы управления качеством образования.

К данным принципам относятся:

- ориентация на потребителей (студентов и слушателей);
- повышение роли руководства в системе управления качеством образования;
- привлечение педагогических работников к функционированию системы управления качеством с повышением их ответственности и заинтересованности в результатах своей деятельности;
- процессный подход, предусматривающий управление образовательными структурами как бизнес-процессами;
- системный подход, учитывающий взаимосвязь и взаимовлияние подсистем высшей школы для достижения большей эффективности и результативности;
- постоянное улучшение с внедрением прогрессивных методов и технологий как цель организации;
- принятие решений на основе достоверных фактов и информации [3, с. 75].

Кроме международных стандартов серии ISO, самыми распространенными моделями систем менеджмента качества являются модели, основанные

на принципах делового совершенства EFQM (European Foundation for Quality Management) и общего управления качеством TQM (Total Quality Management).

Группа ученых рассматривает метод TQM как подход к управлению организацией, основанный на качестве. При этом фундаментальными принципами являются ориентация на потребителя, который определяет критерии качества нужных ему товаров и услуг, и привлечение персонала к достижению поставленных целей [4, с. 63]. В отличие от подходов, используемых в стандартах ISO и TQM, модель делового совершенства EFQM позволяет проводить сравнительный анализ различных вузов. И.И. Мусиенко обращает внимание на то, что применение этой модели базируется на использовании критериев результатов и возможностей СВО, которые предполагают совершенствование образовательной деятельности и повышение эффективности управления системой образования [5, с. 30].

Резюмируя изложенное, можно выделить основные принципы, которым должна соответствовать система менеджмента качества высшего образования:

объективность – использование при принятии управленческих решений актуальной и достоверной исходной информации, которая базируется на показателях, всесторонне характеризующих процесс обучения и результативность высшей школы;

эффективность – определение действенных механизмов, позволяющих за счет улучшения качества образования обеспечить соответствие квалификации выпускников ожиданиям работодателей и повысить конкурентоспособность высшей школы на международном рынке образовательных услуг;

реалистичность – разработка практических рекомендаций и последовательности этапов реализации образовательной политики в сфере повышения качества подготовки специалистов;

адаптивность – способность системы управления качеством высшего образования гибко реагировать на изменение внешних условий, требования рынка труда, тем самым нивелируя негативное влияние инерции образовательных процессов;

универсальность – формирование системы на основе международных стандартов качества, предусматривающих повышение роли руководства, привлечение научно-педагогических кадров к функционированию системы, ориентацию на потребителей образовательных услуг;

производительность – получение данных для аналитической работы по мониторингу процесса обучения и трудоустройства выпускников, планирование деятельности в сфере образования; подбор прогнозных показателей для корректировки образовательных программ, оценки эффективности функционирования высшей школы.

После выбора системы менеджмента качества высшего образования на втором этапе предполагаются анализ и обработка полученных данных, соотнесение результатов с направлениями политики вузов по качеству и научных исследований и определения целей менеджмента качества образования, шагов по их реализации и способов осуществления. Этот этап обуславливает роль руководства в определении приоритетных задач повышения качества,

формулирование целей и стратегических направлений развития учебного заведения. Одновременно привлекаются научно-педагогический персонал и используются механизмы мотивации для достижения поставленной цели, т. е. обеспечивается эффективный менеджмент качества.

Третий этап предусматривает аудит качества, который становится составной частью системы менеджмента, инструментом улучшения качества и структуры расходов [4, с. 68]. Основным отличием аудита от процедуры самооценки является независимость его проведения. Цель аудита состоит в определении эффективности функционирования системы управления качеством образования, соответствия ее поставленным целям по подготовке специалистов. При этом оценивается деятельность всех подсистем высшей школы по критериям эффективности и результативности. Эта работа проводится с привлечением независимых экспертов, в состав которых должны входить представители потенциальных работодателей и заинтересованных организаций. Только при таких условиях может быть обеспечена объективность оценки и предложены меры по корректировке образовательных программ, процесса обучения и профессиональной подготовки.

Участие работодателей в системе менеджмента качества высшего образования позволяет изменить ситуацию, при которой планирование количества необходимых специалистов определенных специальностей, уровень их подготовки не совпадают с потребностями экономики. В этом аспекте функция экспертных советов, созданных при участии менеджеров предприятий и заинтересованных в выпускниках определенной квалификации, состоит в своего рода отрицательной обратной связи по объекту управления. Ее корректирующее воздействие направлено на снижение влияния факторов, приводящих к ухудшению качества образования. При этом повышается адаптивность высшей школы к внешним изменениям.

Можно сделать следующие выводы. Во-первых, разработанная модель менеджмента качества высшего образования содержит подсистему оценки качества предоставления образовательных услуг (обучение) и результата, что позволяет нивелировать негативное влияние инерции развития образовательной сферы. Во-вторых, реализация функций системы управления качеством включает три этапа: внутреннюю самооценку, мониторинг качества и маркетинговых исследований; анализ и обработку полученных результатов с определением целей менеджмента качества и шагов по их реализации; аудит качества образования с определением эффективности системы качества образования и корректировки образовательной политики. В-третьих, отличительной чертой предлагаемой модели является перенос акцента на конечный результат функционирования высшей школы и привлечение заказчиков образовательных услуг (потенциальных работодателей) к контролю качества и управления процессом подготовки специалистов.

Библиографический список

1. Домбровская С.М. Государственные механизмы менеджмента качества высшего образования РФ // Управление. 2013. № 2. С. 54–59.

2. Кайдалова А.В., Посылкина А.В. Актуальность внедрения систем менеджмента качества в высших учебных заведениях медицинского и фармацевтического профиля в РФ и странах СНГ // Социальная фармация: состояние, проблемы и перспективы: материалы Международной научно-практической интернет-конференции 17–20 февраля 2014 г. М.: НФаУ, 2014. С. 354–356.
3. Чмиль А.И. Принципы формирования системы управления качеством образования в условиях реформирования // Образование в РФ. 2016. № 2 (9). С. 75–76.
4. Коровкин М.В., Могильницкий С.Б., Чучалин А.И. Система менеджмента качества в вузе // Инженерное образование. 2015. № 3. С. 62–73.
5. Мусієнко І.І. Принципові відмінності системи освіти України від вимог європейського простору вищої освіти // Наукові праці. Державне управління. 2016. Вып. 135. Т. 147. С. 28–31.

QUALITY MANAGEMENT OF HIGHER EDUCATION

D.D. Shapkina, V.A. Lipatnikova, S.V. Rozova

Tver State Technical University, Tver

This article is devoted to improving the quality of higher education. It considers the model of quality management of higher education, a distinctive feature of which is the shift of emphasis on the final result of the functioning of higher education and attracting customers to educational services to quality control and management of the process of training, as well as three stages of the implementation of the functions of the quality management system.

Keywords: *quality, education, quality assessment, quality of higher education, quality management model, higher school, quality system, quality audit, quality management system.*

Об авторах:

Шапкина Дарья Дмитриевна – магистрантка 2-го курса, направление «Управление качеством», ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: dasha-shapkina@mail.ru

Липатникова Виктория Алексеевна – магистрантка 2-го курса, направление «Управление качеством», ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: stimulka1995@mail.ru

Розова Светлана Викторовна – к. э. н., доцент кафедры экономики и управления производством, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: Rozova.svietlana@mail.ru

Shapkina Daria Dmitrievna – undergraduate of the 2th course, a direction «Quality Management», Tver State Technical University, Tver. E-mail: dasha-shapkina@mail.ru

Lipatnikova Viktoria Alekseevna – undergraduate of the 2th course, a direction «Quality Management», Tver State Technical University, Tver. E-mail: stimulka1995@mail.ru

Rozova Svetlana Viktorovna – PhD, Ass. prof., Tver State Technical University, Tver. E-mail: Rozova.svietlana@mail.ru

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ

Статья должна отвечать тематике основных разделов журнала и содержать результаты исследований, ранее не публиковавшиеся. Объем статьи – от 5 до 16 полных страниц формата А4. Статья должна сопровождаться метаданными и иметь полный библиографический список. Состав авторского коллектива не должен превышать четырех человек. Публикация более двух статей одного автора (в том числе и в соавторстве) в одном номере не осуществляется.

Не допускается дословное цитирование без кавычек из чужих источников и своих источников; допускается опубликование ранее опубликованных иллюстраций и уравнений, если это требуется для понимания текста. Иллюстрации из чужих источников нежелательны, кроме случаев, когда без их дублирования статью невозможно понять; в этом случае они должны быть снабжены ссылками на эти источники. Статья должна содержать новые научные результаты и соответствовать тематике журнала.

Библиографический список не должен превышать 15 (для обзорных статей – 25) наименований: приводятся только источники, на которые есть ссылки в тексте (ссылки на неопубликованные и нетиражированные работы не допускаются). При этом ссылки на собственные публикации не должны преобладать (желательно, чтобы их количество не превышало 25 % от общего числа ссылок).

Представление статей на бумажном носителе и сопровождающих их материалов осуществляется по адресу редакционной коллегии. К сопровождающим материалам относятся метаданные статьи и заполненная форма лицензионного договора.

Метаданные статьи необходимы для помещения статьи в российскую электронную научную библиотеку и включают тематический рубрикатор – УДК; название, аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах (ФИО полностью, должность, место работы каждого автора, адрес электронной почты для каждого автора, SPIN-код), библиографический список по ГОСТ 7.05-2008 на русском языке; название, аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах на английском языке.

При подаче статьи для публикации в журнале авторы должны заключить *лицензионный договор* с Тверским государственным техническим университетом о предоставлении права использования произведения. Форма договора представлена на сайте ТвГТУ в разделе «Вестник ТвГТУ». Представление электронных версий статей и метаданных осуществляется по адресу электронной почты vestnik-tstu@mail.ru. Электронная версия должна содержать один файл, подготовленный с использованием редактора Microsoft Word.

Файл с названием ФИОавтора.doc (указывается фамилия первого автора) содержит текст и метаданные статьи.

Параметры страницы: формат А4, ориентация – книжная, поля – все по 25 мм, переплет – 0 см, отступ на колонтитулы – 1,25 см.

Параметры форматирования текста: шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 12 пт, абзацный отступ – 1,25 см (не задавать пробелами), выравнивание – по ширине, междустрочный интервал – одинарный; заголовок – полужирным с выравниванием по тексту прописными буквами; перед заголовком статьи – УДК без отступа, далее пропуск одной строки, после заголовка пропуск одной строки, затем пропуск одной строки, далее инициалы и фамилии авторов – шрифт полужирный курсив, между инициалами имени и отчества после точки пробел не ставится, далее пропуск одной строки, затем текст, после текста – пропуск строки и библиографический список.

Не допускаются два и более пробела, табуляция, форматирование красной строки с использованием табуляции, автонумерация (нумерованных и маркированных списков), автоматическое проставление сносок, нумерация страниц.

Формулы: все формулы должны быть набраны с использованием редактора **Microsoft Equation**, расшифровка обозначений в формулах обязательна.

Дополнительные требования: единственная таблица, рисунок и формулы, на которые нет ссылок, не нумеруются; должны различаться тире (длинное) и дефис (короткий); между инициалами и фамилией (А.С. Пушкин), между числом и единицей измерений (96 км/ч) и перед сокращениями должен стоять неразрывный пробел (Shift + Ctrl + пробел); для расстановки переносов использовать команду автоматического переноса; ссылки на рисунки и таблицы по тексту обязательны; ссылки на библиографические источники представляются в квадратных скобках.

Нумерация рисунков сквозная по тексту статьи: Рис. 1. Название (точка в конце названия не ставится). В случае одного рисунка наименование «Рис.» перед названием не ставится. Для таблиц нумерация сквозная по тексту: Табл. 1. Название (точка в конце названия не ставится).

Все рукописи печатаются бесплатно.

Все рукописи проходят проверку системой «Антиплагиат.ВУЗ»

Редакционная коллегия:

Рассадин Сергей Валентинович – главный редактор, к. ф. н., доцент, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Филиппченкова Светлана Игоревна – зам. главного редактора, д. псих. н., доцент, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Дьяченко Ярослав Олегович – ответственный секретарь, к. ф. н., доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Члены редакции:

Евстифеева Елена Александровна – д. ф. н., профессор, зав. кафедрой психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Майкова Элеонора Юрьевна – д. ф. н., профессор, зав. кафедрой социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Буланов Владимир Владимирович – д. ф. н., доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет»

Михайлов Валерий Алексеевич – д. ф. н., профессор, зав. кафедрой социологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Сиротюк Алла Леонидовна – д. псих. н., профессор, заведующая кафедрой дошкольной педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Тверского государственного университета»

Рубцова Надежда Евгеньевна – д. псих. н., доцент, главный специалист Управления координации научных исследований Российской академии образования (г. Москва)

Артемьев Алексей Анатольевич – д. э. н., профессор, декан инженерно-строительного факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Розов Дмитрий Валентинович – д. э. н., профессор кафедры экономики и управления производством ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Беденко Надежда Николаевна – д. э. н., заведующая кафедрой экономики предприятия и менеджмента ФГБОУ ВО «Тверского государственного университета»

Казак Тамара Владимировна – д. псих. н., профессор кафедры инженерной психологии и эргономики Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (Республика Беларусь, г. Гомель)

Газнюк Лидия Михайловна – д. ф. н., заведующая кафедрой гуманитарных наук Харьковской государственной академии физической культуры (Украина, г. Харьков)

Адрес редакции: 170026, г. Тверь, наб. А. Никитина, д. 22, каб. 425А

Телефон (4822) 784190 доб. 1, адрес электронной почты: vestnik-tstu@mail.ru

**ВЕСТНИК
ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки»

Научный рецензируемый журнал

№ 2, 2019

Редактор М.Б. Юдина
Корректор Я.А. Петрова
Технический редактор М.Б. Юдина

Редакционно-издательский центр
Тверского государственного технического университета
Адрес редакции: 170026, г. Тверь, наб. А. Никитина, д. 22